Александр Широкорад
Друзья и враги России
ШВЕЦИЯ
ГРОЗА
С БАЛТИКИ

Александр Борисович Широкорад

Швеция. Гроза с Балтики

Серия «Друзья и враги России»

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=14655095
Швеция. Гроза с Балтики: Вече; М.; 2008
ISBN 978-5-9533-2313-0, 978-5-4444-8171-4

Аннотация

В книге рассказывается о тысячелетней истории взаимоотношений России и ее северного соседа Швеции. Почему братские как в прямом, так и в переносном смысле отношения русских князей и варяжских конунгов к XIII веку перешли в непримиримую вражду? Что произошло на самом деле на Неве в 1240 году? Стал ли шведский король Магнус схимонахом Валаамского монастыря? Как шведы построили город Ниен в центре современного Петербурга, и почему Петр I хотел сделать его своей столицей, а потом передумал? Как оказалась на шведском престоле династия Бернадотов? Как нейтральная Швеция ухитрилась вести боевые действия против России в ходе обеих мировых войн?

Содержание

Раздел I 5
Глава 1 5
Глава 2 17
Глава 3 24
Глава 4 33
Раздел II 42
Глава 1 42
Глава 2 47
Глава 3 55
Глава 4 62
Глава 5 71
Глава 6 74
Раздел III 80
Глава 1 80
Глава 2 84
Глава 3 90
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Александр Борисович Широкорад
Швеция. Гроза с Балтики

© Широкорад А.Б., 2008
© ООО «Издательский дом «Вече», 2008

Раздел I
Дела давно минувших дней

Глава 1
От дружбы с варягами-язычниками к тотальной войне с крестоносцами

В лето 6370[1] от сотворения мира пошли кровавые свары у северных славян. «И не было среди них правды, и встал род на род, и была среди них усобица, и стали воевать сами с собой. И сказали себе: “Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву”. И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью подобно тому, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готладцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: “Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами”. И вызвались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли к славянам, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Бело-озере, а третий, Трувор, – в Изборске».

«И от тех варяг прозвалась Русская земля. Новгородцы же – те люди от варяжского рода, а прежде были славяне. Через два года умерли Синеус и брат его Трувор. И овладел всею властью Рюрик и стал раздавать мужам своим города»[2].

Вот так описано становление государственности на Руси в «Повести временных лет». Поскольку, кроме летописи, никаких других данных о призвании Рюрика нет, то по сему поводу отечественные историки уже два столетия ведут жестокую войну между собой. Тех, кто поверил летописи, окрестили норманистами, а историков, считавших, что призвание варягов – вымысел и князь Рюрик – мифологический персонаж, соответственно, стали звать антинорманистами.

На мой взгляд, независимо от личности самого конунга Рюрика, норманны вместе с местным населением создали Древнерусское государство, которое наши историки не совсем корректно назвали Киевской Русью. Об участии норманнов (варягов) в походах русских князей IX–XI вв., их роли в гражданской войне детей Владимира Красное Солнышко я рассказал в нескольких предыдущих книгах[3]. Здесь же речь пойдет лишь об отношениях русских и шведов.

---

[1] 862 год от Рождества Христова.

[2] Повесть временных лет // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М.: Художественная литература, 1969. С. 35.

[3] Дипломатия и войны русских князей. М.: Вече, 2006; Давний спор славян: Россия, Польша, Литва. М.: АСТ, 2007.

Варяжский всадник в восточноевропейском вооружении

Ряд историков считают, что князь Рюрик принес славянам «в приданое» южное побережье Финляндии, ранее контролируемое его людьми. О принадлежности к русам (то есть варяго-славянм) всего северного побережья Финского залива свидетельствуют не только скандинавские саги, но и находки археологов. Так, в Южной Финляндии были найдены сотни арабских монет VII–IX вв. Точно такие же монеты найдены в районе Старой Ладоги, Гнездовском городище, Киеве и нескольких пунктах на Волге. Наконец, район находок мечей, изготовленных мастерской мастера Ульфберта – юг Финляндии, Старая Ладога, Гнездово, Киев и некоторые места на Волге.

Ряд историков (прежде всего В.И. Паранин) полагают, что легендарный «Остров русов», воспетый скальдами, – это Карельский перешеек. В те далекие времена он действительно был островом: с запада его омывали воды Финского залива, с севера – протекавшая тогда от Выборга до Приозерска Вуокса, с востока – Ладожское озеро, а с юга – Нева.

Шло время, жители Новгорода постепенно колонизировали север.

В XI–XII вв. они заселили оба берега Невы.

Как писал советский историк А.В. Куза: «Первоначально… Новгороду были подчинены лишь Северо-Западное Приладожье и соседние лесные районы. Именно эти земли были поделены на погосты, а огромные пространства северной Карелии от Ботнического залива на западе до побережья Белого моря на востоке такого деления не имели. Но и туда вслед за осваивавшими их карелами постепенно внедрилась новгородская дань»[4].

В XI–XII вв. племена в Финляндии, называемые на Руси емь, равно как и карелы, и чудь заволочная, регулярно платили дань Новгороду.

Русская колонизация угро-финских народов принципиально отличалась от немецкой и шведской колонизации. Русскую колонизацию можно назвать мягкой, в отличие от жесткой западной колонизации. Несколько упрощая ситуацию, можно сказать, что жесткая колонизация сводилась к постройке на территории покоренных племен крепостей (замков), где жили рыцари и их свита. Окрестное население становилось крепостными этих рыцарей и принудительно христианизировалось. Туземцев, которые позже отходили от католичества, вешали, жгли на кострах и т. д.

«Остров русов»

Мягкая колонизация проводилась русскими совсем по-другому. Естественно, у русских были вооруженные столкновения с угро-финскими племенами. Но в целом колони-

[4] Куза А.В. Новгородская земля // Древнерусские княжества X–XIII вв. / Под ред. Л.Г. Бескровного. М., Наука, 1975. С. 188.

зация происходила мирно. Русские не подавляли туземные племена, а, как сейчас модно говорить, занимали пустующую экологическую нишу. Слабое заселение северных земель позволяло русским внедряться почти безболезненно. Русские не делали туземцев своими крепостными или рабами; дань, наложенная на них, была очень мала. Обратим внимание, что новгородцы в XI–XIII вв. принципиально не строили крепостей и замков в районе реки Невы, в Карелии и Южной Финляндии. И, наконец, Русская православная церковь вела миссионерскую деятельность сравнительно вяло и только мирными средствами. Да по другому и быть не могло – в Новгородских землях царила большая веротерпимость, а значительная часть самих новгородцев в XI–XIII вв. были язычниками или полухристианами, то есть поклонялись как Христу, так и Перуну, и выполняли обряды обеих религий.

Шведы в XI – начале XII вв. эпизодически совершали набеги на Финляндию и Приневье. Слабость экспансии с Запада объясняется нестабильностью внутри Швеции, наступившей в 1066 г. после смерти короля Стенкиля. Борьба феодалов за власть усугубилась войной между христианами и язычниками.

Кроме того, Шведское королевство постоянно вело войны с норвежцами и датчанами. Последним, кстати, принадлежала южная часть Швеции, а на севере граница владений шведских королей до XIV в. кончалась 50-й параллелью.

Тем не менее отношения с новгородцами у шведов были очень напряженными. Шведские феодалы, да и простые жители прибрежных районов сделали пиратство одной из важнейших статей своего дохода. Ежегодно сотни немецких и новгородских торговых судов шли из Новгорода по Волхову, затем по Ладоге, Неве, Финскому заливу и Балтийскому морю в Любек и другие германские города, которые несколько позже объединятся в Ганзейский союз. Навстречу судам, плывшим на запад, естественно, плыли сотни судов в противоположном направлении.

Как известно, Балтийское море и Финский залив достаточно сложны в навигационном отношении. Там множество мелей, подводных камней и т. д. Шведские же феодалы ввели так называемое «прибрежное право», согласно которому выброшенное волнами на берег или даже просто севшее на мель судно считалось добычей местного населения. Как писал Алексей Смирнов: «Компасом в южной Европе начали пользоваться в начале пятнадцатого века, но европейский север отставал. “В этом море навигация осуществляется без компаса и морских карт, а лишь исключительно с помощью лоцмана”, – гласит описание Балтики на морской карте, составленной в 1458 г. итальянцем Фра Мауро.

Лоцманы вели корабли, ориентируясь на береговые знаки, к большой радости благочестивого местного населения. В церквях Готланда и Эланда, Аландских островов и Сааремаа прихожане даже пытались сделать своим сообщником Бога, прося его о помощи в разбойничьем ремесле. Вот, например, как выглядел текст одной из самых популярных молитв на острове Форё: “Благослови, Господь, наши поля и луга, наших служанок и батраков. Пошли нам рыбу в сети и корабль на берег. Пусть большой корабль налетит на скалы этой ночью!”

Если Бог не внимал, ему помогали, вводя экипажи в заблуждение фальшивыми огнями и ложными знаками. Когг садился на мель, островитяне убивали моряков, товар делили, а корпус пускали на дрова – большой дефицит на некоторых обжитых гранитных скалах. Через несколько часов нельзя было найти следов корабля и экипажа. Островитяне возвращались к мирному труду и молитвам»[5].

Шведские феодалы организовали целые пиратские флотилии, нападавшие на новгородских купцов или их «гостей».

[5] Смирнов А. Рассказы затонувших кораблей. Шведская история со дна моря. Стокгольм: Wahlstrom & Widstrand, 2002. С. 30.

Вот типичное сообщение русского летописца: «В то лето [1142] приходил свенский князь с епископом в 60 шнеках, напав на купцов, плывших из заморья в 3 лодьях, но не преуспел в том, купцы же, выйдя из 3 лодий, перебили их полтораста человек»[6]. Позже историки установили имя князя, упомянутого в летописи. Им оказался Ион Сверкерссон, сын шведского короля Сверкера старшего. Имя епископа установить не удалось, но его действия типичны для католического духовенства. Я в своих книгах никогда не идеализировал православное духовенство, на его совести были и расправы с еретиками, и мздоимство, и симония, но вот пиратами и грабителями наши попы никогда не были.

Относительная стабильность в Швеции наступила в 1156 г., после избрания королем Эрика (Эйрика) Эдвардсона, вошедшего в историю под именем Эрика IX Святого.

Эрику Святому очень нужны были деньги, и посему он счел «своей священнейшей обязанностью содействовать распространению христианства не только в своих владениях, но ив странах соседних. Тотчас по вступлении на престол с величайшей ревностью занялся он приготовлениями к походу и на другой же год (1156), сопровождаемый епископом упсальским Генрихом и многими монахами, во главе значительного ополчения внес крест и меч на берега Финляндии. Высадка произведена была на самой юго-западной оконечности, при устье реки Авра (Aurajoki), и там, где ныне стоит город Або»[7]. Там и была построена первая шведская крепость.

Успех Эрика в значительной степени был обусловлен слабостью обитавшего там финского племени Суомляна (Сумь по русским летописям). Часть суомлян, подвергшихся внезапному нападению, разбежалась по лесам, а часть подчинилась требованиям завоевателей и приняла крещение. Король Эрик, увидев, что предприятие его не требует особых усилий, на следующий год с большей частью войска возвратился в Швецию, а дело обращения язычников поручил епископу Генриху. Но финны рвения епископа не оценили, и тому пришлось «принять мученический венец» и быть позже причисленному к лику католических святых.

В 1164 г. шведы провели смелый рейд на город Ладогу. 23 мая шведская флотилия через Неву прошла в Ладожское озеро. Шведское войско осадило город Ладогу. Ладожане сожгли свой посад, а сами с посадником Нежатою заперлись в каменном кремле и послали за помощью в Новгород. Шведы попытались взять кремль приступом, но были отражены с большими потерями и отошли к устью реки Вороной[8] и устроили там укрепленный лагерь.

Через пять дней к лагерю шведов подошел новгородский князь Святослав Ростиславович с посадником Захарием. Атака русского войска оказалась для шведов неожиданностью. Большинство шведов были убиты или взяты в плен. Из 55 шнеков сумели уйти лишь двенадцать.

После этого стычек между шведами и новгородцами не было почти 20 лет. Шведы не рискнули прямо нападать на Русь, но продолжали захват финских земель. Впервые Финляндией заинтересовался и Рим. В 1171 г. папа Александр III отправил буллу архиепископу Упсальскому Стефану и шведскому ярлу Гутторну, где призвал «обуздать язычников карел и ижору».

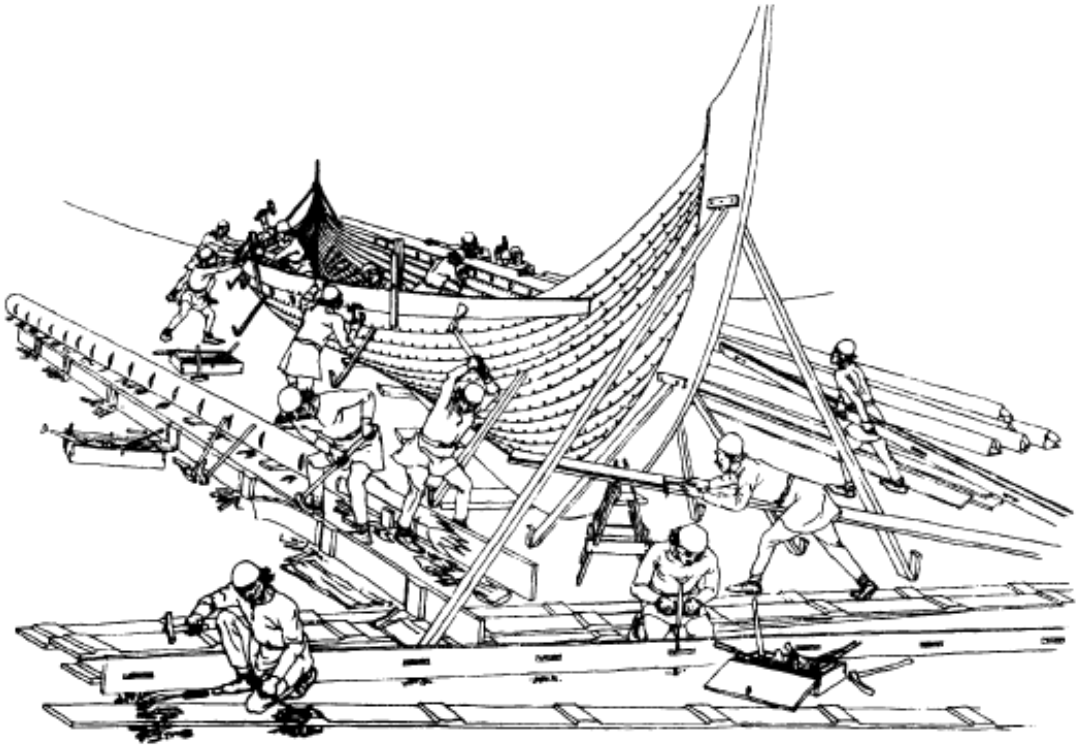
Новгородцы же были втянуты «низовыми» князьями Рюриковичами в их усобицы и практически не реагировали на экспансию шведов. Лишь в 1188 г. в Центральную и Северную Финляндию ходили новгородские молодцы с воеводой Вышатой Васильевичем и «пришли домой поздорову, добывши полона». В 1191 г. ходили новгородцы вместе с карелами на емь, «землю их повоевали и пожгли, скот перебили». В 1227 г. князь Ярослав Всеволодович

[6] Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. СПб: Журнал «Нева», 2004. С. 75.

[7] Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. М.: Российский архив, 2003. С. 62.

[8] Речка, впадающая в Ладожское озеро меду Пашею и Сясью, современное название реки – Вороновка или Воронега.

пошел с новгородцами на емь в Центральную Финляндию, «землю всю повоевали, полона привели без числа».



Строительство скандинавского корабля

Самый сильный удар шведам русские нанесли в ходе таинственного похода на шведскую столицу Сиггуну в 1187 г. Флотилия кораблей с новгородскими, ижорскими и карельскими воинами[9] скрытно прошла по шведским шхерам к Сиггуне. Столица шведов была взята штурмом и сожжена. В ходе боя был убит архиепископ Ион. Надо сказать, что у русских и особенно у карел были веские основания разделаться с этим духовным лицом, которое «9 лет воевало с русскими, ижорой и карелами ради господа и святой веры».

Русско-карельская рать благополучно вернулась домой. Шведы даже не стали восстанавливать разрушенную Сиггуну, а начали строить новую столицу Стокгольм (Стадсхольм).

По преданию, город основан оставшимися в живых жителями Сиггуны. По обычаю предков они бросили в воду бревно и на острове, где его выбросило на берег, основали новый город. На шведском языке «стадс» – бревно, «хольмен» – город.

На самом же деле Стокгольм был основан вдовой архиепископа Иона[10] и ярлом Биргером из рода Фолькунгов. (Читатель не должен путать этого Биргера с однофамильцем, противником Александра Невского, этот Биргер умер в 1202 г.). Место было выбрано на острове, которому, кажется, самой природой предназначено быть крепостью.

Почему же поход 1187 г. назван таинственным? Дело в том, что о нем нет никаких упоминаний в русских летописях, а все сказанное взято из шведской «Хроники Эрика». При

[9] Здесь и далее автор имеет в виду представителей древнего прибалтийско-финского племени карела. Карелы являются потомками карелы и северных вепсов. – *Примеч. ред.*

[10] Хорош католический архиепископ, он не только 9 лет воевал, да еще и жену имел вопреки всем канонам католической церкви.

этом и шведские, и отечественные историки[11] считают «Хронику Эрика» вполне достоверной.

А в России сохранилось даже вещественное доказательство похода – врата, украшенные бронзовыми барельефами. Эти врата новгородцы вывезли из Сиггуны и приделали к входу в новгородский храм Святой Софии. Врата эти и поныне там, а копия их находится в Музее изобразительных искусств имени А.С. Пушкина в Москве.

Итак, русские разрушили до основания вражескую столицу и увезли много ценностей. Так почему же об этом молчат наши летописи? Да потому, что летописцы фиксировали буквально каждый шаг наших князей, а походы удалой новгородской вольницы предпочитали не замечать. Так было и потом. Много ли наши летописцы писали о победах ушкуйников над ордынцами?

Обратим внимание, молодцы новгородские оказались не только смелыми воинами, но и опытными мореходами, хорошо знающими шведские шхеры. Явно поход 1187 г. был не первым дебютом новгородской вольницы. Обратим внимание и на поддержку, оказанную новгородцам карелами, ижорой и другими угро-финскими племенами в борьбе с емью (тавастами) и шведами. Карелы ходили с новгородцами на емь не только в 1191 г., когда об этом говорит летопись. Согласно финской епископской хронике, в 1198 г. новгородцы совместно с карелой разгромили шведскую колонию Або, которая после этого не могла оправиться 10 лет.

Особо следует сказать о деятельности римских пап в организации крестовых походов на Русь. Недавно мне попалась на глаза книга Александра Нестеренко «Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище», выпущенная в 2006 г. издательством «ОЛМА-ПРЕСС». Книга посвящена обличению Александра Невского и других русских князей. Автор ее – малограмотный русофоб. Он, к примеру, утверждает, что римские папы и другие иерархи католической церкви никогда не призывали к крестовым походам, и конкретных документов об этом никто не видел. Увы, все было наоборот. Организаторами и идейными вдохновителями походов на Восток были римские понтифики (папы) и их окружение. Нигде в священных книгах не говорится о том, что де учение Христа надо насаждать с помощью огня и меча. Но не следует забывать, что каждое языческое племя, обращенное крестоносцами в католичество, принуждалось к уплате церковной десятины в пользу Рима. Неудивительно, что христиан, отказывавшихся платить десятину папе, католические иерархи приравнивали к язычникам.

Вот характерное мнение католических иерархов в середине 40-х гг. XII в. Краковский епископ Матфей пишет к Бернарду Клервоскому (1091–1153), аббату монастыря в Клерво в Бургундии (позже Бернард будет объявлен святым): «Народ же русский, неисчислимый и многочисленностью подобный звездам, не блюдет правил православной (orthodoxa) [то есть католической] веры и установлений истинной религии. Не разумея, что вне католической церкви нет места для подлинного богослужения, он, как известно, позорно заблуждается не только в богослужении Тела Господня, но и в расторжении браков и перекрещивании [супругов], а также и других церковных таинствах. От самого начала своего крещения преисполненный всевозможными заблуждениями, а вернее сказать – еретическим нечестием, он исповедует Христа разве что по имени, делами же совершенно отвергает. Ведь не желая быть в согласии ни с Латинской, ни в Греческой церковью и отделившись от обеих, названный народ не причастен к принятию таинств ни по тому, ни по другому [обряду]». В итоге

[11] Например, исследование «Хроники Эрика» в книге: Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. М.: Наука, 1978.

епископ Матфей призывает Бернарда лично явиться, чтобы своей «проповедью, что пронзает лучше меча обоюдоострого, истребить» ересь «на Руси, которая – словно другой мир»[12].

Вроде бы пока речь идет о проповедях, но не будем забывать, что именно Бернард был одним из главных вдохновителей второго крестового похода 1147 г.

Мне возразят – это все слова: мало ли что написал в сердцах, а может быть спьяну, краковский епископ.

Ну, обратимся и к делам крестоносцев. В 1202 г. по призыву папы Иннокентия III начался четвертый крестовый поход, целью которого был Египет. Однако вместо борьбы с неверными крестоносцы напали на Константинополь – второй Рим, тогдашний центр православия. 12 апреля 1204 г. Константинополь подвергся невиданным в истории грабежам: «…ворвались фряги в святую Софию, и ободрали двери и разбили их, и амвон, весь окованный серебром и тябло разрубили, и двенадцать крестов, находившихся над алтарем, а между ними – шишки, словно деревья, выше человеческого роста, и стену алтарную между столпами, и все это было серебряное. И ободрали дивный жертвенник, сорвали с него драгоценные камни и жемчуг, а сам неведомо куда дели. И похитили сорок сосудов больших, что стояли перед алтарем, и паникадила, и светильники серебряные, которых нам и не перечислить, и бесценные праздничные сосуды. И служебное Евангелие, и кресты честные, и иконы бесценные – все ободрали. И под трапезой нашли тайник, а нем до сорока бочонков чистого золота, и на полатях и в стенах и в сосудохранильнице – не счесть сколько золота, и серебра, и драгоценных сосудов. Это все рассказал я об одной лишь святой Софии, но и святую Богородицу, что на Влахерне, куда святой дух нисходил каждую пятницу, и ту всю разграбили. И другие церкви; и не может человек их перечислить, ибо нет им числа. Одигитрию же дивную, которая ходила по городу, святую богородицу, спас бог руками добрых людей, и цела она и ныне, на нее и надежды наши. А прочие церкви в городе и вне города и монастыри в городе и вне города все разграбили, и не можем ни их перечесть, ни рассказать о красоте их. Монахов и монахинь и попов обокрали, и некоторых из них поубивали, а оставшихся греков и варягов изгнали из города»[13].

Это свидетельства неизвестного очевидца – русского монаха, составившего «Повесть о взятии Царьграда Крестоносцами в 1204 году». Подобное ждало все русские города!

Резко контрастировало с этим отношение православных к католикам. Так, например, в Новгороде в XII–XV вв. находились сотни западных купцов, их обслуга и охрана. Многие из них жили на «немецком дворе» в Новгороде по много лет. Но вот что удивительно, в вольном Новгороде за всю историю не было погрома католиков, и вообще процветала веротерпимость.

Но вернемся к войне со шведами. Папа Гонорий III строжайше запретил всем католикам продавать русским и финским племенам оружие, железо, лошадей и даже дерево. Ослушникам Гонорий грозил отлучением от церкви.

Подбадриваемые папой шведы в начале лета 1200 г. захватили Березовые острова, расположенные вблизи невского устья. Там шведские суда могли в мае – июне дождаться схода льда в Неве и начинать блокаду «дороги жизни» Господина Вольного Новгорода. Что произошло в конце 1200 г. и в первой половине следующего года – неизвестно. Но в Новгородской летописи под 1201 годом сказано: «Осенью пришли Варяги горою на мир и дали им мир во всем волею своей»[14]. Таким образом, мир заключен был «по всей воле новгородской». Из этого следует, что наши молодцы устроили шведам кое-какие неприятности.

---

[12] Древняя Русь в свете зарубежных источников / Под ред. Е.А. Мельниковой. М.: Логос, 2003. С. 388.

[13] Повесть о взятии Царьграда крестоносцами в 1204 году // Изборник. С. 287.

[14] Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 78.

В заключение главы, несколько забегая вперед, стоит рассказать о тактике и стратегии борьбы новгородцев со шведами. Шведы со времен Эрика Святого действовали по шаблону: высадка десанта на юге Финляндии, на Карельском перешейке или на реке Неве, а затем немедленное строительство крепости. В дальнейшем сеть шведских крепостей с сильными гарнизонами позволяла контролировать этот район. Параллельно проводилось насильственное обращение местного населения в католичество.

Новгородцы же принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Многие наши историки полагают, что новгородцы боялись, что эти крепости могут быть захвачены неприятелем и потом его будет очень трудно выбить. По мнению автора, такие суждения несерьезны. Взяли же русские в 1300 г. Ландскрону, построенную итальянскими инженерами, посланными самим папой римским.

Проблема заключалась в общественном строе Новгородской республики. Новгородцы в XIII–XV вв. использовали князей и их дружины в качестве наемных кондотьеров, по возможности не допуская их вмешательства во внутренние дела республики. Построив на Неве крепость, потребовалось бы содержать там сильный гарнизон. А кто бы дал гарантию, что начальник гарнизона не начнет заниматься рэкетом и брать дань с проплывающих русских и иностранных купцов, а также с жителей окрестных мест. В перспективе сей воевода мог объявить себя «незалежным» князем, а то и попытаться при поддержке какой-либо партии взять власть в Новгороде.

Итак, обратим внимание, что внешнюю политику Новгорода определяла его система правления. Как писал один из лучших знатоков истории Господина Великого Новгорода Н.И. Костомаров: «Вся масса жителей Великого Новгорода и Пскова, составляя целое собрание концов и улиц, пользовалась в обширном смысле правами самоуправленного государства; она разделялась на сословия, которых границы не были определены строгими юридическими правилами, но возникли из обстоятельств и течения жизни, изменялись и зависели от своенравного хода свободы. В обширном смысле жители делились на духовных и мирских: между теми и другими проводилась строгая черта. Сами же миряне составляют существенный подел на старейших и молодчих; первые назывались также вящие люди, передние люди, большие люди; последние назывались также меньшие люди, черные люди. При более разнообразных условиях общественной жизни являлись более дробные поделы, и в Новгороде обозначались следующие названия сословий: гридьба, княжеские дворяне, посадники, бояре, дети боярские, купцы, житые люди, земцы и собственно черные люди: смерды и холопы. Название дворян и гридьбы давалось только свите князя; люди, носившие это название, не принадлежали к новгородскому гражданству, не жили в городе, но пребывали на Городище»[15].

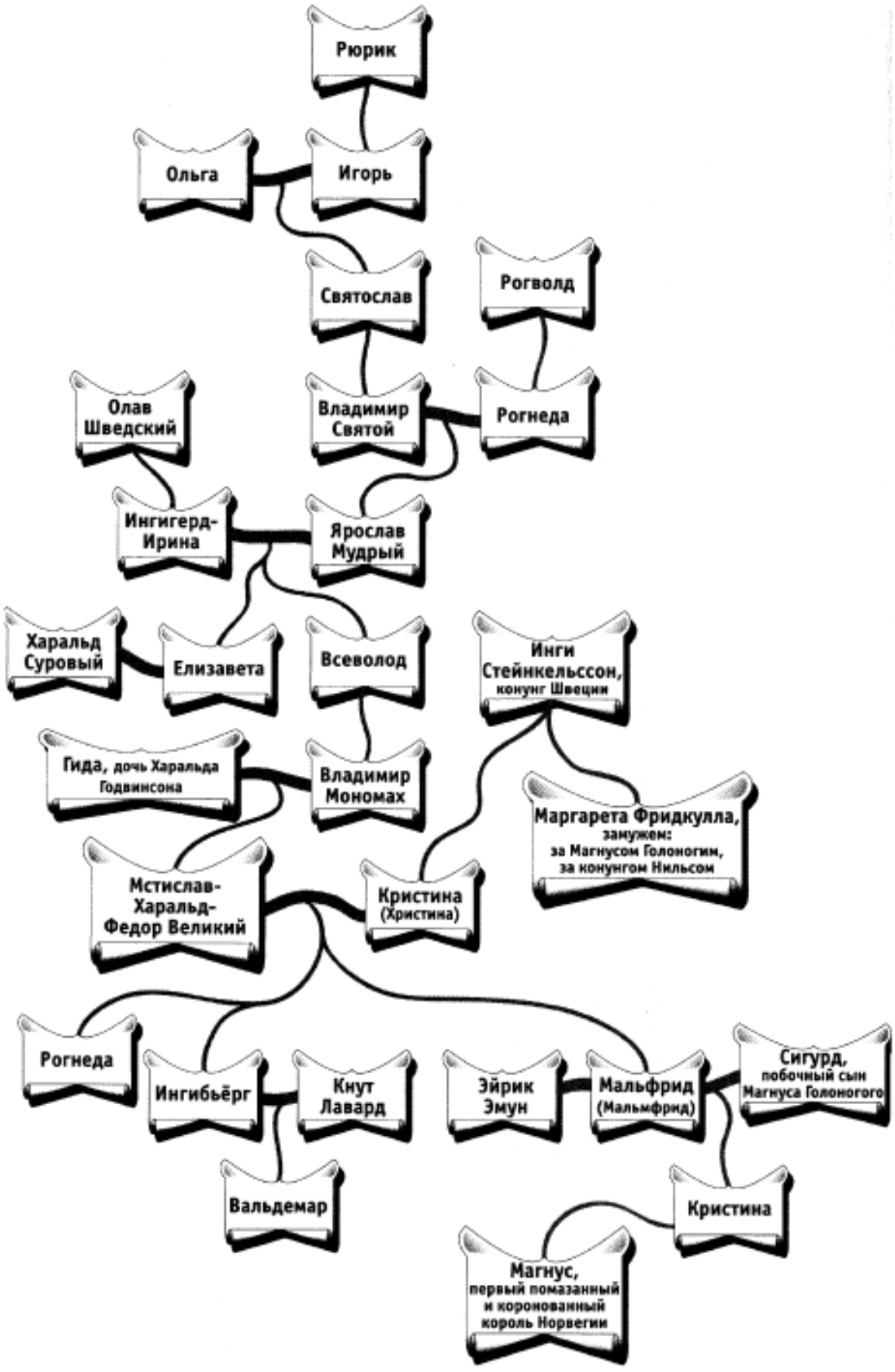
Тут очень важно указать разницу в звании боярина на Руси XIII в. в Московском государстве XIV–XVII вв. и в Великом Новгороде. У нас в художественной литературе и даже в трудах историков в ходу штамп – «древний боярский род». Это очень удобный термин, и я сам скрепя сердце иногда им пользуюсь. Но, чтобы не вводить в заблуждение читателя, следует пояснить – если любой законный сын князя Рюриковича с момента рождения становился князем, то боярство в русских княжествах не передавалось по наследству. С таким же успехом можно сказать – «древний генеральский род». Но если папа был генералом, то карьера его сына вполне может кончиться чином капитана – то убьют, то за пьянство со службы выгонят. Так и сын боярина вполне мог закончить свою карьеру в чине стольника или окольничего. Боярин – это высший чин при дворе князя. Таким образом, под «боярским родом» следует понимать группу родственников, служивших при дворе князя, среди которых несколько человек получили боярство.

[15] Костомаров Н.И. Русская республика. М.: Чарли, 1994. С. 273–274.

Тут я говорил о московской XIV–XVII вв. трактовке звания боярин. В удельных княжествах XIII в. боярами считались наиболее сильные и верные дружинники, командовавшие отдельными отрядами. Существовало даже право отъезда боярина к другому князю. Но, опять же, новый князь мог признать боярство приехавшего, мог в окольничие его записать, а то и «секиль башка» сделать.

В Господине Великом Новгороде боярином считался просто богатый человек из числа потомственных новгородцев. Причем знатность и богатство в Новгороде, в отличие от остальной Руси, не определялись исключительно по родовому землевладению. Земля в Новгородском крае не была главным источником экономических сил и не могла доставить сама по себе средств к возвышению. Богатство, а вместе с ним и знатность приобретались и торговлей, и промыслами, поэтому в кружок бояр, людей влиятельных, поступали разбогатевшие купцы. А богатые землевладельцы, в свою очередь, как правило, занимались торговлей.

По условиям жизни в Новгороде бояре не могли не заниматься внутренней и внешней политикой, что обуславливалось, с одной стороны, их материальной заинтересованностью в осуществлении тех или иных мероприятий республики, а с другой, деньги давали возможность влиять на вече и на администрацию города.



Скандинавские браки рода Рюриковичей

Из бояр в Новгороде выбирали Совет, членов которого иноземцы называли «господами». Из числа бояр выбирали посадников и тысяцких. В Новгороде звание «боярин» часто

передавалось по наследству. Отмечу: звание, а не должность, как в остальной Руси. Если у сына боярина не было состояния, он переходил в звание (сословие) детей боярских.

Попробуем подвести некоторые итоги в истории взаимоотношений славян и их соседей скандинавов. С IX в. по середину XII в. отношения были неплохими, хотя имели место и вооруженные конфликты. Процветала торговля, получили широкое распространение смешанные браки среди князей (конунгов), дружинников и купцов. Известны имена двух десятков русских князей и норманнских конунгов, которые, потерпев неудачу во внутренних распрях, бежали к соседям за помощью.

Ситуация кардинально меняется после окончательной победы католической церкви над язычеством в Швеции. Римские папы буквально натравливают шведов на своих восточных соседей.

Подобная ситуация была свойственна не только Швеции. Возьмем, например, Польшу. Князья Пясты и князья Рюриковичи в X–XIII вв. периодически воевали, а затем мирились и вместе пировали. Среди жен Пястов преобладали княжны из Рюрикова дома. Пясты и Рюриковичи постоянно привлекали своих побратимов и родичей для борьбы с конкурентами внутри Руси и Польши. А затем повторилась та же картина. Примерно два века потребовалось католической церкви, чтобы твердо закрепиться в Польше, а потом она начала натравливать поляков на восточных соседей. Опять поход на Восток во имя истинной веры. Результатом стал вековой антагонизм двух ветвей славянского народа, который, увы, достался нам в наследство в XXI в.

Глава 2
Князь Александр Невский в «житии» и в жизни

Рассказ об Александре Невском следует начать с 1225 г. В тот год новгородцы призвали к себе на княжение Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского. Ярослав был хорошим политиком, его отличали властолюбие и неразборчивость в средствах для достижения поставленных целей. В том же 1225 г. шведские и литовские феодалы напишут папе Гонорию III подобострастное письмо о том, что покоренные карела, ижора и водь страстно мечтают перейти в католичество.

Русские никогда не проводили принудительного обращения финских и карельских племен в христианство. Но тут крестоносцы «допекли» новгородцев, и зимой 1227 г. князь Ярослав Всеволодович идет походом на емь (тавастов, как их называют шведы) и в течение года устраивает массовое крещение карелы в православную веру.

Однако вскоре Ярослав поругался с новгородцами, и в следующем 1228 г. ему был «показан путь». А взамен новгородцы призвали князя Михаила Черниговского.

Однако Михаил Всеволодович оказался честолюбивым проходимцем, его мало волновали интересы Новгорода, а больше занимали интриги на юге Руси. Новгородское вече «показало ему путь», и в 1230 г. новгородцы вновь позвали на княжение Ярослава Всеволодовича. Князь провел в Новгороде всего две недели и уехал в свой удел в Переяславль Залесский, оставив вместо себя двух старших сыновей – одиннадцатилетнего Федора и десятилетнего Александра. За три года их пребывания в Новгороде шведы вели себя достаточно тихо. Однако в конце 1230 г. в городе начался голод. Как сказано в летописи: «Избил мороз… изобилие в волости нашей, и оттого установилось великое горе. Начали покупать хлеб по восьми кун, а кадушку ржи по двадцати гривен, а во дворах – по пятнадцати, пшеницу – по сорока гривен, а пшено – по пятидесяти, а овес – по восемнадцати гривен. И разбрелись [жители] города нашего и волостей, и полны были чужие грады и страны братьями нашими и сестрами, а оставшиеся начали умирать. И кто не прослезится об этом, видя мертвецов, по улицам лежащих, и младенцев, поедаемых псами…»[16]

Голод продолжался до июля 1231 г., когда по Волхову прибыли первые ганзейские ладьи, и «отворил Господь милосердие свое на нас, грешных, сотворил вскоре милость: пришли Немцы из заморья с житом и мукою, и сотворили много добра, а город уже был при скончании дней своих»[17].

Спору нет, ситуация здесь была форс-мажорная, тем не менее этот случай показывает зависимость Новгорода от внешней торговли.

В 1233 г. Ярослав Всеволодович решил женить старшего сына. Невестой четырнадцатилетнего Федора стала Феодулия, дочь князя Михаила Черниговского.

5 июня 1233 г. на свадебном пиру в Новгороде князь Федор внезапно умер. Его погребли в Юрьевском монастыре под Новгородом. Грустная, но ординарная история из тех, которые мало интересуют даже историков, занимающихся XIII веком. Однако смерть Федора была лишь началом таинственных, романтических и даже скандальных событий, и к ней мы вернемся, рассказывая о Смутном времени.

После смерти брата Александр стал единственным князем в городе. Вскоре над вольным Новгородом нависла страшная угроза и с Запада, и с Востока.

---

[16] Цит. по Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 79.

[17] Там же.

9 декабря 1237 г. папа Григорий IX отправил главе шведской церкви архиепископу Упсалы буллу с призывом совершить крестовый поход на «язычников»-емь (тавасотов): «Поскольку, как это следует из содержания присланных нам ваших писем, народ, который называется тавасаты, в свое время великим трудом и рвением вашим и ваших предшественников обращенный в католическую веру, сейчас под воздействием рядом живущих врагов креста, вернувшись к неверию прошлого заблуждения, вместе с некоторыми варварами [русскими? – *А.Ш.*] при содействии дьявола полностью разрушает новый посев Церкви Божьей в Тавастии… мы предписываем вам, брат наш, настоящим апостолическим посланием, чтобы вы спасительными предписаниями побудили католических мужей, сколько их живет в упомянутом Королевстве [Швеция] и на соседних островах, чтобы они, взяв на себя знак креста, против этих отступников и варваров мужественно и мощно выступили»[18].

А через четыре месяца к Новгороду двинулись орды Батыя. Татары осадили пограничный с Новгородскими землями город Торжок (примерно в 270 км от Новгорода).

Как гласит Тверская летопись, татары окружили весь город тыном, «также как и другие города брали, и осаждали окаянные город две недели. Изнемогли люди в городе, а из Новгорода им не было помощи, потому что все были в недоумении и в страхе. И так поганые взяли город, убив всех – и мужчин и женщин, всех священников и монахов. Все разграблено и поругано, и в горькой и несчастной смерти предали свои души в руки господа месяца марта в пятый день, на память святого Конона, в среду четвертой недели поста. И были здесь убиты: Иванко, посадник новоторжский, Аким Влункович, Глеб Борисович, Михаил Моисеевич. А за прочими людьми гнались безбожные татары Селигерским путем до Игнатьева креста и секли всех людей, как траву, и не дошли до Новгорода всего сто верст. Новгород же сохранил бог, и святая и великая соборная и апостольская церковь Софии, и святой преподобный Кирилл, и молитвы святых правоверных архиепископов, и благоверных князей, и преподобных монахов иерейского чина»[19].

Забавно, что сейчас вновь объявились сторонники «небесной версии». Так, Ю.В. Кривошеев пишет: «…вмешательство божественных сил (самого Творца, святой Софии, Кирилла и других святых православной церкви) свидетельствует о каких-то неведомых и самим этим силам причинах божественного происхождения не появления монголов под стенами волховской столицы»[20].

Сей пассаж я оставлю без комментариев, лишь замечу, что труд Кривошеева редактировал профессор и рецензировали еще два профессора, да и вообще он напечатан по постановлению Редакционного совета Санкт-Петербургского университета.

А более прагматически настроенные историки вот уже 200 лет спорят, кто помимо сил небесных спас Новгород. Так, С.М. Соловьев пишет, что татары, «не дошедши ста верст до Новгорода, остановились, боясь, по некоторым известиям, приближения весеннего времени, разлива рек, таяния болот, и пошли к юго-востоку на степь»[21]. И эта осторожная фраза вскоре превратилась в каноническую версию и вошла в наши школьные учебники. Кто-то говорит, что в боях с русскими татары были обескровлены и побоялись идти на Новгород.

Историк В.В. Каргалов утверждает, что татары вообще не собирались брать Новгорода, а до Игнатьева креста дошел лишь небольшой татарский отряд, преследовавший беглецов из Торжка.

---

[18] Там же. С. 80

[19] Воинские повести древней Руси / Составитель Н.В. Понырко, Л.: Лениздат, 1985. С. 91.

[20] Кривошеев Ю.В. Русь и монголы. СПб: Издательство С.-Петербургского университета, 2003. С. 162–163.

[21] Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960. Кн. II. С. 142–143.

Булгарские же летописи дают весьма четкое и недвусмысленное объяснение. Дело в том, что еще в конце 1237 г. в Новгород была прислана грамота с печатью Великого хана с обещанием не разорять город, если новгородцы не будут помогать великому князю владимирскому. Князь Александр Ярославич, городские и церковные власти (три независимые силы Новгорода) дали согласие и действительно держали строгий нейтралитет, пока татары громили северо-восточные русские земли.

Косвенно булгарская версия подтверждается тем, что все наши древние источники молчат о деятельности Александра Невского в Новгороде с января по май 1238 г. Так или иначе, но Ярослав Всеволодович вступил в сговор с татарами и получил от них ярлык на Великое княжество Владимирское[22].

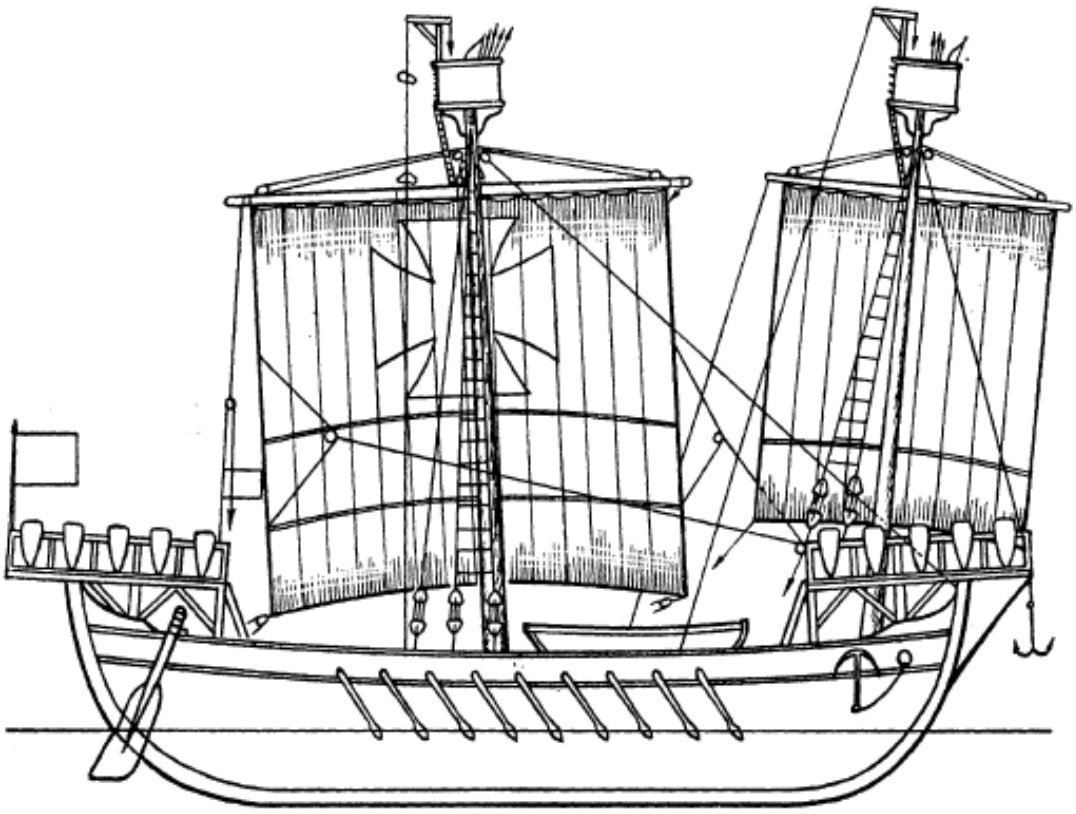
В 1239 г. в Новгороде Александр Ярославич женился на Александре (по другой версии Параскеве) Брячиславне. Происхождение ее неизвестно. Но по летописным данным, ее отец, Брячислав Василькович, сын полоцкого князя Василька Брячиславича, о жизни и деятельности которого историкам ничего не известно.

В начале лета 1240 г. шведская эскадра с десантом вошла в Финский залив. Командовал ею ярл Биргер (об имени шведского воеводы мы еще поговорим). Достоверные данные о численности шведского войска отсутствуют, хотя в трудах наших историков и всплывают неведомо откуда появившиеся числа. Так, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев[23] пишут о пятитысячном войске и 100 кораблях ярла Биргера.

Согласно «Повести о житии и о храбрости благоверного и великого князя Александра», Биргер, прибыв с войском в устье Невы, отправил в Новгород своих послов заявить князю: «Аще можещи противитися мне, то се есмь уже зде, пленяя землю твою». Это, по-видимому, интерполяция составителя «Повести о житии…», поскольку внезапность нападения зачастую была решающим фактором в сражениях на севере.

[22] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда» (М.: Вече, 2005).

[23] Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. Популярный очерк. М.: Мысль, 1992. С. 128.



Шведский корабль XIII – начала XIV в.

На самом деле шведов заметила новгородская «морская охрана». Эту функцию выполняло ижорское племя во главе со своим старейшиной Пелугием. По версии «Повести о житии…», Пелугий-де был уже православным и имел христианское имя Филипп, а все остальное племя оставалось в язычестве. Морская стража ижорцев обнаружила шведов еще в Финском заливе и быстро сообщила о них в Новгород. Наверняка существовала система оперативной связи устье Невы – Новгород, иначе само существование морской стражи становится бессмысленным. Возможно, это была оптическая система связи – огни на курганах; возможно – конная эстафета; но, в любом случае, система оповещения срабатывала быстро.

В дальнейшем морская стража вела скрытое наблюдение за шведскими кораблями, вошедшими в Неву. В «Повести о житии…» это описано следующим образом: «Стоял он (Пелугий) на берегу моря, наблюдая за обоими путями[24], и провел всю ночь без сна. Когда же начало всходить солнце, он услышал шум сильный на море и увидел один насад, плывущий по морю, и стоящих посреди насада святых мучеников Бориса и Глеба в красных одеждах, держащих руки на плечах друг друга. Гребцы же сидели, словно мглою одетые. Произнес Борис: “Брат Глеб, вели грести, да поможем сроднику своему князю Александру”. Увидев такое видение и услышав эти слова мучеников, Пелугий стоял, трепетен, пока насад не скрылся с глаз его».

Князь Александр, которому было около 20 лет[25], быстро собрал дружину и двинулся на ладьях по Волхову к Ладоге, где к нему присоединилась ладожская дружина.

Ярл Биргер находился в полном неведении о движении новгородской рати и решил дать отдых войску на южном берегу Невы у впадения в нее реки Ижоры.

---

[24] Видимо, речь идет о Большой и Малой Неве.

[25] Точная дата рождения Александра Невского является предметом спора между историками.

15 июля 1240 г. «в 6-м часу дня»[26] русское войско внезапно напало на шведов. Согласно «Повести о житии…», Александр Ярославович лично ранил копьем в лицо ярла Биргера. Внезапность нападения и потеря командующего решили дело. Шведы стали отступать к кораблям. В «Повести о житии…» описаны подвиги шестерых русских воинов.

Первый, Гаврила Олексич, въехал на коне по сходням на шведское судно (шнеку) и стал рубить там врага. Шведы сбросили его с коня в воду, но он вышел из воды невредим и снова напал на врага. Второй, по имени Сбыслав Якунович, новгородец, много раз нападал на войско шведов и бился одним топором, не имея страха, и пали многие от его руки, и дивились силе и храбрости его. Третий, Яков, полочанин, был ловчим у князя. Он напал на полк с мечом, и похвалил его князь. Четвертый, Меша, новгородец, пеший со своей дружиной напал на корабли и утопил три корабля. Пятый, Сава, из младшей дружины, ворвался в большой королевский златоверхий шатер и подсек шатерный столб. Шестой, Ратмир, из слуг Александра, бился пешим одновременно с несколькими шведами, пал от множественных ран и скончался.

Эти сведения можно считать достаточно достоверными, поскольку они были записаны автором со слов участников Невской битвы.

С наступлением темноты большая часть шведских судов ушла вниз по течению Невы, а часть была захвачена русскими. По приказу Александра два трофейных шнека были загружены телами убитых, и их пустили по течению в море и «потопиша в море», а остальных убитых шведов, «ископавши яму, вметавша их в ню без числа».

Потери русских оказались ничтожно малыми, всего 20 человек. Этот факт, а также отсутствие упоминаний о Невской битве в шведских хрониках, дали повод ряду русофобствующих историков свести битву до уровня малой стычки. По моему мнению, гибель 20 отборных ратников при внезапном нападении – не такая уж и малая потеря. Кроме того, в сражении на стороне русских должна была участвовать и ижора. После битвы православных русских и язычников ижоров хоронили в разных местах и по разным обрядам. (Ижорцы кремировали тела своих соплеменников.) Поэтому русские участники битвы вряд ли знали, сколько было убитых среди ижоры.

Другой вопрос, что число шведов, пришедших с Биргером, могло быть меньше, чем предполагали наши патриоты-историки. Их вполне могло быть около тысячи человек. Но, в любом случае, Невская битва стала шведам хорошим уроком.

В XX в. ряд историков высказали сомнение в том, что предводителем шведов был именно ярл Биргер. Ни русские летописи, ни «Житие Александра Невского» не называют имени шведского предводителя. Полтораста лет назад один из основателей финской исторической науки Габриэль Рейн высказал мнение, что, поскольку в Новгородской летописи упоминаются находившиеся в составе шведского войска «бискупы» (епископы), здесь подразумевался руководивший тогда шведской колонией в Финляндии энергичный и решительный епископ Томас. С тех пор и до первых десятилетий XX века это мнение прочно вошло в финскую науку, где Невский поход 1240 г. стали называть «походом епископа Томаса»[27].

Это, кстати, косвенно подтверждается и русской летописью: «И был убит воевода их именем Спиридон[28], а другие говорят, что и епископ был убит тут же».

Откуда же взялся на Неве ярл Биргер? Его ввел в начале XIX в. первый мэтр отечественной истории Н.М. Карамзин. Как писал И.П. Шаскольский: «Карамзин обнаружил это имя в тексте нелетописного источника начала XV в. – “Рукописания Магнуша, короля Свей-

[26] Через 6 часов после восхода солнца (под древнерусскому времени), т. е. в 11 часов утра.

[27] Rein G. Biskop Thomas och Finland i hans fid. Helsigfors, 1839.

[28] Кто такой «воевода Спиридон» – установить не удалось. Во всяком случае, воеводы с таким именем у шведов быть не могло.

ского”. Это апокрифическое завещание шведского короля Магнуса, будто бы написанное им перед смертью в 70-е годы XIV в. В нем Магнус перечисляет завершившиеся поражениями шведские походы на Русь XIII–XIV вв. (походы на Неву 1240, 1300 гг. и его собственный поход 1348 г.), считает попытки нападения на русские земли обреченными на неудачу и завещает “своим детем и своей братье и все земле Свейской” никогда больше не нападать на Русь. “Рукописание Магнуша” – не историческое сочинение, а созданные анонимным новгородским книжником начала XV в. [плохо разбиравшегося в событиях середины XIII в. – *А.Ш.*] памятник литературы»[29].

На самом деле в 1240 г. Биргер был еще простым рыцарем, а титул ярла он получил лишь в 1248 г. Ярлом же в 1240 г. был его родственник Ульф Фаси. По мнению Шаскольского, весьма вероятно, что именно Ульф Фаси и возглавлял шведов в Невской битве.

Возможно, что Биргер и принимал участие в Невской битве 1240 г., но только в качестве простого рыцаря. А вот в качестве ярла он отправится в крестовый поход на Новгородскую землю в 1249 г.

Ну а дабы немного потешить читателя, приведу и взгляд на Невскую битву современного либерала, уже знакомого нам Александра Нестеренко. По его мнению, Александр Ярославич поступил очень нехорошо.

«Шведы ни на кого не напали, не грабили. Просто стояли лагерем. Может быть, на берегу Невы и Ижоры расположился обыкновенный купеческий караван поторговать с туземцами (особенно если предположить, что в этом месте действительно было ижорское поселение)?..

…разбив лагерь и установив шатры, шведы демонстрировали всем, что они пришли с миром. Торговать, а не воевать. Почему же тогда Александр напал на шведов? Летопись не дает ответа на этот принципиальный вопрос. Она только бездоказательно обвиняет шведов во враждебных намерениях. Подозревать можно кого угодно и в чем угодно. Но это вовсе не повод для внезапного нападения.

Если оставить без ответа вопрос о причинах нападения на шведский лагерь, то придется признать, что мирные шведы стали жертвой разбойного нападения со стороны русских»[30].

Какие аргументы приводит в пользу своей версии господин Нестеренко?

«В пользу этой версии говорит то, что шведы установили в своем лагере шатры. Если бы им угрожала опасность или они куда-нибудь торопились, то они не высаживались бы на берег и не обустраивали лагерь, а оставались на своих ладьях»[31]. И… всё! Больше никаких аргументов! В общем, русские такие бяки. Приходили к ним Карл XII и Наполеон тоже торговать и тоже шатры ставили. А русские опять совершили «разбойничьи нападения» и зверски побили оных купцов.

Думаю, если бы существовала машина времени, то предводитель шведского войска на Неве, что Биргер, что Спиридон, узнав, что его рыцаря некий писака определил в купцы, велел бы вздернуть этого господина на ближайшем дереве, и хорошо еще, если за шею.

Отдохнули? Ну ладно, а теперь вновь перейдем к делу. В 1249 г. шведский король Эрик созвал «и рыцарей, и тех, кто близки к рыцарскому званию, а также крестьян и вооруженных слуг»[32], (то есть объявил тотальную мобилизацию для похода на тавастов (емь)). Командовать войском король поручил Биргеру. Несколько десятков шведских кораблей пересекли

---

[29] Князь Александр Невский и его эпоха / Под ред. Ю.К. Бегунова и А.Н. Кирпичникова. СПб: Дмитрий Буланин, 1995. С. 18.

[30] Нестеренко А.Н. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006. С. 34–35.

[31] Там же. С. 34.

[32] Хроника Эрика.

Ботнический залив и высадили в Финляндии большое войско. Естественно, тавасты не стали в открытом бою противостоять численно превосходящему и лучше вооруженному шведскому войску. Шведы учинили кровавую бойню. «Всякому, кто подчинился им, становился христианином и принимал крещение, они оставляли жизнь и добро и позволяли жить мирно, а тех язычников, которые этого не хотели, предавали смерти. Христиане построили там крепость и посадили своих людей. Эта крепость называется Тавастаборг – беда от нее язычникам!.. Ту сторону, которая была вся крещена, русский князь, как я думаю, потерял»[33].

Где находилась крепость Тавастаборг (другое название – Тавастгус), и поныне спорят финские историки. Некоторые считают, что это по сей день существующий средневековый каменный замок в городе Хяменлинна[34]. Однако Хяменлинна не очень похож на «детинец», описанный в летописи: судя по летописи, «детинец» стоял на высокой и крутой горе[35], в то время как замок в Хяменлинне стоит на небольшой возвышенности, всего на несколько метров возвышающейся над уровнем окружающей местности. К летописному описанию более подходит городище Хакойстенлинна, расположенное в той же части земли еми, в местности Янаккала. Городище это находится на крутом и высоком скалистом неприступном холме. Отметим, что «Хроника Эрика» признает, что, во-первых, тавасты до шведского вторжения были русскими, точнее, новгородскими подданными, а во-вторых, русские не пытались силой навязывать тавастам (еми) христианство, и они в подавляющем большинстве оставались язычниками.

Вслед за тавастами шведам удалось покорить племена сумь, жившие на юго-западе Финляндии.

В 1256 г. шведы, датчане и финские племена предприняли поход в Северную Эстляндию и начали восстанавливать крепость Нарву на правом берегу реки. Эта крепость была основана в 1223 г. датским королем Вальдемаром II, но позже разрушена новгородцами.

Новгородцы в 1256 г. не имели князя, поэтому им пришлось послать гонцов во Владимир за Александром Невским. Зимой 1256/57 г. Александр с дружиной прибыл в Новгород. Собрав новгородские войска, Александр отправился в поход. Как говорит летописец, в войске никто не знал, куда идет князь. Александр выбил шведов и К° из Копорья, но далее двинулся не на чудь, как думало все войско и неприятель, а на емь, то есть не в Эстляндию, а в Центральную Финляндию. Как гласит летопись: «…и бысть зол путь, акы же не видали ни дни, ни ночи». Да, дни зимой в Центральной Финляндии крайне коротки. Несмотря на это, русские побили шведов и подвластных им тавастов и с большой добычей и полоном вернулись домой. Крепость Тавастаборг взята не была, но этот поход Александра надолго отбил у шведов охоту совершать набеги на новгородские земли.

---

[33] Там же.

[34] Drake K. «Die Burg Hдmeenlinna im Mittelalter», 1968, s. 11; «Mikä oli Vanain Iinna?» – In: Arx Tavastica. Hämeenlinna, 1967, s. 24–38; Juva E., Juva M. «Suomen kansan historia», Helsingissä, 1964, s. 151.

[35] Новгородская летопись говорит о «детинце»: «… бяше бо место велми силно, твердо, на камени высоце, не имея приступу ниоткуду же».

Глава 3
Крестовые походы маршала Кнутссона

В трудах царских и советских ученых с 1277 г. начинается новый период развития отечественной истории. Что же произошло в 1277 году? Да обычное ординарное событие – младший сын Александра Невского шестнадцатилетний Даниил получил в удел небольшой городок Москву. С этого момента в виртуальной истории отечества, созданной царскими и советскими сказочниками, этот город становится пупом земли Русской, а деятельность потомков Даниила становится магистральным направлением нашей истории. С этого момента и Господин Великий Новгород, и Смоленское, и Рязанское княжества, и вся Юго-Западная Русь становятся периферией, а события в этих регионах занимают наших историков постольку, поскольку это касается истории Москвы.

Я же попытаюсь рассказать о событиях «на обочине» официальной истории, которые тем не менее в значительной степени определяли судьбу нашего отечества.

Начну с отражения вольным Новгородом крестовых походов шведов. Нравится нам или нет, но в подлинной истории Новгорода битва на Неве в 1240 г. была лишь эпизодом. Как мы уже видели, свеи унялись лишь на несколько лет. Другой вопрос, что отражение агрессии с севера после Александра Невского мало интересовало наши историков[36].

Во второй половине XIII в. шведы продолжали грабить купеческие караваны на пути из ганзейских городов в Новгород. Причем, они не ограничивались Финским заливом, а периодически заходили в Неву и в Ладожское озеро. Так, согласно Новгородской летописи, в 1283 г. шведские суда прошли Невой в Ладожское озеро и начали грабить новгородцев и «обонежских» купцов. На перехват разбойников из Ладоги вышли русские суда и побили их.

В следующем 1284 г. уже большой отряд шведов на лойвах и шнеках[37] под командованием воеводы Трунда вошел в Ладожское озеро и начал грабить прибрежные карельские поселения.

Новгородская дружина под началом посадника Семена Михайловича Смена соединилась с ладожской дружиной под началом посадника Матвея, кстати, сына Семена Михайловича, и двинулась на шведов.

Русские устроили засаду в устье Невы. Когда дружинники Трунда чувствовали себя почти дома, 9 сентября на них внезапно напали новгородцы и ладожане. Уйти удалось совсем немногим. Надо ли говорить, что если бы русскими командовал Даниил Московский, а не новгородский посадник Смен, то в школах бы зубрили на одну, а две Невские битвы – 1240 и 1284 гг. Но, увы, увы…

В 1292 г. молодцы новгородские пошли походом в Емскую землю (Тавасттисидию), контролируемую шведами. Согласно новгородскому летописцу, они завоевали всю Емскую землю и с богатой добычей «все здравы» вернулись назад. В том же году 800 шведов вошли на судах в Неву. Далее отряд разделился на две половины: одна часть начала грабить южный берег Невы, а другая – северный. Не дожидаясь прихода новгородцев, ижора и карела сами расправились с грабителями.

В следующем 1293 г. шведы начинают очередной крестовый поход. Возглавил его фактический правитель страны марскалк (маршал)[38] Торгильс Кнутссон. Время рождения и происхождение его неизвестно. Видимо, он происходил из мелких дворян Вестергетланда (область в Швеции). В 1288 г. Кнутссон был посвящен в рыцари, а в 1289 г. стал марскал-

[36] Разумеется, речь не идет ряде узкоспециальных работ, как, например, работы И.П. Шаскольского и др.

[37] Лойва – легкое речное гребное судно; шнек – морское судно, обычно использовалось как грузовое.

[38] Marscalcus regni – высшее воинское звание в Швеции в XIII–XV вв.

ком. В декабре 1290 г. умер шведский король Магнус Ладулос[39], оставив трех малолетних сыновей – Биргера, Эрика и Вальдемара. Официально королем был провозглашен Биргер, но до его совершеннолетия власть находилась в руках регентского совета. Фактически же всем распоряжался Кнутссон.

17 мая 1293 г. шведский ледунг (морское ополчение) во главе с Кнутссоном[40] отправился в крестовый поход к берегам Финского залива. Шведы подошли к небольшой русской крепости Выбор у впадения реки Вуоксы в Финский залив. Тут стоит сделать небольшой экскурс в географию. Ладожское озеро в Средние века соединялось с Финским заливом двумя реками – Невой и Вуоксой. Естественно, что самым быстрым и удобным был путь по Неве. На Вуоксе и озерах, через которые пролегал «вуокский путь», было много мелей, подводных камней и т. д. Тем не менее по «вуокскому пути» купцы ходили еще в VIII–IX вв., что подтверждается в том числе находками арабских монет VII–IX вв. в районе Приозерска. Таким образом, на Карельском перешейке было четыре стратегических пункта, контролировавшие коммуникацию Финский залив – Ладога. Это Невское устье и крепость Орешек у истоков Невы, а также место соединения рукава реки Вуоксы с Финским заливом и крепость Карела при впадении Вуоксы в Ладожское озеро.

Шведы то ли штурмом овладели укреплениями Выбора, то ли русские заранее оставили городок, сейчас установить невозможно. Заняв этот стратегический пункт, Кнутссон велел построить каменную крепость на небольшом островке Линнан-Саари (размером всего 1700 на 122 м). Этот островок контролировал речной путь в реку Вуокса и, соответственно, в Ладожское озеро. Шведы назвали крепость Выборгом. В рифмованной «Хронике Эрика», написанной спустя 30 лет после основания Выборга, говорилось:

Пошли они в языческий предел,
тем положив конец большой беде
(ведь слишком близко подходили к ним
язычники с намерением злым).
И крепость возвели они свою
владений христианских на краю,
на краешке языческой земли —
и добрый мир в ту местность принесли:
пришли туда покой и тишина,
и Богу нынче молится страна,
и много пленных вызволили тут.
Теперь ту крепость Выборгом зовут,
к востоку обращенную, как щит.
Беда у стен языческих стоит —
и меньше нынче русские смогли
там сохранить подвластной им земли.
Из камня крепость выведя тогда,
в обратный путь пустились господа,
оставив фогта, коему страшны
не стали злые люди той страны:
он, не боясь, на ярость их смотрел —
и покорил язычников-карел,
и в скорый срок к ногам его легли

[39] Ладулос – амбарный замок (*швед.*).

[40] Некоторые историки, в т. ч. И.П. Шаскольский, утверждают, что Кнутссон лично не участвовал в походе.

четырнадцать погостов той земли[41].

Замечу, что строили крепость не сами шведы, а сотни или даже тысячи насильно согнанных туда карел. Вестернский епископ Педер Элкви приступил к принудительному крещению карел по католическому обряду.

До прихода Кнутссона все карельские племена были подданными Господина Великого Новгорода. Большинство карел оставалось язычниками, крестились они только по своей воле. Точных данных о числе православных карел нет, но они составляли не менее 20 процентов от общего числа. Новгородская администрация никого не принуждала креститься, но создавала для этого все условия – посылала миссионеров, строила церкви, основывала монастыри, как, например, знаменитый Валаамский монастырь[42].

Был ли Торгильс Кнутссон основателем Выборга – вопрос довольно спорный. Во всяком случае, ни в одном шведском или русском документе XIII–XV вв. нет упоминаний о личном участии Кнутссона в строительстве Выборга и даже о пребывании в нем. Тем не менее в конце XIX в. финские националисты начали прославлять Кнутссона. Естественно, все знали, сколько им было убито предков современных финнов, но чего не сделаешь в пику «этим проклятым русским». Поэтому не случайно в 1862 г. одна из новых улиц города, вскоре ставшая главной, получила название Торкельской (затем переименованная в проспект им. Ленина), а в 1887 г. известный финский скульптор Вилле Валыгрен изваял скульптуру Торгильса Кнутссона. Инициатором создания памятника был выборгский архитектор Я. Аренберг. Под его руководством в городе проводился сбор денег, устраивались спектакли и лотереи.

Однако когда памятник был готов, русские власти запретили его установку. Лишь после первой русской революции Николай II разрешил Городскому совету Выборга установить памятник. 4 октября 1908 г. при многолюдном скоплении горожан на площади Старой ратуши торжественно открыли памятник шведскому марскалку. Там он и простоял 40 лет.

В 1948 г. по указанию советских городских властей Торгильс Кнутссон был свергнут с пьедестала и отправлен на склад комбината благоустройства города. Там его и обнаружили сотрудники Выборгского краеведческого музея, и с 1975 г. он уже хранился в одном из подвалов замка. В 1991 г. памятник был извлечен оттуда и 2 июля 1993 г., во время торжеств в честь 700-летия основания Выборгской крепости, вновь установлен на пьедестале.

Возникает естественный вопрос, почему Великий Новгород допустил, чтобы на его территории в важнейшем стратегическом пункте Карельского перешейка шведы спокойно возводили неприступную каменную крепость? Дело в том, что в 1292 г. сын Александра Невского Андрей Городецкий вместе с князем Федором Чермным в очередной раз навели татар[43] на Русь. Кстати, православные иерархи позже причислили известного ордынского прихвостня Федора Чермного к лику святых[44]. Надо полагать, что Кнутссон затевал свой крестовый поход в 1293 г., хорошо зная ситуацию на Руси. Татары заняли Волок Ламский и готовились оттуда идти на Новгород и Псков. Но обе республики прислали богатейшие дары Дюденю и его темникам, и татарское войско в феврале 1294 г. отправилось восвояси.

В начале 1294 г. Андрей Городецкий прибыл с дружиной в Новгород, где бояре поведали ему о затее Кнутссона. Андрей 10 марта 1294 г. отправил к «свейскому городу», то

---

[41] Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 89.

[42] Время его основания неизвестно, по разным источникам датируют его от XI до начала XIV в.

[43] На Руси этот поход называли Дюденевой ратью по имени предводителя татар Дюденя. Ущерб от Дюденевой рати был не меньше, чем от Батыевой рати.

[44] Подробнее об этом рассказано в моей книге «Русь и Орда».

есть к Выборгу, князя Романа Глебовича[45], боярина Юрия Мишинича и тысяцкого Андреяна с отрядом новгородцев. Однако отряд был слишком мал. Дело в том, что сам Андрей Городецкий отправился в поход против своего старшего брата Дмитрия Александровича и взял с собой большую часть новгородского войска вместе с посадником.

За шесть недель новгородцы добрались до Выборга, и во вторник «на похвальной неделе» пошли на штурм крепости. Но шведы уже основательно подготовились к обороне. Штурм был отбит. При этом смертельную рану стрелой получил знатный новгородец «добрый муж» Иван Клекачевич.

На следующий день начался разлив талых вод, и подойти к крепости стало невозможно. Кроме того, кони новгородцев страдали от бескормицы. В итоге воеводы решили возвращаться назад.

Шведы, воодушевленные успехом, в конце 1293 г. – начале 1294 г. покорили все карельские земли («14 погостов»). Шведы взяли город Кексгольм (по-русски – Карелу, современный Приозерск), «много язычников было там побито и застрелено в тот самый день». Интересно, что шведы называли язычниками не только язычников-карел, но и православных карел, и даже русских. В Кексгольме был оставлен сильный шведский гарнизон во главе с Сигге Лоне (новгородская летопись называет его «воевода Сиг»). Замечу, что еще около 830 г. на месте Карелы была крепость русов Бярма. Таким образом, шведы полностью взяли под контроль вуокский водный путь из Финского залива в Ладогу.

Вскоре к Кексгольму подошел отряд новгородцев и осадил крепость. Рифмованная «Хроника Эрика» так описывает захват и потерю шведами Карелы:

Дома Кексхольма к их ногам легли,
но город христиане не сожгли.
В тот день войска язычников разбив
и стрелами немало поразив,
оставшихся в живых угнали в плен —
внутрь выборгских надежных, крепких стен.
Часть христиан отправилась домой,
везя добычу славную с собой.
Их вождь уйти со всеми не успел,
не завершив в Кексхольме важных дел.
А тут внезапно русские пришли,
чтоб отомстить за стыд своей земли,
шесть дней и шесть ночей штурмуя тех,
что в крепости сражались, как на грех,
оставшись без снабженья, – и слегло
их с голоду немало. И могло,
пожалуй, только чудо их спасти
и из осады к дому отвезти.
Тогда наружу вышла шведов рать,
чтоб попытаться строй врага прорвать.
И много русских пало в том бою,
с истошным криком жизнь отдав свою.
И если шведы бой в строю вели,
враги от них бежали, как могли.
Но пали христиане в том бою —

[45] Роман Глебович – удельный брянский князь, сын смоленского князя Глеба Ростиславича.

напрасно ждут из в Упландском краю —
и Сигурд Локе тоже был убит.
Пускай Господь все души приютит
бойцов, что пали за родимый край,
и предоставит в их владенье рай,
а русские за их кровавый труд
пусть в ад кромешный сразу попадут![46]

В нашей летописи сказано более лаконично: «Новгородцы, придя, крепость разметали, а Сига убили, не выпустив ни человека»[47].

Маршал Кнутссон был взбешен, узнав об уничтожении кексгольмского гарнизона, и решил захватить устье реки Невы. Но поход пришлось отсрочить из-за бракосочетания короля Биргера Магнуссона с Мартой, дочерью датского короля Эрика V.

Параллельно с агрессией в Карелии шведы занялись пиратством на Балтике. При этом они грабили не только русские суда, но и все суда, торгующие с Новгородом и Псковом. Больше всего от этого пострадали ганзейские купцы. Они нажаловались на шведов германскому императору, да и сами немцы располагали большим флотом. Поэтому в 1295 г. король Биргер прислал грамоту в город Любек, где говорилось, что шведы не будут тревожить немецких купцов, идущих в Новгород с товарами, только в угождение императору, так как для него, Биргера, эта торговля невыгодна, потому что усиливает его врагов (новгородцев). Он дает купцам свободу отправляться в Новгород, но под условием, чтоб они не возили туда оружие, железо, сталь и т. д. Кстати, во второй половине XIII в. Любек и другие северогерманские города имели для купцов гарантии неприкосновенности от шведских, датских и других правителей, действовавшие как в мирное, так и в военное время.

В январе 1300 г. германский император Альбрехт обратился к королю Биргеру с требованием обеспечения свободного плавания в Финским заливе и Неве.

Забегая вперед, скажу, что в 1312 г. воевавшие с королем Биргером его братья герцоги Эрик и Вальдемар дали Ганзе гарантии беспрепятственной торговли с Новгородом. В целом же, несмотря на урон, нанесенный шведскими пиратами торговле Ганзы с Новгородом и Псковом, ее объем в 1293–1312 гг. заметно не падал.

В начале 1299 г. маршал Кнутссон начал подготовку нового крестового похода на Русь. При этом Рим помогал ему не только морально – по традиции, римские папы обещали всем идущим на Восток отпущение грехов и всякие райские блаженства. На сей же раз Бонифаций VIII снял лучших инженеров со строительства своего дворца и замка Святого Ангела в Риме и отправил их в Швецию строить крепости на землях «русских язычников».

30 мая 1300 г. («в троицын день») около 50 шведских кораблей покинули Стокгольм. На корабли было посажено 1100 рыцарей[48], командовал ими сам правитель Торгильс Кнутссон. Флотилия вошла в Неву и стала на якорь у слияния рек Невы и Охты. В то время Охта была полноводной рекой, ширина ее в устье составляла не менее 80 метров, а глубина позволяла кораблям приставать непосредственно к берегу. Шведские корабли были поставлены в устье Охты «борт к борту и штевень к штевню».

На мысу шведы сразу же начали строить крепость, ее требовалось закончить быстро – к концу лета. Зимовать здесь с флотом Кнутссону явно не улыбалось. В шведской хронике говорится, что между Невой и Охтой был прорыт глубокий ров и заполнен водой, а надо рвом возведена стена с восемью башнями. На берегах обеих рек были возведены менее мощные

[46] Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 90, 92.

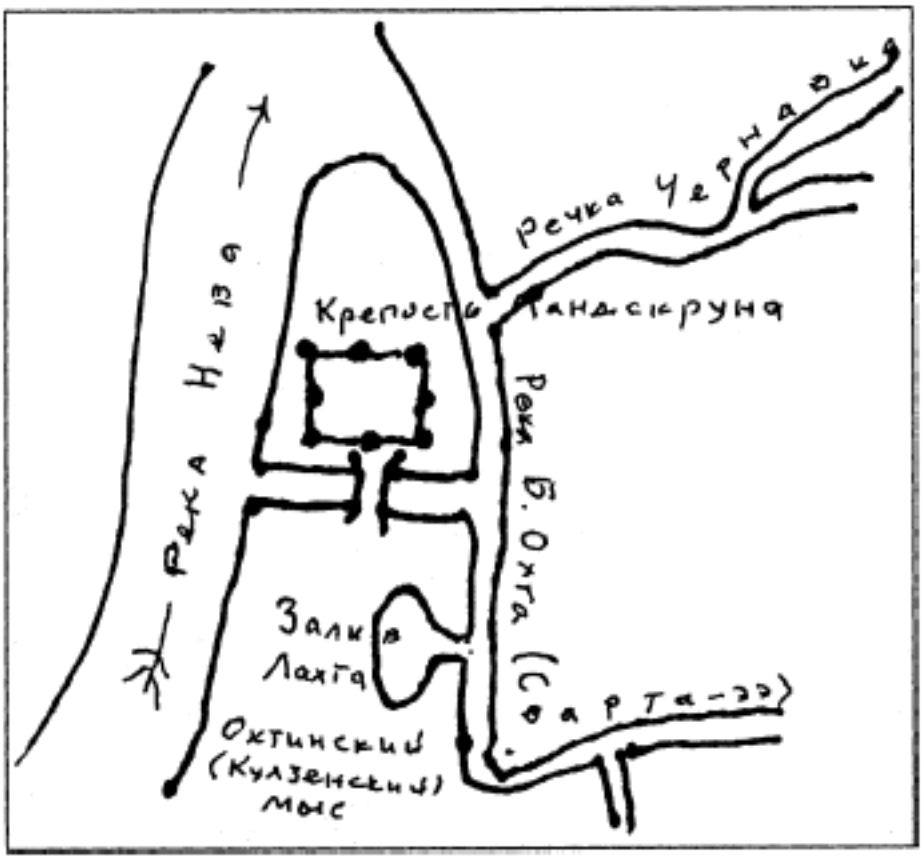
[47] Там же. С. 90.

[48] В это число не включены матросы, оруженосцы и т. д.

фортификационные сооружения. Точных и подробных данных об укреплениях крепости нет. Но, судя по всему, башни и, возможно, часть стен, были каменными. Крепость получила название Ландскрона – «Венец Земли». Место крепости было выбрано удачно, недаром в 1611–1617 гг. шведы на том же самом месте построили крепость Ниеншанц.

С 1869 по 1998 г. на мысе Ландскоры находилась Охтинская (позже Петрозаводская) верфь.

Пока строилась крепость, 800 шведов под командованием некоего Харальда пошли вверх по Неве и попали в Ладожское озеро (шведы называли его Белым озером). Шведы получили сведения, что на одном из островов Ладожского озера разместился отряд новгородцев, готовящийся напасть на Ландскрону. Однако когда шведы отошли от берега на 40 километров, усилился ветер и на озере поднялось волнение. Шведы едва добрались до берега – Карельского перешейка. Там они вытащили шнеки на берег и занялись привычным делом: стали грабить местных жителей – карел.



Местоположение крепости Ландскроны, построенной шведами под водительством Торгиса Кнутсона, по проекту архитектора-итальянца, посланного в Швецию папой римским в 1300 г.

Через пять дней, когда ветер стих, Ладога успокоилась, взятые с собой припасы съедены, а вся окружающая местность опустошена и разорена, шведы двинулись в обратный путь к Неве, так и не выполнив своей задачи. Отряд Харальда подошел к истоку Невы и встретил там, на расположенном в истоке Невы Ореховом острове, шведский передовой отряд, видимо, ранее посланный сюда из Ландскроны для того, чтобы контролировать вход в Неву. Харальд оставил на Ореховом острове часть своих людей для усиления стоящего здесь отряда, а с остальными вернулся вниз по Неве в Ландскрону.

Вскоре шведский отряд на Ореховом острове заметил на Ладожском озере флотилию русских судов. Шведы утверждали, что в ладьях у русских была тысяча воинов. Шведский отряд не принял боя и ретировался в Ландскрону.

Таким образом, основные шведские силы в Ландскроне были заранее оповещены о подходе русских и приготовились к бою. Однако вместо русских ладей шведы увидели плывущие на них по течению Невы большие горящие плоты. Плоты были сделаны из сухих деревьев и были «выше иного дома». Но шведские моряки не растерялись – корабли увели в устье Охты, а вход в устье перекрыли большой сосной, привязанной канатом с обеих сторон, но, по-видимому, какие-то шведские корабли все-таки сгорели. Все же атаку русских брандеров можно считать удачной – шведская флотилия была заперта в Охте и не могла противодействовать подходу русских ладей и высадке с них десанта.

Русское войско прямо с кораблей двинулось на штурм Ландскроны. В бой шло не разношерстное ополчение, какое мы привыкли видеть на картинах художников XIX–XX вв., а профессионалы – «кованая рать». Как гласит шведская хроника: «Когда русские пришли туда, видно было у них много светлых броней; их шлемы и мечи блистали».

Если шведы на Ореховом острове более менее правильно оценили численность русского войско, то защитникам Ландскроны со страху показалось, что их атакуют свыше 30 тысяч русских воинов.

Русские стремительно преодолели ров и начали бой на стенах крепости. В этот критический момент две группы рыцарей под началом Матиаса Кетильмундсона и Хенрика фон Кюрна атаковали русских с флангов. После упорного боя обе группы с потерями отошли назад, но штурм был сорван и русские войска отошли к опушке леса.

Согласно шведской хронике, через некоторое время из Ландскроны выехал совсем еще юный рыцарь Матиус Дротс, вместе с ним ехал переводчик. Толмач подъехал к русскому войску и сказал: «Здесь благородный муж, один из лучших среди нас. Он здесь в полной готовности ждет, и хочет побороться с лучшим из вас на жизнь, добро и плен. Как вы видите, он здесь близко. Если кто-нибудь из ваших его одолеет, то он сдастся в плен и войдет за вами. Если случится, что ваш будет побежден, то и с ним будет то же самое. Больше ему ничего не надо». Русские ответили: «Мы видим, что он здесь и уж очень близко подъехал к нам». Русские переговорили между собой, и князь их сказал: «Если кто-нибудь из вас хочет с ним побороться, то пусть подумает об этом. Мы видим, что он доблестный воин. Я хорошо знаю, что они посылали к нам мужа не из худших. Я уверен, что если кто-нибудь станет с ним биться, то мы получим весть, что ему пришлось плохо». Русские ратники отвечали: «Мы за это не беремся. Здесь никого нет, кто хотел бы с ним биться». Молодой рыцарь стоял и ждал до самой ночи, а затем вернулся к своим.

Тут автор, зная новгородцев, позволит себе усомниться в правдивости хроники. В новгородском войске не мог не найтись какой-нибудь Васька Буслаев, и у юного шведа возникло бы много проблем. Тем более что простодушный автор хроники здесь же замечает, что Матиус Дротс через много лет стал шведским канцлером, а от себя добавим – фактическим правителем страны при несовершеннолетнем короле Магнусе Эриксоне. Так что Ландскрона вполне могла стать «Малой землей» престарелого канцлера.

Дальше хронист без всякого перехода сообщает, что шведы заключили с русскими перемирие на один день. Возможно, Матиус и ездил с толмачом на переговоры, а хвастливый вызов – это «остроумие на лестнице».

На следующую ночь русские скрытно снялись и ушли. Поход был предпринят одной новгородской дружиной, и для взятия Ландскроны сил явно не хватало.

Шведы тем временем достроили крепость, и в сентябре 1300 г. Кнутссон с основными силами отправился домой. В Ландскроне был оставлен гарнизон – 300 воинов во главе с рыцарем Стеном.

В устье Невы шведским кораблям из-за противного ветра пришлось простоять на якоре несколько дней. Недовольные вынужденным бездействием, Матиас Кетильмундсон и воины его отряда решили зря время не терять и заняться «полезным» делом. «И они велели свести на землю своих боевых коней», и двинулись в набег по южному побережью Финского залива, по Ижорской и Водской землям. Доблестные воины прошли с огнем и мечом по селениям води и ижоры и «жгли и рубили всех, кто им сопротивлялся». Как писал И.П. Шаскольский: «Набег не имел никаких политических или религиозных мотивов, шведские воины и не думали принуждать мирное население к повиновению или принятию католической веры; не занимались они даже грабежом (да в бедных крестьянских селениях, наверное, не было такого имущества, которое могло бы заинтересовать заморских пришельцев, – золота, серебра, ценных вещей). Это было разорение ради разорения, ради удовольствия разорять и убивать.

Насладившись убийствами и разорением беззащитного мирного населения, шведские воины вернулись на корабли, и шведский флот двинулся в обратный путь в Швецию, куда он благополучно прибыл в конце сентября 1300 г.»[49].

После неудачи под Ландскроной новгородские власти наконец осознали масштабы шведской угрозы и зимой 1300/01 г. отправили послов во Владимир к великому князю Андрею Александровичу Городецкому, третьему сыну Александра Невского. Тот не заставил себя долго упрашивать и уже в начале весны 1301 г. прибыл с дружиной в Новгород.

Весной 1301 г. в Новгород приехал посол из Любека с предложением подтвердить «старый мир и старую правду». Судя по всему, в навигацию 1300 г. шведы маленько пограбили ганзейских купцов, торговавших с Новгородом, и теперь Ганза хотела знать, нужно ли готовить караваны купеческих судов к навигации 1301 г. Заметим, что посол из Любека прибыл в Новгород сухим путем через Ливонию.

В соответствии с прежними новгородско-ганзейскими договорами ответственность за безопасность купцов на новгородской территории целиком лежала на новгородских властях. Понятно, что шведов нужно было гнать с Невы сразу после схода льда с Волхова и Невы.

На подмогу Новгороду двинулась и рать самого сильного тогда удельного князя Михаила Ярославовича Тверского. Однако Андрей Городецкий не стал ждать тверского войска, а быстро двинулся к Ландскроне.

Небольшой русский конный отряд вышел к Неве немного выше Ландскроны, предположительно в районе Литейного моста. Там русские начали рубить лес, чтобы заградить реку надолбами и не дать возможности шведскому флоту прийти на помощь Ландскроне. Отряд рыцарей во главе со Стеном выехал из крепости и попытался воспрепятствовать работе русских. Однако шведы попали в засаду и с большим трудом вернулись в крепость, при этом сам Стен получил ранение. Заграждение Невы пригодилось – шведский флот так и не пришел на помощь Ландскроне.

Андрей Городецкий, подойдя к Ландскроне, с ходу начал штурм крепости. Как гласит хроника, русские штурмовали Ландскрону днем и ночью. Русским удалось поджечь строения внутри крепости, после чего бой шел уже на стенах и валах. Когда русские овладели крепостью, уцелевшие шведы во главе со Стеном заперлись в погребе (возможно, ошибка хрониста или переводчика, и это была башня), где после недолгого сопротивления сдались.

После взятия Ландскроны возник вопрос – что делать с крепостью? Как уже говорилось, новгородцы принципиально не строили крепостей ни в устье Невы, ни на побережье Финского залива. Поэтому новгородцы сравняли с землей Ландскрону, как сказано в летописи, «град запалиша и разгребоша». Вновь караваны купеческих судов поплыли по Неве в Новгород и в балтийские страны.

---

[49] Шаскольский И.П. Борьба Руси за сохранение выхода к Балтийскому морю в XIV веке. Л.: Наука, 1987. С. 53.

Взаимоотношения новгородцев с Андреем Городецким, который больше был озабочен сварами с братьями, а не безопасностью Руси на северо-востоке, не позволили русским пожать плоды победы в Ландскроне в полном объеме. Так, шведский историк Гиппинг писал: «Если бы русские, пользуясь одержанной победой и страхом, наведенным ею на противников, тотчас ударили на Финляндию, то, быть может, им удалось бы уничтожить не вполне еще утвердившееся там шведское господство и возвратить свои прежние владения, – и это тем вероятнее, что шведские поселенцы и гарнизоны, рассеянные в Финляндии, едва ли могли бы в то время получить деятельную помощь из Швеции, ибо там с 1304 года возгорелась между королем и его младшими братьями кровавая борьба, среди которой и знаменитый Торкель Кнутсон пал под секирою палача, после тринадцатилетнего мудрого правления»[50].

[50] Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. С. 89.

Глава 4
Тайна короля Магнуса

В первые два десятилетия XIV в. в Швеции обострилась политическая борьба, перешедшая в гражданскую войну. Король Биргер конфликтовал со своими братьями герцогами Эриком и Вольдемаром. Эрик погиб в этой войне, но его девятнадцатилетний сын Магнус в 1319 г. был избран шведским королем. Таким образом, разрушение Ландскроны и внутренние свары на время остановили агрессию шведов. Хотя нападения небольших отрядов на русские земли продолжались, но творили это шведские феодалы, осевшие в Финляндии, так сказать, в инициативном порядке, без санкции короля.

Захват шведами Западной Карелии и постройка там ими Выборгского замка вынудили новгородское правительство предпринять энергичные меры по удержанию под своей властью основную часть Карельской земли. Так, в 1310 г. «ходиша новгородци в лодьях и в лоивах в озеро, и идоша в реку Узьерву, и срубиша город на порозе нов, ветхый сметавше». То есть новгородское войско на судах прошло через реку Волхов в Ладожское озеро в устье реки Узьервы (Вуоксы) в Кареле, разобрало старые, обветшавшие укрепления городского детинца и построило укрепления на новом месте. По данным А.Н. Кирпичникова[51], кекскгольмская крепость первоначально находилась у устья реки Вуоксы, и только в 1310 г. местом для возведения новой крепости вместо «ветхой» был избран лежащий у одного из порогов Вуоксы остров, на котором и был построен «Карельский городок».

Новгородские власти, обеспокоенные шведской экспансией, пошли на нарушение традиций Новгородской республики – назначили главой администрации Карельской земли какого-то служилого князя[52] Бориса Константиновича. «Какого-то» сказано потому, что он ни в одном летописном или ином источнике не упомянут. По-видимому, он был младшим отпрыском тверской княжеской семьи, поскольку новгородцы жаловались на него великому князю Михаилу Ярославовичу Тверскому. В этой грамоте сказано, что «Бориса Константиновича кърмил Новгород Карелою…». Присутствие в Кареле русского служилого князя с дружиной должно было обеспечить оборону города на случай нападения из лежавших рядом, захваченных шведами западных карельских погостов.

В 1311 г. новгородцы совершили большой поход в захваченную шведами часть Финляндии. «В лето 6819 ходиша Новгородци воиною на немецькую землю, за море, на Емь, с князем Дмитрием Романовичем, и переехавше море взяша первое Купецьскую реку, села пожгоша и головы поимаша, а скот изсекоша; и ту убиен бысть Костянтин Ильин сын Станимировича в загоне. Потом взяша Черную реку всю, и тако по Черной придоша к городу Ванаю [близ Тавастгуса] и взяша город и пожгоша, а Немци взбегоша на детинец – бяше бо место вельми сильно твердо, на камени высоце, не имея приступа ни откуда же, – и сослаша с поклоном прояще мира; Новгороци же мира не даша и стояша 3 дни и 3 ночи, волость труче, села великая пожгоша, обилие все потравиша, а скота не оставиша ни рога; и потом идуче взяша Кавгалу реку и Пену реку, и выидоша на море и придоша здорови вси в Новъгород».

Шведы продолжали нападать на торговые караваны в Финском заливе, на Неве и Ладожском озере. Так, в хронике города Любека сказано, что в 1311 г. любекский купец Эгбертус Кемпе был ограблен шведами на Ладожском озере и у него изъяли 23 предмета «прекрасной работы». В том же году шведы на Неве ограбили еще одно любекское судно

---

[51] Кирпичников А. Историко-археологические исследования древней Карелы: «Карельский город» XIV в. Л., 1979. С. 55–60; Каменные крепости Новгородской земли. Л., 1984, с. 123–126.

[52] Служилый князь – князь, нанятый городом для его защиты, к управлению Новгородом служилые князья не допускались.

и нанесли ущерб владельцу в 5 тысяч марок. Эх, молодцы немцы – что за пунктуальность! Разумеется, эти акции не были ответом шведов на поход новгородцев в Карелу в 1310 г., как предполагают наши глубокомысленные историки. Это был обычный грабеж, свойственный не только шведским рыцарям, но и всем их коллегам в Западной Европе. Лишь «совковые» дамочки возмущаются в метро, когда им не уступают место, мол, перевелись сейчас рыцари. Но не дай бог им оказаться в XIV веке в окрестностях замка какого-нибудь благородного маркиза или графа!

Городские власти Любека обратились с жалобой к герцогу Эрику, который в это время контролировал Финляндию, и пригрозили экономическими и силовыми санкциями. Эрик и его братец Вольдемар оказались в весьма неудобном положении. Они только что, 15 августа 1312 г., отправили в город Любек грамоту с гарантией свободного проезда купцам из Новгорода и обратно, причем без всяких ограничений, которые шведы ранее пытались высказывать, как, например, на провоз оружия и т. д. А тут вот два судна ограбили. Благородный и справедливый герцог 3 ноября 1312 г. послал в Любек покаянную грамоту, где клятвенно обещал вернуть все награбленное владельцам и больше не проказничать. Грамота сия сохранилась в немецких архивах. Вернули ли награбленное любекским купцам, установить не удалось, но разбои шведских феодалов не прекратились.

В 1313 г. шведская флотилия прошла через Неву, Ладожское озеро и по Волхову добралась до города Ладоги. В это время ладожский посадник с городской дружиной был в каком-то походе, и шведам удалось «пожгеша Ладогу». Но из новгородской летописи не ясно, был ли сожжен только неукрепленный посад, раскинувшийся на левом берегу Волхова, или шведы захватили и сожгли обе ладожские крепости, земляную и каменную.

Между тем опыт использования служилых князей для защиты северных рубежей Новгородской земли оказался неудачным. Случилось то, чего боялись ранее новгородцы. За время пребывания в Карелe князь Борис Константинович купил себе какие-то карельские села, а другие попросту захватывал силой, то есть попытался стать в Карелe удельным князем. Мало того, он, видимо, здорово пограбил карел. Результатом его деятельности стало первое в истории восстание населения карельского Приладожья против власти Великого Новгорода в 1314 г.

Пограничные шведские феодалы не замедлили воспользоваться ситуацией и вторглись в русские земли. Шведский отряд с боем захватил город Карелу, а может быть, был впущен туда карелами.

Новгородцы еще до восстания карел выгнали с позором князя Бориса Константиновича в Тверь и даже предложили тверскому князю его судить. Новым наместником был назначен новгородец Федор. Этот Федор оперативно собрал в Новгороде сильный отряд и двинулся к Карелe. Город Карела был взят, все шведы и изменники-карелы перебиты новгородцами.

В 1317 г. шведские корабли вошли в Ладожское озеро, где у Обонежья ограбили и убили нескольких русских купцов, направлявшихся на своих судах из устья Свири через озеро к устью Волхова для проезда в Новгород. Новгородцы активно защищали свои владения и торговые коммуникации. В 1311 г. новгородское войско на ушкуях вышло в Финский залив. Им предводительствовал служилый новгородский князь Дмитрий Романович, сын служилого новгородского князя Романа Глебовича, командовавшего войском в 1294 г. в походе на Выборг.

Русская флотилия подошла к финскому побережью в районе Купцкой реки[53]. Ушкуи прошли по реке, и далее по рекам, озерам, а где и волоком добрались до Тавастаборга. Рус-

[53] Точно идентифицировать ее историки не могут. Одни предполагают, что это река Кюмийоки, другие – Купитаниоки (Kuppittaanjoki), называют и другие реки.

ские три дня осаждали город, но взять не смогли и отступили. Русское войско разорило районы, населенные племенами емь, и захватило большую добычу. Согласно летописи, в одном из боев был убит знатный новгородец «Константин Ильин сын Станимировича». Однако в целом потери были невелики, и русский отряд по реке Перне благополучно достиг Финского залива, а оттуда ушел в устье Невы.

В самом начале 1318 г. новгородцы предприняли новый морской поход. На сей раз их ладьи и ушкуи прошли в Або-Аландские шхеры и по «Полной реке» (Аурайоки) поднялись до города Або (ныне город Турку) – тогдашней столице Финляндии. 23 мая 1318 г. город был взят и основательно разрушен, в частности, был сожжен абовский собор.

Русские захватили собранный за 5 лет со всей Финляндии церковный налог, предназначенный к отправке в Рим. Затем русское войско морским путем благополучно вернулось в устье Невы и, как сказано в летописи, «приидоша в Новгород вси здорови».

В 1322 г. шведские войска из Выборга двинулись к русской крепости Карела, однако взять ее не смогли и вернулись восвояси. Набег шведов на Карелу возмутил новгородцев, и они решили покончить со шведским осиным гнездом – Выборгом. Тем временем в Новгород прибежал московский князь Юрий Данилович, которого хан Узбек лишил титула великого князя владимирского, а брат Иван выгнал с московского престола. Понятно, что московской рати у Юрия не было, разве что небольшой отряд дружинников. Тем не менее власти Новгорода поручают ему командовать войском в походе на Выборг.

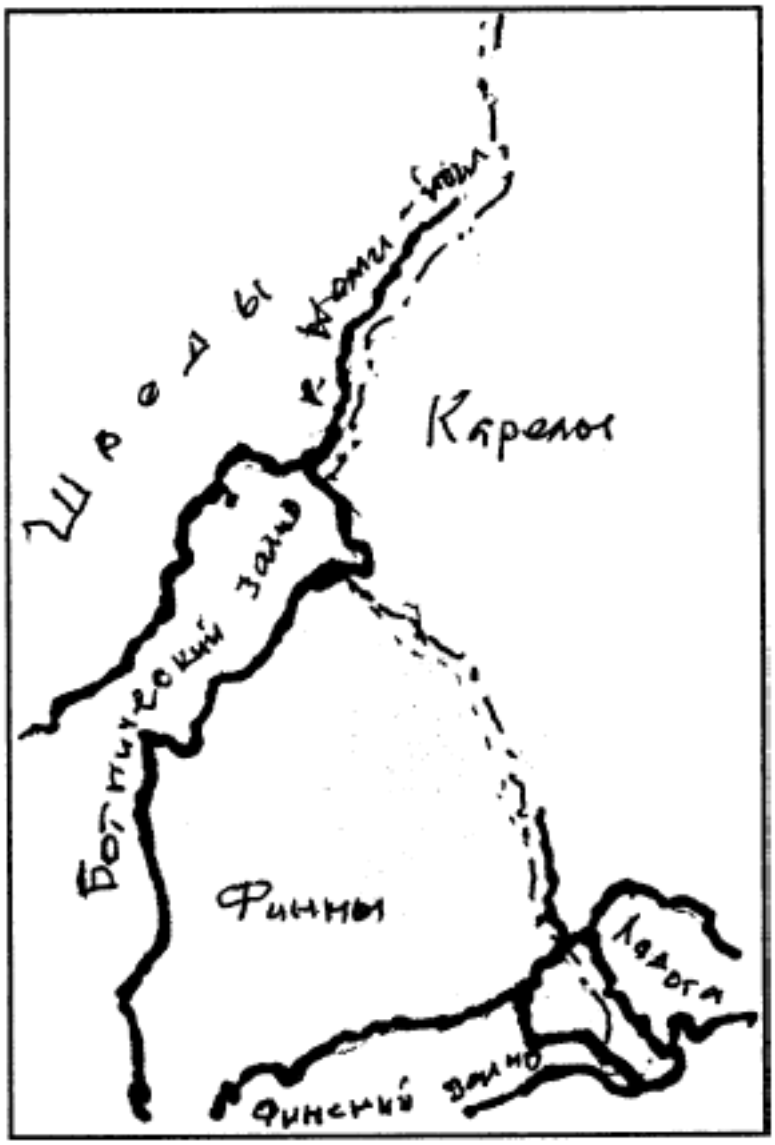
12 августа 1322 г. русская флотилия подошла к Выборгу. Предместья города были преданы огню, каменный замок осажден. Шведский гарнизон устроил вылазку, но назад вернулись немногие. Шесть метательных машин русских («пороков») засыпали замок каменными ядрами. Шведы записали в своей хронике: «Георгий, великий король Руссов, осадил замок Выборг с великой силой в день святой Клары». Современные финские историки оценивают численность новгородского войска в 22 тысячи человек. Разумеется, это явный перегиб. Со страха шведам бездомный князь показался «великим королем», а каждый русский воин троился, а то и пятирился в их глазах.

Но, увы, штурм замка, произведенный Юрием 9 октября, не удался. Наступила осень, и близился ледостав на Неве, поэтому Юрий приказал снять осаду. Русское войско с большим полоном вернулось в Новгород. В первой половине 1323 г. в устье реки Невы на Ореховом острове в истоке Невы по приказу князя Юрия Даниловича новгородцы построили крепость Орешек.

В июле 1323 г. в новопостроенную крепость прибыли для переговоров шведские «великие послы» Эрик Турессон и Хеминг Эдгислассон со свитой. Новгородскую сторону представляли князь Юрий Данилович, посадник Варфоломей Юрьевич и тысяцкий Авраам. В качестве наблюдателей, а скорее всего, посредников в переговорах приняли участие купцы с острова Готланд Людовик и Фодру. Поскольку Готланд входил в состав Ганзейского союза, послы Готланда должны были представлять интересы Ганзы.

Договор, получивший название Ореховецкий, был подписан 12 августа 1323 г. В его преамбуле приводилось главное содержание договора – заключение обеими сторонами «вечного мира», подкрепленное присягой – «крестным целованием».

Крепость Орешек в XIV в. Реконструкция А.Н. Кирпичникова, В.М Савкова



Фрагмент схемы древней карты с изображением участка границы, установленной между Русью и Швецией по Ореховецкому договору 1323 г.

Согласно условиям договора, новгородско-шведская граница устанавливалась на Карельском перешейке по следующей линии: от устья реки Сестры на побережье Финского залива и оттуда вверх по течению Сестры (Систербека), вплоть до ее истоков, и далее через болото, откуда брала река Сестра свое начало, до его противоположного конца по водоразделу, вплоть до истока реки Сая, и вниз по руслу до впадения Саи в Вуоксу, а затем по Вуоксе до того пункта, где река делает крутой поворот на север и где расположен гигантский валун – «Солнечный камень».

Таким образом, граница делила пополам Карельский перешеек в направлении с юга на север и шла далее до бассейна озера Сайма, а затем до побережья Ботнического залива там, где в него впадает река Пюзайоки. Это была древняя племенная граница между карелами и финнами – сумью (суоми), и она подтверждалась и сохранялась.

За Новгородом оставались промысловые угодья на отошедшей к Швеции территории, так называемые ловища, богатые рыбой, общим числом шесть, куда должны были иметь свободный доступ новгородцы и карелы, и два бобровых ловища.

Любопытно, что в Ореховецком договоре была зафиксирована только юго-западная граница русских владений у Ботнического залива – река Патойоки. Как далеко на север простирались русские приботнические владения, в договоре указано не было. Однако в позднейших источниках имеются сведения, где проходила внешняя (на севере и западе) граница этих владений. Русские считали своими владениями территории, принадлежащие современной Финляндии от реки Похейоки (Pöhejoki), а оттуда в западную сторону к мысу Бьюрроклубб на западном берегу Ботнического залива, в приходе Шеллефтео, оттуда к северовостоку до рек Торнео и Кеми, вверх по реке Кеми до речного мыса Рованьеми. По этим данным видно, что, согласно русской официальной точке зрения, сохранившейся к 1490-м гг., Русское государство должно было владеть не только Каянской землей – Эстерботнией, но и обоими побережьями северной части Ботнического залива или даже обеими областями, прилегавшими к северной части этого залива – Эстерботнией и Вестерботнией. Лишь при заключении Тявзинского мирного договора в 1595 г. Каянская земля (Эстерботния) отошла к Швеции.

В договоре было подтверждено право свободного проезда из Новгорода по Неве в Финский залив.

После Ореховецкого мира на границе между Швецией и Новгородом четверть века было относительно спокойно. Единственный достойный упоминания инцидент произошел в 1337 г., когда управлявший городом Карела местный феодал Валит вступил в тайные сношения со шведами и шведский отряд из Выборга захватил Карелу. Однако новгородцы сразу выслали сильное войско, и Карела была возвращена в состав новгородских владений. После этого, на всякий случай, шведские и новгородские послы 8 сентября 1340 г. в городе Дерпте в Ливонии подтвердили все статьи Ореховецкого мирного договора.

Укрепив свою власть на шведском и норвежском престолах, король Магнус II[54] решил завладеть новгородскими землями. Поскольку поводов для войны новгородцы не давали, король решил обратить «язычников» (русских и православных карел) в христианскую веру.

Идеологом крестового похода в Швеции стала религиозная психопатка Биргитта, настоятельница Вадстенского монастыря. Биргитта давала наставления Магнусу, призывала его к ведению «справедливой» войны для распространения христианской веры среди язычников, прямо настаивала на организации похода.

Как писала Е.А. Рыдзевская, Биргитта «происходила из знатного упландского рода; ее отец, Биргер Персон, видный государственный деятель и член совета опекунов, правивших в Швеции до совершеннолетия короля Магнуса, был одним из крупнейших шведских землевладельцев того времени. Деятельность этой честолюбивой и фанатически религиозной женщины, обладавшей литературным талантом и резко выраженной склонностью к мистике и экстазу, имела большое значение для шведской церкви XIV в. Биргитта основала Вадестенский монастырь и сочинила для него устав; ей же принадлежит инициатива перевода Библии на шведский язык»[55].

Любопытно, что Биргитта основывала смешанные монастыри, где жили монахи и монахини (примерно поровну). Согласно ее учению, вера помогала человеку «победить свою природу». Увы, мы никогда не узнаем, что творилось в этих совместных монастырях. Во всяком случае, после смерти Биргитты все смешанные монастыри были закрыты.

В 1391 г. папа римский причислил Биргитту к лику святых. Похоронена Биргитта была в созданном ею монастыре и Пирите, в нескольких километрах от Ревеля[56]. Храм, где она была захоронена, разрушен в 1577 г. войсками Ивана Грозного в ходе Ливонской войны. Но

[54] Магнус – король Швеции под именем Магнус II, король Норвегии под именем Магнус VII.

[55] Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия IX–XIV вв. С. 124–125.

[56] Имеют хождение и иные версии о месте захоронения Биргитты.

это уже мало интересовало шведов, немцев и чухонцев, поскольку они к тому времени стали протестантами.

В 1718 г. в Риме откопали великолепную статую Венеры (Афродиты) – римскую копию греческой статуи III в. до н. э. Находка поступила в собственность папы римского Климента XI. Слух о Венере дошел до Санкт-Петербурга. Царь Петр предложил папе за нее большую сумму. Но Климент был большой любитель древностей и женских прелестей, и категорически отказался продавать статую. Тогда Петр предложил папе обменять статую языческой богини на мощи святой Биргитты. Представляете, какое выражение лица было у Климента?! Пришлось отдать. Одно время статуя Венеры стояла в Таврическом дворце у князя Потемкина-Таврического, за что и получила название Венера Таврическая. Ныне же она находится в Эрмитаже.

Что же касается святой Биргитты, то после конфузии с Венерой римские власти о ней надолго забыли. Вспомнили о Биргитте лишь после распада СССР. (И с чего бы?) В ноябре 1999 г. Иоанн Павел II освятил в Ватикане скульптуру святой Биргитты, которую называют ангелом-хранителем Европы. В Ватикан для участия в оной церемонии прибыли 23 человека из Эстонии во главе с вице-спикером эстонского парламента Тунне Келамом. Пятиметровая статуя святой Биргитты была установлена в одной из внешних ниш базилики Святого Петра.

В 2003 г. в Швеции прошли торжества, посвященные 700-летию со дня рождения небесной покровительницы Швеции святой Биргитты (Бригитты). В торжественной службе, которая была совершена в монастыре Вадстена, основанном святой Биргиттой, приняли участие король Швеции Карл XVI Густав и королева Сильвия, а также президенты Финляндии, Латвии, Эстонии и 1400 гостей из разных стран мира. На торжественное мероприятие собралось всего около пяти тысяч человек. Значительную часть приехавших составляли монахини-бригиттинки со всего мира. Проповедь о жизни святой Биргитты произнес лютеранский епископ Мартин Линд. Католический епископ Андерс Арболериус вознес святой молитвы о христианском единстве.

Итак, все возвращено на круги своя. Святая Биргитта в своем «Откровении» точно указала пути к «христианскому единству»: «начинать с увещаний, а в случае неуспеха действовать силой»[57].

Но вернемся в XIV век. Король Магнус, подстрекаемый Римом и «местной святой», собрал большое наемное войско, в значительной степени состоявшее из датских и немецких рыцарей. Войско было посажено на корабли. В 1348 г. шведская флотилия пересекла Балтийское море, вошла в Финский залив и остановилась у Березовых островов (вблизи русской границы). Обычно шведские войска при нападениях на русских использовали фактор внезапности, но на этот раз Магнус остановился на границе и отправил послов в Новгород. Послы объявили вече от имени короля: «Пришлите на съезд своих философов, а я пришлю своих, пусть они поговорят о вере. Хочу я узнать, какая вера будет лучше: если ваша будет лучше, то я иду в вашу веру, если же наша лучше, то вы ступайте в нашу веру и будем все как один человек. Если же не хотите соединиться с нами, то иду на вас со всею моею силою». Владыка Василий, посадник Федор Данилович, тысяцкий Авраам и все новгородцы, подумав, велели отвечать Магнусу: «Если хочешь узнать, какая вера лучше, наша или ваша, то пошли в Царьград к патриарху, потому что мы приняли от греков православную веру, а с тобою нам нечего спорить о вере. Если же тебе есть какая-нибудь от нас обида, то шлем к тебе на съезд», и послали к нему тысяцкого Авраама с боярами.

Русские послы прибыли к Магнусу, и тут король сменил тон и предъявил ультиматум: «Обиды мне от вас нет никакой. Ступайте в мою веру, а не пойдете, так иду на вас со всею моею силою». Русские послы отвергли ультиматум.

---

[57] Рыдзевская Е.А. Древняя Русь и Скандинавия, IX–XIV вв. С. 125.

Флотилия Магнуса прошла Неву и высадила десант на Ореховом острове. Строители крепости в 1323 г. допустили серьезный просчет – крепость занимала лишь часть острова, и шведам удалось расположить осадные силы на самом острове у стен крепости. Часть войска Магнус приказал разделить на небольшие отряды, которым приказал грабить земли по обоим берегам Невы. Магнус приказал всех русских пленных крестить в католическую веру и брить им бороды, а отказывавшихся – казнить.

Новгородцы послали гонцов в Москву за помощью. Великий князь владимирский и по совместительству московский Симеон Гордый на словах пообещал помочь новгородцам, но сам решил не вступать в конфликт со шведами. Симеон долго собирал войско, затем медленно шел с войском. Симеон доехал лишь до села Ситно близ Торжка, а затем повернул обратно. Московские летописцы объясняли возвращение князя тем, что ему нужно было встречать послов из Орды. Вместо себя Симеон послал в Новгород своего младшего брата князя Ивана Ивановича. Дойдя до Новгорода, князь Иван остановился там и не пошел на соединение с новгородским войском, к тому времени собравшимся в Ладоге. Более того, когда в Новгороде стало известно о новом ухудшении военной ситуации и взятии шведами Орешка, князь Иван со своей ратью вместо оказания помощи новгородцам малодушно покинул Новгород, «не приняв владычня благословениа и новгородчкого челобитья», и вернулся в Москву.

6 августа 1348 г. после шестинедельной осады шведы захватили Орешек. Крепость сдалась с условием свободного выхода гарнизона. Пятистам рядовым воинам шведы дали уйти, а Кузьма Твердиславович, Авраам и восемь новгородских бояр были взяты в плен и увезены в Швецию. Тем временем 400 новгородцев под началом новгородского боярина Онцифора Лукича напали на крупный шведский отряд, разбойничавший в Ижорской земле. На Жабче поле, согласно новгородской летописи, было убито 500 «немцев», а новгородцы потеряли убитыми только трех человек. Лукич приказал казнить взятых в плен ижорцев, принявших католичество и пошедших на службу к шведам.

Шведская хроника не упоминает о числе убитых шведов на Жабче. Об этом сражении сказано лишь, что «русские скоро показали, что бороды у них опять отросли».

Король Магнус не рискнул зимовать на Неве. Он оставил гарнизон в 800 человек в Орешке и отправился в Швецию. Едва король уехал, как 15 августа у Орешка появилось сильное новгородское войско. Тысяча новгородских воинов были отправлены на «зачистку» от шведов окрестностей города Карелы. Шведов там перебили вместе с их воеводой Людкой (видимо, Людером). Вскоре шведское войско осталось только в Орешке. 24 февраля 1349 г. новгородцы пошли на штурм Орешка. Им удалось поджечь деревянные стены крепости и ряд построек внутри нее. Часть шведов сгорела, часть была перебита, а остальные взяты в плен и отправлены в Новгород.

С событиями 1349 г. связана, между прочим, любопытная запись в «Очерке русской морской истории» известного историка российского флота Федора Веселаго. Поведав о набеге 1348 г., историк пишет: «Новгородцы на следующий же год отняли крепость [Орешек], прогнали Магнуса и на месте разрушенной Ландскурны, на устье Охты, построили Новую крепость, впоследствии переименованную в Ниеншанц»[58]. К сожалению, сообщение это Веселаго никакими документальными ссылками не подтвердил.

Однако в конце XIV–XV вв. при впадении Охты в Неву существовала русская деревня Новая, принадлежавшая в середине XV в. новгородскому боярину Олферию Ивановичу Офонасову. Надо ли говорить, что в то тревожное время деревня не могла не быть укреплена. Так что весьма возможно, что в небольшой крепости, построенной в 1350 г., поселились новгородцы, и через какое-то время она стала числиться деревней.

[58] Веселаго Ф.Ф. Очерк русской морской истории. Ч. 1. СПб., 1895. С. 38.

Крайне затруднен вопрос со вторым крестовым походом Магнуса II на Русь. Согласно одним источникам, он состоялся летом 1349 г., по другим – летом 1350 г., а ряд историков, включая И.П. Шаскольского, считает сведения о втором походе Магнуса вымыслом. Согласно шведским источникам, флот Магнуса прибыл к устью реки Наровы. После приближения новгородской рати флот вышел в Финский залив и почти целиком погиб в шторм. Сам же король с остатками войска добрался до Швеции. Русские же летописи молчат о походе Магнуса. Лишь в новгородской летописи под 1350 г. есть неясное и особняком стоящее сообщение: «А рать немецкая истопе (утопла) в море».

В далеком 1974 г. я в первый раз побывал в Валаамском монастыре. Собственно, тогда-то и монастырь не действовал, а в его стенах находился дом инвалидов. Кто-то из местных жителей показал мне на старом монастырском кладбище могилу со старой треснувшей плитой, сказав, что под ней покоятся останки шведского короля Магнуса II. Честно скажу, что я эту информацию пропустил мимо ушей, посчитав ее местной легендой.

Вспомнил о могиле я спустя четверть века, работая над книгой «Северные войны России». Я решил упомянуть об этой легенде и далее написать: «…а на самом деле шведский король был похоронен…» Но выяснилось, что королевской могилы в Швеции нет. Точнее, была в виде нагромождения больших камней на берегу моря, и в XIX в. туда водили туристов. Но позже, раскопав могилу, археологи пришли к заключению, что это захоронение бронзового века.

Согласно монастырским документам, Магнус спасся во время бури и объявился в Валаамском монастыре. Не исключена версия, что он поначалу был спасен русскими монахами другого монастыря, и лишь потом прибыл на Валаам. Магнус постригся в монахи под именем Григория и умер в чине схимонаха в 1374 г. в Валаамской обители.

Так ли все было? Ряд косвенных доказательств подтверждают версию валаамских документов (среди которых был план старого кладбища с указанием расположения могил, позже монахов стали хоронить в ином месте). Однако 100-процентную гарантию можно дать, лишь проведя исследование ДНК из захоронения на Валааме, и сравнить его с ДНК останков родственников Магнуса в Швеции. Российские археологи предложили провести экспертизу шведам, но те категорически отказались.

Итак, шведское правительство поставило все точки над «i»… Король-схимник, который мог стать символом примирения Запада с Востоком, не нужен ни правителям, ни церкви. Зато востребована воинственная, хотя и не вполне нормальная в сексуальном отношении монашка.

Надо заметить, что новгородцы в борьбе со шведской агрессией не ограничивались обороной. Так, ушкуйники[59] летом 1349 г. нанесли контрудар. Их ушкуи прошли вдоль побережья северо-норвежской провинции Халогалад и напали на крупное селение и замок Бьяркей. В начале 1351 г. большое новгородское войско во главе с тысяцким Иваном Федоровичем подошло к Выборгу. 21 марта новгородцы отбили вылазку шведов и сожгли посад Выборга. Русские не взяли под Выборг осадных машин и не смогли, а, видимо, даже и не планировали, взять Выборг. Опустошив окрестности, новгородцы ушли.

В мае 1351 г. в Дерпт съехались шведские и новгородские послы и вновь подтвердили все условия Ореховецкого мира. Там же был произведен размен пленных. В 1352 г. новгородцы построили новую, теперь уже каменную, крепость на Ореховом острове.

---

[59] Ушкуйники – ватаги русских людей, преимущественно из новгородских владений. Совершали набеги на шведов, норвежцев и татар, доходили до Астрахани и границ Китая. Основное средство передвижения – морские и речные суда – ушкуи, однако хорошо дрались в пешем и конном строю. Москва с подачи Орды начала беспощадную борьбу с ушкуйниками. Царские и советские историки предпочитали не упоминать о них, а там, где избежать этого было нельзя, давали ушкуйникам резко негативные оценки.

Раздел II
Шведы в Московии

Глава 1
У шведов меняется противник

После смерти Магнуса II о крестовых походах на русских в Швеции уже никто не вспоминал. Два века Швеция и Русь мирно существовали друг с другом. Хотя периодически и возникали малые войны. Все эти войны, скорее их надо называть конфликтами, были скоротечны и кончались мирными соглашениями на основе статей Ореховецкого мира, в статьи которого эпизодически вносились небольшие изменения.

В 70-80-х гг. XIV в. шведские правящие круги были слишком озабочены борьбой за власть внутри страны, и им было не до русских. Небольшие же нападения на новгородские земли совершались пограничными феодалами в инициативном порядке.

Так, в 1375 г. шведы построили крепость Улеаборг (ныне финский город Оулу) на берегу Ботнического залива в устье реки Оулу. Эта территория считалась собственностью Господина Великого Новгорода, и в следующем году новгородская рать осадила Улеаборг. Взять крепость русским не удалось, и в 1377 г. новгородцы вынуждены были заключить со шведами соглашение, по которому район Улеаборга отошел к Швеции.

В 1392 г. шведский отряд кораблей вошел в Неву. Шведы ограбили прибрежные села от устья реки и остановились, не доходя пяти верст до Орешка. За ними погнался служилый новгородский князь Семен Ольгердович[60]. Он настиг шведов и перебил большую часть их.

Эпизод сам по себе мелкий, но для нас фраза из летописи – «В тот год пришли из-за моря разбойники-Свеи в Неву, взяли села по обе стороны реки за пять верст до города Орешка» – важна как упоминание о заселенности русскими обоих берегов Невы. Ижорское населенные пункты селами в летописях не назывались.

Далее летописец бесстрастно повествует: 1395 год – «Приходили немцы Свеи к новому городу, к Яме[61], и пошли прочь, и князь Константин с горожанами иных перебил, а другие убежали». 1396 год – «В том году пришли Свеи в Карельскую землю и напали на два погоста: Кюрьевский и Кюлолосский, и сожгли церковь. И князь Константин с Карелою гнался за ними, и взял языков, и прислал их в Новгород». 1397 г. – «Той осенью пришли Немцы, взяли семь сел у Ямского городка и сожгли их»[62].

Потом следует 14-летний перерыв в нападениях. Но в 1411 г. последовал крупный налет шведов, которые попытались захватить Тиверский городок – небольшую русскую крепость на Карельском перешейке. Терпение новгородцев лопнуло, и новгородцы по главе с князем Семеном Ольгердовичем провели традиционную новгородскую репрессалию. Они осадили Выборг, взяли его наружные укрепления, сильно опустошили окрестности и большой добычей возвратились домой. В том же году двинский воевода с заволочанами совершил нападение на Северную Норвегию.

А тем временем в Швеции идет ожесточенная борьба за власть. Вдова шведского короля Хакона VI и наследница датского престола Маргарита Датская воюет с Альбрехтом

---

[60] Семен Ольгердович – сын Великого Литовского князя Ольгерда. Его литовское имя Лугвений, а православное – Семен.

[61] Ям, позже Ямбург, с 1922 г. город Кингисепп Ленинградской области.

[62] Цит. по: Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 124.

Мекленбургским, который получил королевскую власть из рук шведской аристократии. В 1389 г. Маргарита добилась возведения на престол Норвегии своего внучатого племянника Эрика Померанского и организовала разгром короля Альбрехта в Швеции. В 1397 г. в шведском городе Кальмаре Эрик был торжественно коронован как общескандинавский король. Тогда же было составлено и соглашение об унии. В нем провозглашался вечный мир между странами, их обязательство иметь общего короля, получавшего власть по прямой мужской линии, а в случае бездетности государя – путем выборов представителями всех трех стран.

Казалось бы, новое мощное северное государство должно было представлять серьезную угрозу Господину Великому Новгороду. Но, наоборот, в царствование Эрика (1397–1439) конфликты между шведами и новгородцами постепенно затихают. Эрик большое внимание уделяет внутренним делам и ведет войны с Голштинией и Ганзой.

С 1434 г. в Швеции начинается череда внутренних потрясений – крестьянские мятежи, борьба верхов за власть, за и против унии.

В 1457 г. королем трех стран становится Кристиан I. Он традиционно начинает войну с Голштинией. Зимой 1464 г. в Швеции происходит восстание. 14 октября 1471 г. королевская армия была разбита у Стокгольма. Уния вновь расторгнута. В 1471 г. регентом Швеции становится Стен Стуре. Война между Стуре и Кристианом I, а фактически между Швецией и Данией, продолжалась.

В 1478 г. Иван III присоединяет Господин Великий Новгород к Московскому государству.

Захват Новгорода елейно описан сотнями царских и советских историков. Иван, мол, действовал прогрессивно в интересах-де русского народа, и т. д. Ну а что казнили несколько десятков «государевых изменников», так за дело – нечего препятствовать политике централизации Московского государства. На самом же деле московская рать опустошила значительную часть новгородских земель. Сам Иван казнил совсем немного – 150–200 знатных новгородцев. Зато его наместники, особенно Захарьины-Кошкины (предки Романовых), казнили не менее тысячи человек не менее 10 тысяч «лучших» новгородцев было депортировано на окраины Московского государства, а взамен привезено и поселено в Новгороде несколько тысяч дворян, купцов, ремесленников и т. д. из Москвы, Владимира и других городов. Надо ли говорить, что казнены или высланы были практически все купцы, торговавшие с Ганзой и другими государствами. И не потому, что они находились в оппозиции Москве, а исключительно из-за своего богатства, которое перекочевало в сундуки московских бояр.

По этому поводу историк Н.И. Костомаров писал: «Так добил московский государь Новгород, и почти стер с земли отдельную северную народность. Большая часть народа по волостям была выгублена во время двух опустошительных походов. Весь город был выселен. Место изгнанных старожилов заняли новые поселенцы из Московской и Низовой Земли. Владельцы земель, которые не погибли во время опустошения, были также почти все выселены; другие убежали в Литву».

Надо ли говорить, что в 80-х гг. XV в. Новгород покинуло подавляющее большинство иностранных купцов, занимавших ранее целый квартал в городе – «немецкий двор». Бесспорно, в вольном Новгороде было много буйства, но иностранцы были надежно защищены от него. На тот же «немецкий двор» новгородцы могли заходить только днем. Строгий порядок в торговых сделках сменился бесчинствами Захарьиных. Да и не с кем стало торговать, все партнеры иностранных купцов были казнены или высланы из Новгорода.

Так рухнули торговые связи Новгорода Великого, доставлявшие огромные средства республике. Иван III из жадности зарезал курицу, несшую золотые яйца.

Историк Андрей Гиппинг писал: «Упадок морской торговли Новгорода, начавшийся с потерей его самостоятельности… имел неожиданно благотворное влияние на Ливонию: все ганзейские товары, шедшие доселе Невой в Новогород, с этого времени направились к

портам ливонским: туда же, с другой стороны, обратилась и уцелевшая еще торговая деятельность других городов северо-западной России, чему в особенности благоприятствовал пятидесятилетний мир с Россией… С исхода XV века Нева была покинута и забыта почти всеми; одни только финские и шведские каботажные суда продолжали еще посещать берега ее, уже пустынные, сравнительно с прежним временим; напротив того, в ливонские гавани стремились корабли всех торговых наций Запада»[63].

В целом для истории России уничтожение торговых связей Новгорода, а через 30 лет и Пскова привело фактически к изоляции России на 200 лет от Западной Европы. На западе Россию от Европы отгораживали враждебные Литва и Польша, на юге – Оттоманская империя. С севера западное окно в Европу заколотил сам Иван III, а в начале XVII века шведы лишь заделали щели.

С 1479 по 1483 г. на шведско-новгородской границе царил беспредел. Толпы новгородских беженцев от бояр до смердов хлынули в Выборгский лен, спасаясь от «московитов». У шведов, как уже говорилось, также было безвластие. Поэтому по обе стороны границы объявились ватаги удальцов, промышлявших грабежами на сопредельной стороне. Выборгские фогты (администрация), чтобы исправить ситуацию, организовали несколько карательных экспедиций, которые, однако, вылились в обычный грабеж местного населения.

В 1483 г. на датский престол вступил король Ханс I, который одновременно считался и шведским королем. Однако часть Швеции по-прежнему контролировал клан Стуре. Иван III послал к новому королю дьяка Ивана-Волка Васильевича Курицына[64]. В Стокгольме Курицын и член ригсдага Ивар Тотт подписали перемирие сроком на четыре года. Перемирие было традиционно основано на статьях Ореховецкого мирного договора.

В 1487 г. перемирие продлили еще на пять лет (до 6 ноября 1492 г.). Но уже в 1490 г. в Карелии завязалась необъявленная война, начатая одновременно с обеих сторон местными феодалами. В частности, русские попытались помешать шведам завершить начатое незаконно в 1475 г. возведение новой пограничной крепости на островке в проливе Кюренсальми, между озерами Хапавеси и Пихлаявеси по русскую сторону границы. Но взять крепость не удалось, и русским пришлось отступить. Шведы назвали эту крепость Нюслотт (Новый Замок), позже ее стали называть Нейшлот, затем Олафсборг, а ныне это городок Олавинлинна в Финляндии.

В 1492 г. Иван III велел построить на берегу река Наровы напротив крепости Нарва каменную крепость Иван-город.

В феврале 1493 г. в Новгороде со шведами было подписано перемирие. Тут, правда, возникает вопрос – с какими шведами? Видимо, речь идет о пограничных властях, а не о короле Хансе или правителе Стуре.

В 1493 г. в Нарве был заключен договор о союзе между Иваном III и королем Хансом I, направленный против клана Стуре. Согласно этому договору, в случае восстановления всей полноты власти датских королей в Швеции Дания должна уступить за Швецию все приобретения, сделанные шведскими правителями в результате войн против России, а именно: три округа: Яскис, Саволакс и Эйренпяя; Финскую (Западную) Карелию и Карельский перешеек (Северо-Западное Приладожье). Таким образом, русско-датский договор 1493 г. возвращал Московскому государству всю утерянную с 1323 по 1478 г. территорию, принадлежавшую Новгородской республике.

Король Ханс I вел войну не только со сторонниками Стуре в Швеции, но и с Ганзой. Воспользовавшись этим, жадный Иван III в 1495 г. велел ограбить последних немецких купцов, оставшихся в Новгороде. «Немецкий двор» в Новгороде был ликвидирован, товары и

[63] Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. С. 161.

[64] В 1504 г. дьяк Иван-Волк Курицын был сожжен на костре в Москве как еретик.

имущество купцов увезены в Москву, а немецкие купцы брошены в тюрьмы. Позже их отпустили и выслали в Ливонию, но из имущества, естественно, ничего не вернули.

В сентябре 1496 г. Иван III отправил трех воевод осаждать Выборг, занятый сторонниками клана Стуре. Осада длилась три месяца. Русские вели огонь по крепости из «огромных пушек длиной 24 фута» (около 7,3 м). Однако взять Выборг не удалось, и в конце декабря русское войско сняло осаду.

В следующем году русские войска вторглись в Финляндию в районе Тавастгуса и разгромили шведов. Согласно русским летописям, погибли 7 тысяч шведов вместе с их воеводой.

В июне – августе 1496 г. полки, составленные из устюжан, двинян, онежан и важан, совершили поход в Эстерботнию и Каянскую землю, дошли до Ботнического залива и привели местных жителей в русское подданство.

В том же 1496 г. шведский воевода Свант Стуре с двумя тысячами пехоты приплыл на семидесяти малых гребных судах (бусах) из Стокгольма в устье реки Наровы. Шведы осадили новопостроенную крепость Иван-город. От огня шведских пушек и мортир в крепости возник сильный пожар. Московский воевода князь Юрий Бабич струсил и с частью гарнизона бежал из крепости. Шведы заняли Иван-город и захватили не менее трехсот его защитников.

Свант Стуре предложил Ливонскому ордену занять Иван-город, но получил отказ. Тогда шведы частично разрушили крепость и отплыли назад. Город вновь был занят русскими, которые возвели там новую более мощную крепость с десятью высокими башнями.

Тем временем королю Хансу I удалось у Стокгольма разбить войско Стена Стуре (старшего), занять шведскую столицу и получить от ригсдага шведскую корону.

Таким образом, уния была вновь восстановлена. А вот Иван III остался «с носом». В 1497 г. в Новгороде было подписано перемирие со шведами, произведен размен пленных, но никаких земель, обещанных Хансом I в Нарвском договоре 1493 г. Россия не получила. Единственное, что выторговал Иван III, это согласие шведской стороны вести сношения не прямо с великим князем московским, а только через его наместника в Новгороде. До 1478 г. это было логично, так как Новгород был фактически независим от великих князей владимирских и московских. Но позже это стало препятствием для нормальных отношений между странами, зато тешило азиатское тщеславие московских князей мол, шведский король ниже меня, поскольку он может сноситься лишь с моим слугой.

24 марта 1510 г. в Новгороде было подписано перемирие сроком на 60 лет. Условия его были основаны на Ореховецком мире, с учетом территориальных захватов шведов. Некоторые историки даже называют его продолжением Ореховецкого мира на 60 лет.

Военных действий на границе не велось. Русские были слишком заняты литовскими, казанскими и крымскими делами. А в Швеции до 1523 г. с переменным успехом шла борьба за унию.

В 1521 г. рыцарь Густав Ваза поднял восстание против короля Кристиана II. Датские войска потерпели поражение, и в 1523 г. ригсдаг избрал Густава Вазу королем Швеции. Новый король расторг унию. Вскоре датская аристократия свергла Кристиана II и с датского престола. Новый датский король Фридрик I признал Густава Вазу королем Швеции. На этом Кальмарская уния окончательно прекратила свое существование.

Густав Ваза испытывал крайнюю нужду в денежных средствах и попытался поправить дело за счет церкви. Это привело его к конфликту с епископами и Римом. В Швеции получили свободу проповеди лютеранские священники. Первыми новое вероисповедание приняли горожане Стокгольма – с 1525 г. богослужение стало вестись здесь на шведском языке, год спустя Олаус Петри перевел Евангелие. В 1527 г. на риксдаге в Вестеросе король, поддержанный в первую очередь дворянством, настоял на секуляризации церковного имущества.

Официально реформацию приняли церковные соборы 1536–1537 гг. В 1539 г. было введено новое церковное устройство. Король стал главой церкви. Церковным управлением ведал королевский суперинтендант с правом назначать и смещать духовных лиц и ревизовать церковные учреждения, включая сюда и епископства. Епископы сохранялись, но власть их ограничивалась советами-консисториями.

Реформация способствовала укреплению независимости шведского государства в форме централизованной сословной монархии.

Реформация в Швеции объективно была выгодна России. Во-первых, навсегда исключалась возможность возобновления крестовых походов. Во-вторых, серьезно осложняла заключение союзов с католической Польшей, ну и, наконец, шведам, занятым церковными проблемами, несколько десятилетий было не до войн с Россией.

До 1554 г. шестидесятилетнее перемирие не нарушалось. Четыре раза (в 1513, 1524, 1526 и 1537 гг.) русские и шведские послы съезжались и подтверждали это перемирие.

Глава 2
Ливонская война

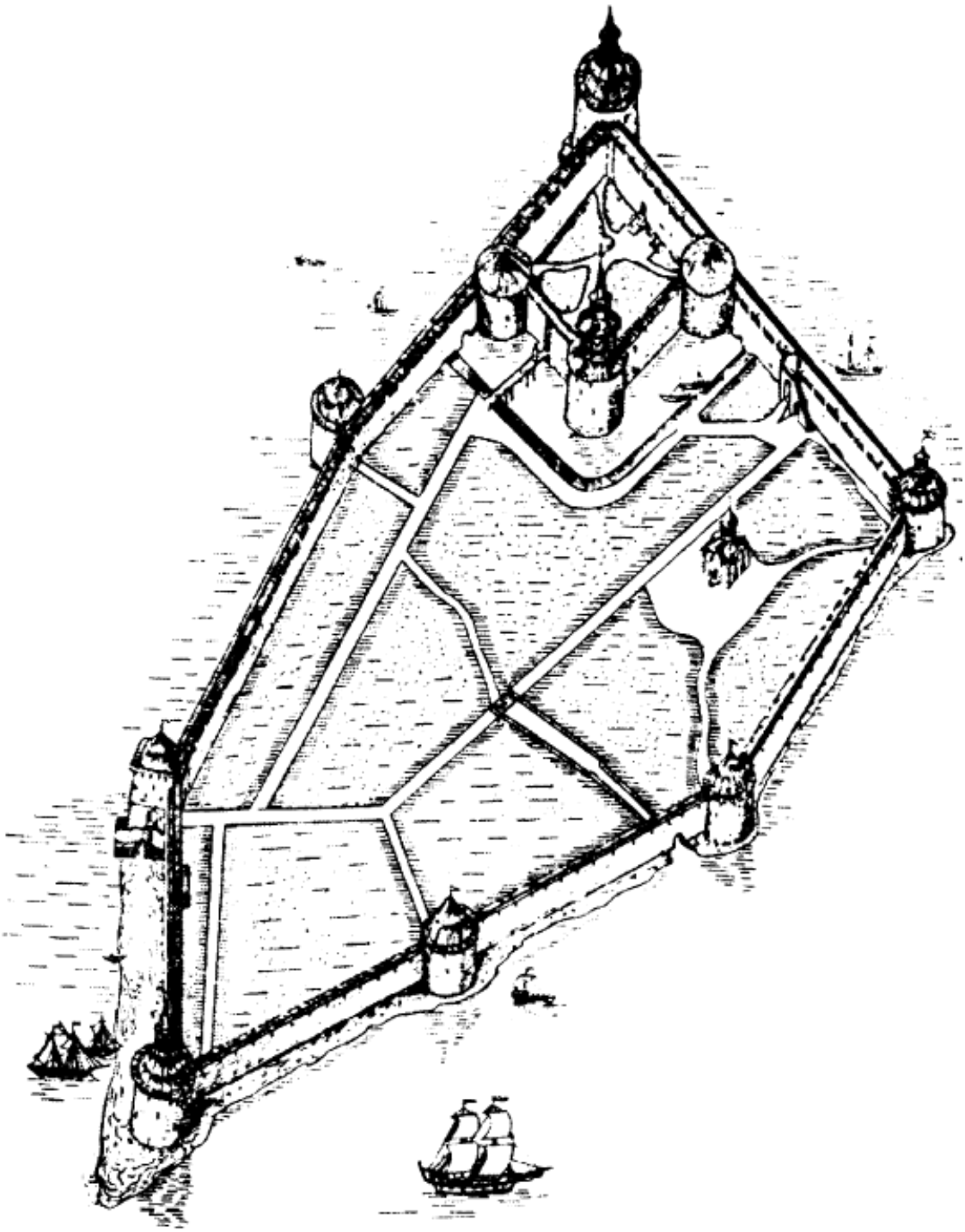
200-летний мир со Швецией сменился серией войн конца XVI в. Первая из них началась в 1554 г. К этому времени возник ряд мелких пограничных конфликтов на Карельском перешейке и в Восточной Карелии. В основном споры касались принадлежности мест рыбных и тюленьих ловищ в приграничных районах. Раньше подобные конфликты быстро улаживались местными властями. Но тут престарелый король Густав Ваза обиделся, что ему приходится сноситься с новгородским наместником, а не с Иваном Грозным.

Началась нелепая война, к которой обе стороны были явно не готовы. Войну начали в апреле 1555 г. шведы, когда флотилия адмирала Якоба Багге прошла Неву и высадила десант в районе Орешка. Однако осада крепости не удалась, и шведы не солоно хлебавши убрались восвояси.

20 января 1556 г. русские войска разбили шведский отряд у Кивинебба и по традиции осадили Выборг. Взять Выборг и на сей раз не удалось, но опять традиционно были разграблены его окрестности и взято в плен множество местных жителей. Русские воины продавали пленного мужчину за гривну, девку – за пять алтын.

Густав Ваза надеялся на помощь Польши и Ливонии, но те уклонились от участия в войне. Пришлось отправлять в Москву королевскую грамоту: «Мы, Густав, божиею милостию свейский, готский и вендский король, челом бью твоему велеможнейшему князю, государю Ивану Васильевичу, о твоей милости». Царь Иван согласился на восстановление статус-кво, но при этом желчно прибавил: «Если же у короля и теперь та же гордость на мысли, что ему с нашими наместниками новгородскими не ссылаться, то он бы к нам и послов не отправлял, потому что старые обычаи порушиться не могут. Если сам король не знает, то купцов своих пусть спросит: новгородские пригородки – Псков, Устюг, чай знают, скольким каждый из них больше Стекольны (Стокгольма)?»

В конце концов новгородский наместник князь Михаил Васильевич Глинский и член риксдага Стен Эриксон Лейонхувед подписали 25 марта (2 апреля) 1557 г. в Новгороде мирный договор сроком на 40 лет. Договор в целом сохранял статус-кво, но ряд мелких статей показывали, кто стал победителем в войне. Так, все пленные русские возвращались шведами вместе с захваченным имуществом, а вот шведские пленные подлежали выкупу у русских.



Общий вид Орешка в XVI в.

Договор со Швецией вступил в силу 1 января 1558 г. В этом же месяце Иван Грозный начал Ливонскую войну. Некоторые историки считают Ливонскую войну политической ошибкой Ивана IV. Н.И. Костомаров, например, усматривал в ней излишнее стремление Ивана Грозного к завоеваниям. Другие, как, например, И.А. Заичкин и И.Н. Почкаев, утверждают, что эта война для России «была поставлена в повестку дня самой историей – выхода к Балтийскому морю требовали ее экономические и военные интересы, а также необходимость культурного обмена с более развитыми странами Запада. Иван Васильевич, следуя по

стопам своего знаменитого деда – Ивана III, решил прорвать блокаду, которой фактически отгородили от Запада Россию враждебные ей Польша, Литва и Ливонский орден»[65].

Ну, как «знаменитый дед» захлопнул окно в Европу, мы уже знаем, но в целом вторая точка зрения представляется автору более справедливой. Другой вопрос, что Иван IV и его советники обладали политической близорукостью. Они не понимали, что ни Швеция, ни Польша не позволят России просто так захватить Ливонию.

В январе 1558 г. 40-тысячная русская армия под командованием касимовского царя (хана) Шиг-Алея, князя М.В. Глинского и боярина Даниила Романовича Захарьина вторглась в Ливонию. Русская армия за месяц прошла по маршруту Мариенбург – Нейгаузен – Дерпт – Везенберг – Нарва. При этом не был взят ни один укрепленный город, но страна изрядно опустошена. В феврале армия вернулась в русские пределы. В районе Пскова, узнав об отправке посла магистра в Москву, Шиг-Алей приказал прекратить военные действия.

В марте 1558 г. экстренный ландтаг Ливонского рыцарства принял решение собрать 60 тысяч марок для уплаты русскому царю дани и тем самым решить дело миром и предотвратить русские репрессии против Ливонии. Однако к маю 1558 г. было собрано лишь 30 тысяч марок. Хуже было то, что гарнизон Нарвы периодически стал открывать огонь по Ивангороду, находившемуся на противоположной стороне реки Нарова. Ивангородские пушкари отвечали, и не без успеха. 11 мая 1558 г. от их огня в Нарве возник сильный пожар. Русские решили воспользоваться оказией и пошли на штурм. После короткого, но кровопролитного боя они овладели крепостью, а гарнизон заперся в цитадели. На следующий день гарнизон сдался с правом свободного выхода.

Русские войска вошли в Ливонию и почти без сопротивления захватили Везенберг, Тольсбург и ряд других замков. Эсты охотно присягали московскому государю. Всем объявлялось, что присягнувшие останутся на местах, при прежних правах «по старине». К воеводам являлись для принятия русского подданства и из других отдаленных волостей.

В конце мая 1558 г. закончилось сосредоточение в Пскове 40-тысячной армии князя П.И. Шуйского с О.И. Троекуровым и А.И. Шеиным. В начале июня русская армия осадила Нейгаузен. Магистр Фирстемберг с двухтысячным орденским войском и тысячным наемным отрядом епископа Дерптского стоял в нескольких переходах, близ Киремпе. 30 июня Нейгаузен сдался. Магистр поспешил отступить к Валку, а епископ ушел в Дерпт.

Захватив замок Варбек при впадении реки Эмбах (Эмайыги) в Чудское озеро, русская армия на рассвете 11 июля стала в виду Дерпта. А через неделю, 18 июля, Дерптская крепость капитулировала перед князем Шуйским. Это было важнейшее приобретение Москвы за всю Ливонскую войну. Падение Дерпта произвело панику в Ливонии. Высылаемые из Нарвы и Дерпта русские отряды без сопротивления овладевали замками. Всего до октября 1558 г. русские взяли 20 крепостей с их волостями, а князь Шуйский писал в Ригу и Ревель, требуя сдаться, и грозил разорить их в случае отказа.

Утвердив условия капитуляции Дерпта, Иван Грозный даровал принявшим русское подданство ливонцам большие льготы, раздавал захваченные земли детям боярским, оставлял гарнизоны в побежденных крепостях, высказывая намерение присоединить эту область к владениям Московского государства. Осенью 1558 г. армия князя Шуйского была распущена.

15 января 1559 г. ливонскую границу перешла русская армия князя Микулинского. Она беспрепятственно прошла до Риги, опустошив полосу в 150 верст. Попытку сопротивления ливонцы проявили только под Тирзеном, но были разбиты и бежали. Взяв 11 крепостей (замков) и не удерживая их за собой, князь Микулинский опустошил оба берега Западной Двины, сжег корабли под Ригой и через месяц закончил погром в Ливонии.

---

[65] Заичкин И.А., Почкаев И.Н. Русская история. С. 295.

В сложившейся ситуации новый магистр ордена Готхард Кетлер обратился за помощью к соседним государствам. 31 августа 1559 г. Кетлер и король Польши и Литвы Сигизмунд II Август заключили в Вильне соглашение о вступлении Ливонии под протекторат Польши. Соглашение было дополнено 15 сентября 1559 г. договором об оказании Польшей и Литвой военной помощи Ливонии. Эти дипломатические акции послужили важным рубежом в ходе и развитии Ливонской войны: война России с Ливонией превратилась в борьбу государств Восточной Европы за ливонское наследство.

В том же 1559 г. ливонское правительство обратилось к сыну шведского короля Густава Вазы, герцогу Иоанну, правителю Финляндии, с просьбой ссудить 200 тысяч рейхсталеров и войско, предлагая в залог несколько земель в Ливонии. Молодой принц, желая расширить свои владения за счет этой страны, был не прочь вступить в переговоры, но его отец посоветовал не ввязываться в это дело, так как тогда придется поссориться не только с Москвой, но и с императором, королями польским и датским, которые все имеют свои притязания к Ливонии.

Густав Ваза, уже битый «московитами», предпочитал сохранять строгий нейтралитет. Когда ревельские суда напали в шведских водах при Биоркэ и Ниланде на лодки русских купцов и овладели ими, перебив людей, то по приказу короля ревельцев арестовали за это в Выборге. Густав Ваза отправил в Финский залив вооруженные суда для обеспечения безопасности русских купцов, о чем дал знать в Москву. Иван Грозный так отвечал ему на это: «Ты писал нам о неправдах колыванских людей (ревельцев) и о своей отписке, которую послал в Колывань: мы твою грамоту выслушали и твое исправленье уразумели. Ты делаешь гораздо, что свое дело исправляешь: Нам твое дело полюбилось, и мы за это твою старость хвалим».

Власти города Ревеля не надеялись на свои силы и обратились к датскому королю Кристиану III с просьбой принять их в свое подданство, так как некогда Эстония и Ревель были под властью Дании. Но и Кристиан III, подобно Густаву Вазе, был старик, приближавшийся к гробу. Он объявил ревельским послам, что не может принять в подданство их страну, потому что не имеет сил защищать ее в таком отдалении и от такого сильного врага. Он взялся только ходатайствовать за них в Москве, назначил послов, но умер, не отправив их.

Послы эти прибыли в Москву уже от имени его наследника, Фредерика II. Король в очень вежливых выражениях просил, чтобы царь запретил своим войскам входить в Эстонию, как принадлежащую Дании. Иван Грозный резонно отвечал: «Мы короля от своей любви не отставим: как ему пригоже быть с нами в союзном приятельстве, так мы его с собою в приятельстве и союзной любви учинить хотим. Тому уже 600 лет, как великий государь русский Георгий Владимирович, называемый Ярославом, взял землю Ливонскую всю и в свое имя поставил город Юрьев, в Риге и Колывани церкви русские и дворы поставил и на всех ливонских людей дани наложил. После, вследствие некоторых невзгод, тайно от наших прародителей взяли было они из королевства Датского двух королевичей. Но наши прародители за то на ливонских людей гнев положили, многих мечу и огню предали, а тех королевичей датских из своей Ливонской земли вон выслали. Так Фредрик король в наш город Колывань не вступался бы». Ай да Грозный, ответил не в бровь, а в глаз, и не только датским послам, но и нашим «демократам», болтающим об агрессии в Прибалтике в 1940 г. и пакте Молотова – Риббентропа.

В конце 1559 г. эзельский епископ Меннигаузен вошел с датским королем Фредериком II в тайные сношения и продал ему свои владения Эзель и Пильтен за 20 тысяч рейхсталеров. Епископ получил деньги и на радостях драпанул с ними в Германию. Новый датский король Фредерик II, обязанный по отцовскому завещанию уступить своему брату Магнусу ряд земель в Голштинии, вместо их отдал ему свою новую покупку, и Магнус весной 1560 г.

явился в Аренбург, где к нему на службу поступило много дворян в надежде, что Дания не оставит его без помощи.

Магистру Кетлеру появление Магнуса в Остзейском крае явно не понравилось. Ведь магистр не получил за Эзель ни одного рейхсталера. Дело чуть не дошло до вооруженного конфликта, но 30 августа 1560 г. русские взяли Феллин, и магистру стало не до Магнуса.

В 1560 г. умер старый шведский король Густав Ваза. Магистрат Ревеля немедленно отправил депутатов к сыну и наследнику, который вступил на престол под именем Эрика XIV. Ревельцы просили денег взаймы. Честолюбивый Эрик отвечал, что «денег он попустому не даст, но если ревельцы захотят отдаться под его покровительство, он не из властолюбия, а из христианской любви и для избежания московского невыносимого соседства готов принять их, утвердить за ними все их прежние права и защищать их всеми средствами».

Ревельцы подумали и в апреле 1561 г. присягнули на верность шведскому королю при условии сохранения всех своих прав. Узнав об этом, магистр Кетлер вступил в переговоры с виленским воеводой Николаем Радзивиллом о присоединении Ливонии к Польше. В итоге в ноябре 1561 г. Ливония с сохранением всех своих прав отошла к Польше, а магистр Кетлер получил Курляндию и Семигалию с титулом герцога и с вассальными обязанностями к Польше.

Ведя войну с Польшей, Иван IV старался сохранить мир со Швецией, ему пришлось закрыть глаза на захват шведами Ревеля. В августе 1561 г. в Новгороде был подписан договор о сохранении перемирия на 20 лет. А вот в договоре, заключенном в сентябре 1564 г., русским пришлось признать территориальные приобретения Эрика XIV. К шведам отошли Колывань (Ревель), Пернов, Пайда и Каркус с их уездами, за Россией же закрепилась Нарва.

По воле короля Эрика XIV отношения с Россией начали улучшаться. 16 февраля 1567 г. шведские послы в Александровской слободе заключили с Россией договор о дружбе, союзе и взаимопомощи. Иван IV наконец согласился, чтобы шведский король сносился непосредственно с Москвой, а не с новгородским наместником. Обе стороны согласились помогать друг другу войсками и деньгами в войне с Польшей.

Шведский генерал Горн взял захваченные поляками города Пернов и Вейсенштейн. Тем временем сильно накалилась обстановка внутри страны. Эрик вступил в конфликт с родным братом Иоанном (Юханом) герцогом Финляндским и большей частью шведской аристократии.

29 сентября 1568 г. в Стокгольме вспыхнуло восстание. Эрик был свергнут с престола, объявлен сумасшедшим и заключен в тюрьму. На престол взошел его брат Иоанн (Юхан III). Новый король был женат на сестре польского короля Сигизмунда II и настроен пропольски. Теперь разрыв с Россией был неизбежен.

В связи с ухудшением политической обстановки в Прибалтике Иван IV решил создать Ливонское королевство. Датский герцог Магнус (Арцимагнус Крестьяновис в русских летописях) принял предложение Ивана Грозного стать его вассалом и в мае 1570 г. был по прибытии в Москву провозглашен «королем Ливонским». Русское правительство обязалось предоставлять новому государству, обосновавшемуся на острове Эзель, свою военную помощь и материальные средства, чтобы оно могло расширить свою территорию за счет шведских и литовско-польских владений в Ливонии.

Союзные отношения между Россией и «королевством» Магнуса стороны намеревались скрепить женитьбой Магнуса на племяннице царя, дочери князя Владимира Андреевича Старицкого – Марии.

Магнус рьяно взялся за создание своего королевства. 21 августа 1570 г. он подошел к Ревелю с 25-тысячным русским войском и большим отрядом из пришлых и туземных немцев. Увещательная грамота, посланная к ревельцам, не подействовала, и Магнус повел осаду.

Вынудить жителей к сдаче города голодом было невозможно, так как шведские корабли снабдили Ревель всем необходимым. Бомбардировка города также ничего не дала. 16 марта 1571 г. Магнус сжег свой лагерь и отступил от Ревеля. Неудачу Магнуса в дальнейшем стали объяснять тем, что датский король Фредерик II не оказал никакой поддержки Магнусу, номинально стоявшему во главе русских войск. Кроме того, Фредерик в самый разгар осады оказал шведам услугу: заключил с ними 13 декабря 1570 г. Шеттинский мир, позволив им тем самым высвободить флот и направить его к осажденному Ревелю.

В конце 1572 г. 80-тысячное русское войско, во главе которого был сам царь, вступило в Эстляндию. Город Вейсенштейн был взят приступом, при котором пал царский любимец Малюта Скуратов-Бельский. Пленные шведы и немцы, по сообщениям ливонских летописцев, были сожжены. Овладевши Вейсенштейном, Иван IV возвратился в Новгород.

Русские же воеводы продолжали военные действия в Эстляндии. Они взяли Нейгоф и Каркус. Но в чистом поле русские войска не могли противостоять хорошо обученной и соблюдавшей «европейский» строй шведской пехоте. У местечка Лоде русские войска потерпели поражение от шведского генерала Клауса Акесона Тотта.

13 июля 1575 г. на реке Сестре у Систербека съехались русские и шведские послы и подписали странное перемирие. Оно касалось лишь русско-шведской границы на Карельском перешейке и в Карелии. Спор же об Эстляндии должен был решиться оружием.

В начале 1576 г. шеститысячный русский отряд вновь вторгся в Эстляндию. Города Леаль, Лоде, Фикель, Габсаль сдались им без выстрела. Жители Габсаля вечером после сдачи затеяли пиры и танцы. Русские удивлялись этому и говорили: «Что за странный народ немцы! Если бы мы, русские, сдали без нужды такой город, то не посмели бы поднять глаз на честного человека, а царь наш не знал бы, какою казнию нас казнить». Эзель был опустошен. Падис сдан после однодневной осады, и шведы тщетно пытались взять его снова.

В январе 1577 г. 50-тысячное русское войско явилось под Ревелем и расположилось здесь пятью лагерями. На этот раз русские располагали довольно приличной осадной артиллерией. Согласно летописи, у них было четыре пушки, стрелявшие каменными ядрами по 225 фунтов, три пушки калибра 55–58 фунтов, шесть пушек от 20 до 30 фунтов и пятнадцать пушек от 12 до 6 фунтов.

Русские в течение полутора месяцев обстреливали Ревель. Чтобы поджечь город, по нему круглосуточно велся огонь раскаленными ядрами. Однако горожане приняли все меры противопожарной защиты. Были удалены все легковоспламеняющиеся предметы, организовано дежурство жителей и т. д. Ревель был хорошо укреплен, а на его стенах орудий было в пять раз больше, чем в русской осадной артиллерии. В итоге русским пришлось снять осаду с города.

1 мая 1576 г. на польский престол вступил (был выбран) князь Трансильвании Стефан Баторий. Стефан был видным полководцем, имел неплохое наемное войско из венгров и немцев и завоевал популярность у воинственно настроенной польской шляхты.

Вскоре Стефан Баторий взял Полоцк, а затем Велиж, Усвят, осадил Великие Луки и в 1581 г. подошел а Пскову. Битва за Псков стала самой яркой страницей Ливонской войны. Баторий привел под Псков 100-тысячное польско-литовское войско. Русские под командованием князя Ивана Петровича Шуйского отбили 31 штурм неприятеля и сами 46 раз совершали смелые вылазки в стан осаждавших. Героическая оборона псковичей спасла Ивана IV от полного поражения. Неудача под Псковом вынудила Стефана Батория пойти на мирные переговоры с царем.

Перемирие на 10 лет было подписано с Польшей и Литвой 5 января 1582 г. в Яме-Запольском при участии посредника от папы римского Антония Поссевино. По этому соглашению Россия уступила Польше всю Ливонию, Полоцк и Велиж на границе Смоленской земли, но сохранила за собой устье Невы.

В августе 1583 г. на мызе в устье реки Плюссы при впадении ее в Нарову был заключен так называемый «Первый Плюсский русско-шведский перемирный договор». Это был скорее не договор, а перемирие.

Второй Плюсский договор был заключен на том же месте 28 декабря 1585 г. Окончательно вопрос о границах решен не был. Договорились лишь о временной границе. Русское государство лишилось всех своих приобретений в Ливонии. За ним оставался лишь узкий участок выхода к Балтийскому морю в Финском заливе от реки Стрелки до реки Сестры (31,5 км). Города Иван-город, Ям, Копорье переходили к шведам вместе с Нарвой (Ругодивом). В Карелии шведам отходила крепость Кексгольм (Карела) вместе с обширным уездом и побережьем Ладожского озера.

В январе 1590 г. многочисленное русское войско двинулось к шведской границе. При войске находился сам царь Федор Иоанович. Воеводами были: в большом полку – князь Федор Мстиславский, занимавший после ссылки отца первое место между боярами; в передовом полку – князь Дмитрий Хворостинин. При царе, в звании дворовых или ближних воевод, находились Борис Годунов и Федор Никитич Романов. Русские войска взяли крепость Ям. Князь Хворостин разгромил у Нарвы двадцатитысячное шведское войско под командованием Густава Банера. Остатки войска были осаждены в Нарве. Хотя противнику и удалось отбить приступ русских к крепости, шведское командование сочло нецелесообразным продолжать войну.

25 февраля 1590 г. в лагере русских под Нарвой шведский фельдмаршал Карл Хенриксон Хорн подписал перемирие сроком на один год. По условиям перемирия шведы возвращали русским крепости Ям, Ивангород и Копорье. Шведы предлагали окончательный мир, но русские основательно мириться без Нарвы не хотели.

Перемирие со шведами не продержалось и девяти месяцев. В ноябре 1590 г. шведы внезапно напали на крепость Иван-город, но были отбиты. В декабре шведские отряды «пожгли села близ Яма и Копорья».

Летом 1591 г. против шведов в Эстляндию была выслана сильная рать, большим полком которой командовал воевода Петр Никитич Шереметев, а передовым полком – князь Владимир Тимофеевич Долгоруков. Шведам удалось разбить передовой полк, сам Долгоруков был взят в плен. Летом того же 1591 г. несколько шведских судов начали грабить берега Белого моря, но получили отпор и ретировались.

В октябре – ноябре 1592 г. русские войска впервые за много лет начали наступление в Финляндии. Они подвергли огню и мечу территорию от Выборга до Або.

В ноябре 1592 г. умер шведский король Юхан III. На престол взошел Сигизмунд III Ваза, который уже был королем Польши с 1587 г.

Русское правительство во избежание долговременной войны со Швецией и Польшей вынуждено было пойти на уступки новому королю. Говоря «правительство», мы подразумеваем Бориса Федоровича Годунова, который постепенно становился фактическим правителем государства. Слабоумный же царь Федор практически не вмешивался в вопросы внешней политики России.

18 (27) мая 1595 г. у мызы Тявзин на реке Нарове, к северу от крепости Нарва, был подписан Тявзинсий мирный договор. Согласно условиям договора:

– Россия уступает Швеции княжество Эстляндское со всеми замками: Нарва, Ревель, Вейсенштейн, Везенберг, Падис, Тольсборг, Нейшлот, Боркгольм, Гапсаль, Лоде, Леаль, Фикал.

– Швеция возвращает России замок Кекскольм (Карелу) с уездом и признает принадлежность Русскому государству Иван-города, Яма, Копорья, Нотебурга, Ладоги. Обязуется не нападать на Псков, Холмогоры, Кольский острог, Сумек (Сум-посад), Каргополь и Соловецкий монастырь.

Тявзинский договор давал определенные гарантии для транзита товаров в Россию и из нее, но лишал Россию возможности стоить флот и порты на Балтике. Так, Выборг и Ревель открывались свободно для русского купечества, а Нарва – для шведского купечества, но не для иностранцев. Торг мог вестись только на нарвской стороне, но не на Ивангородской. Для русских купцов взаимно открывались города Швеции, Финляндии и Эстляндии для торговли в соответствии с существующими пошлинами. Для всех иностранных купцов и судов Нарва должна быть закрыта. Русские не имели права создавать порты в городах Ингерманландии, например в Ниене и Луге.

В целом мир оказался невыгодным для России и был следствием грубых просчетов наших дипломатов. Протестантская Швеция и католическая Польша физически не могли управляться одним монархом. Шведы испугались контрреформации и восстали против короля Сигизмунда III. Во главе восстания стал дядя короля герцог Карл Зюдерманландский (впоследствии король Карл IX). В 1598 г. войско Карла разбило королевскую армию в битве при Стонгебру. В следующем году личная уния с Польшей была официально расторгнута.

Поняв свою ошибку, Годунов отказался ратифицировать Тявзинский договор. Однако иные внешние, а главное, внутренние проблемы не дали возможности Годунову вернуться к вопросу выхода России к берегам Балтийского моря.

Глава 3
Шведская помощь против польской агрессии

Смутное время (1605–1613 гг.) представляет собой один из самых запутанных периодов Российской империи. Эта путаница стала следствием почти четырехсотлетних трудов многих поколений дезинформаторов от дьяков царя Михаила до историков развитого социализма. И тех и других объединяло одно – они безбожно врали, выполняя социальный заказ сильных мира сего. Чего стоит само название главы в советских учебниках истории: «Польско-шведская интервенция и борьба с ней русского народа».

Тема работы не позволяет подробно изложить все аспекты Смутного времени[66]. Поэтому мне приходится схематично изложить ход событий, не касающихся непосредственно русско-шведских отношений.

Клан Романовых-Захарьиных вступил в борьбу за власть с Борисом Годуновыми и проиграл ее. В конце 1600 г. Романовы были разосланы по отдаленным монастырям. Но Романовы и их многочисленная родня продолжают плести интриги против царя. Романовское окружение вместе с монахами Чудова монастыря находят самозванца, который «всклепывает» на себя имя царевича Димитрия, погибшего в 1591 г. в Угличе. Самозванцем становится чернец Чудова монастыря Григорий, в миру Юрий Отрепьев, дворянин, ранее состоявший на службе Романовых.

В 1603 г. Лжедмитрий бежит в Польшу, где приобретает многочисленных сторонников среди польской шляхты. Король Сигизмунд III не желает войны с Россией и отказывает в помощи самозванцу. Но воспрепятствовать шляхте собирать «частную» армию для помощи самозванцу король по польским законом, а точнее по беззаконию, царившему в Польше с конца XVI и до конца XVIII в., не может.

Думаю, тут не лишне привести точку зрения шведа-современника:

«Расчеты Сигизмунда и изгнанников на возвращение при помощь гражданских волнений оказались напрасными, а надежды на переход через Ливонию и Финляндию исчерпали, поскольку Эстляндия была занята вольными гарнизонами в крепостях. В частности, Ревельской и Нарвской, в самой же Ливонии недоставало средств для содержания и прокормления войска, так что не оставалось никакой надежды на захват их, а переплывать море без них было бы неразумно, да если бы кто и пожелал, и невозможно, не имея кораблей и гавани.

При таких условиях, по наущению иезуитов и некоторых шведских изгнанников, принимается при польском дворе иное решение, более серьезное по значению и более крупное по замыслу, такое, что, если бы оно увенчалось успехом, то открыло бы легкий путь для овладения вновь Швецией, а Речи Посполитой дало бы приращение, мир и спокойствие. Считали, что нужно поднять смуту в Московитской империи и раздробить ее на части, чтобы затем, осадив Эстляндию соединенными войсками и захватив проход через Московию в Финляндию, легко подавить шведские силы, пока еще не вполне окрепшие»[67].

Тут Юхан Видекинд смотрит со своей шведской колокольни, но по сути дела он прав. Смуту затеяли бояре Романовы, но главной действующей силой ее стали ляхи.

13 апреля 1605 г. скоропостижно умер царь Борис. Его 16-летний сын Федор не сумел удержать власть и был убит сторонниками самозванца. 20 июня 1605 г. Лжедмитрий торжественно вступил в Москву.

---

[66] Подробнее о Смутном времени рассказано в моих книгах «Путь к трону» (М.: АСТ; Астрель, 2002), «Смутное время. Исторические портреты» (М.: АСТ; Астрель, 2003), «Давний спор славян: Россия, Польша, Литва» (М.: АСТ, 2007).

[67] Видекинд Ю. История шведско-московитской войны XVII века. М.: Памятники исторической мысли, 2000. С. 16–17.

Григорий Отрепьев процарствовал менее года. В ночь с 16 на 17 мая 1606 г. сторонники боярина Василия Шуйского устроили переворот в Москве. Лжедмитрий был убит, его труп сожжен, а пеплом заряжена пушка, из которой выстрелили на запад – в сторону, откуда он пришел. Всего через две недели после переворота Василий Шуйский венчается на царство. По своему происхождению он имел больше прав на престол, чем любой другой Рюрикович. Дело в том, что московские государи Иван III, Василий III и Иван Грозный убивали всех без исключения своих родственников, даже самых отдаленных. И уже к 1606 г. в живых не было ни одного прямого потомка Даниила Московского, младшего сына Александра Невского. Шуйские же происходили от старшего сына Невского и формально имели больше прав на престол, чем московские князья. Однако к началу XVII в. об истории удельных князей на Руси мало кто помнил.

Шуйский, в отличие от Годунова, не избирался Земским собором, а был буквально выкликнут кучкой москвичей. Шуйскому было за 50 лет, ростом был он мал, некрасив, недалековат. Его кандидатура не устраивала десятки тысяч «гулящих людей», воевавших под знаменем Лжедмитрия I, его ненавидела польская шляхта, да ив Москве большинство бояр – Голицыны, Мстиславские, Романовы и другие – были настроены против царя Василия.

Сразу по получении известия о вступлении Шуйского на престол Москве отказались повиноваться почти все юго-западные и южные города от Путивля до Кром, восстала Астрахань.

Осенью на Москву двинулась повстанческая армия под руководством Ивана Болотникова. В большинстве регионов страны начинается гражданская война. Повстанцы действуют против Шуйского именем вновь спасенного Димитрия. Лишь 10 октября 1607 г. войскам Шуйского удалось взять Тулу, где засели остатки войск Болотникова. Сам Болотников был сослан в Каргополь и там утоплен, а бывший с ним самозванец – царевич Петр, подпольный сын царя Федора Иоановича, был повешен.

Однако пока царь Василий осаждал Тулу, в Стародубе-Северском появился новый самозванец – Лжедмитрий II. Личность нового самозванца до сих пор вызывает споры у историков. Но наиболее вероятна версия польских иезуитов, утверждавших, что имя Димитрия принял шкловский еврей Богданко. Романовы, после прихода к власти в 1613 г., точно говорили о еврейском происхождении Лжедмитрия II, а им, как увидим, в данном вопросе стоит верить. Кроме того, есть сведения, что после убийства Лжедмитрия II в его бумагах нашли еврейские письмена и талмуд.

Подобно Гришке Отрепьеву, шкловский самозванец набрал отряды польских телохранителей, малороссийских казаков, к нему присоединились жители юго-западных районов России, и двинулся весной 1608 г. на Москву. Надо отметить, что у обоих Лжедмитриев в войсках не было ни одного солдата регулярной армии польского короля. Мало того, значительная часть польских панов, присоединившихся к Лжедмитрию II, была участниками мятежа против польского короля («Рокоша Забжидовского») и не могла вернуться домой под страхом смертной казни.

В двухдневной битве у Болхова, в районе Орла, царское войско было разгромлено силами Лжедмитрия II. Основной причиной поражения было бездарное руководство главного воеводы князя Дмитрия Ивановича Шуйского, родного брата царя. Взяв Болхов, Лжедмитрий II двинулся на Калугу, а затем решил обогнуть Москву с запада и овладел Можайском, и уже оттуда начал наступление на Москву.

Царь Василий выслал против самозванца новое войско под началом двух воевод: Михаила Скопина-Шуйского и Ивана Никитича Романова. Но на реке Недлань между Подольском и Звенигородом в войске был открыт заговор. Князья Иван Катырев, Юрий Трубецкой, Иван Троекуров и другие решили перейти к самозванцу. Заговорщиков схватили, пытали, знатных разослали в города по тюрьмам, незнатных казнили. Но царь Василий испугался известий о

заговоре и велел войску не принимать сражения и вернуться в Москву. Заметим, что во главе войска стоял Иван Никитич Романов, а главными зачинщиками заговора были его родственники – шурин Иван Троекуров, женатый на Анне Никитичне Романовой, и зять его брата Иван Катарев-Ростовский, женатый на Татьяне Федоровне Романовой.

В начале июня 1608 г. самозванец подошел к Москве, но после сражения на Ходынском поле, кончившегося вничью, не рискнул штурмовать столицу, а остановился в Тушино, между реками Москвой и Сходней. Началось многомесячное противостояние царской рати, расположенной на Пресне и Ходынке, и войск самозванца в Тушине. В связи с этим в Москве самозванцу дали кличку «Тушинский вор». Под этим названием шкловский бродяга и вошел в историю.

Пока самозванец осваивал тушинский лагерь, в Москве Василий Шуйский закончил переговоры с польскими послами. 25 июля 1608 г. было подписано перемирие на четыре года между Россией и Польшей, согласно которому оба государства оставались в прежних границах. Польша и Москва не должны помогать врагам друг друга. Царь обязан отпустить всех поляков, захваченных в мае 1606 г. в Москве. Король должен отозвать из России всех поляков, поддерживающих Лжедмитрия II, и впредь никаким самозванцам не верить и не помогать. Юрию Мнишеку не признавать зятем Лжедмитрия II, дочь за него не выдавать и Марине не называться московской государыней.

Шуйский считал перемирие своей крупной дипломатической победой. И действительно, если бы поляки выполнили все статьи договора, со смутой в России было бы покончено за несколько недель. Но, увы, здесь подтвердилось классическое правило – договоры соблюдаются, лишь когда они подкреплены реальной военной мощью. Поляки обманули Шуйского, они добились освобождения пленных, среди которых было много знатных поляков, и сразу же нарушили все статьи договора.

После освобождения из-под стражи Юрий Мнишек с дочерью вместо Польши поехали в Тушино. В отношении гордости, спеси и чванства польские аристократки могут дать фору любым другим, но ради удовольствия пограбить Россию они готовы отдаться кому угодно и где угодно – и беглому монаху, и шкловскому еврею, а через 200 лет и сыну корсиканского адвоката.

Лжедмитрий II дал «запись» Юрию Мнишеку, что, овладев Москвой, выдаст ему 300 тысяч рублей и отдаст во владение Северное княжество с четырнадцатью городами. Марина немедленно «узнала мужа» и поселилась у него в шатре.

Почти одновременно с Мариной в Тушино съехались родственники Романовых по женской линии князья А. Юрьев, А. Сицкий и Д. Черкасский.

В октябре 1608 г. войска Лжедмитрия II захватили и разграбили Ростов. Согласно официальной истории, ростовский митрополит Филарет Романов был взят в плен. Но пленников казнят, продают за выкуп и, во всяком случае, держат под стражей. Но Тушинский вор возводит Филарета в патриархи. Сбылась мечта Филарета – он стал патриархом, рядом верные родственники Юрьевы, Сицкие и Черкасские. Конечно, Тушино столь же похоже на Москву, как его пархатое величество на православного царя, но, как говорится, «се ля ви».

Итак, Тушино стало второй столицей русского государства. Там были царь с царицей, патриарх и боярская дума, в значительной степени состоявшая из родственников Романовых. Патриарх Филарет рассылал грамоты по городам и весям с требованием подчиняться царю Дмитрию. Начало века, как мы уже говорили, ознаменовалось династическим кризисом в Швеции. Карлу IX удалось короноваться лишь в марте 1607 г. Естественно, что шведам поначалу было совершенно не до российских смут. Но как только обстановка стабилизировалась, шведское правительство обратило свои взоры на Россию. Проанализировав ситуацию, шведы пришли к выводу, что русская смута может иметь два основных сценария. В первом в России будет восстановлена твердая власть, но к Польше отойдут обширные тер-

ритории – Смоленск, Псков, Новгород и др. Не будем забывать, что в то время Польше принадлежала и вся Прибалтика, исключая побережье Финского залива. Во втором случае вся Русь подлежала ополячиванию.

Таким образом, в любом случае Швеции стала бы угрожать серьезная опасность со стороны усилившегося Польского королевства. А ведь весь XVII век Польша для всех шведов, начиная от короля и кончая простолюдинами, была куда более грозным и ненавистным противником, нежели Россия.

Карл IX решает помочь царю Василию. Еще в феврале 1607 г. выборгский наместник писал к карельскому воеводе князю Мосальскому, что король его готов помогать царю и шведские послы давно уже стоят на границе, дожидаясь московских послов для переговоров. Но в это время Шуйский, успев отогнать Болотникова от Москвы, думал, что быстро покончит со своими противниками внутри страны и заключит мир с Польшей.

Недальновидный Василий приказал князю Мосальскому написать в Выборг: «А что пишите о помощи, и я даю вам знать, что великому государю нашему помощи никакой ни от кого не надобно, против всех своих недругов стоять может без вас, и просить помощи ни у кого не станет, кроме бога». Шведам было даже запрещено посылать гонцов с письмами в Москву и Новгород, поскольку «во всем Новгородском уезде моровое поветрие».

Но шведы не унялись, и в течение 1607 г. Карл IX послал четыре грамоты царю Василию с предложением о помощи. На все грамоты царь отвечал вежливым отказом.

Однако к концу 1608 г. ситуация изменилась. Царь Василий был заперт в Москве, как в клетке, и надеяться ему было не на кого[68]. Пришлось хвататься за шведскую соломинку. В Новгород для переговоров был послан царский племянник Скопин-Шуйский, где он встретился с королевским секретарем Моисом Мартензоном. Договор со Швецией был заключен в Выборге 23 февраля 1609 г. стольником Семеном Головиным и членом ригсдага Ераном Бойе. Обе стороны обещали воевать с Польшей до окончательной победы и не заключать сепаратного мира. Шведы должны были послать в Россию наемное войско в составе двух тысяч конницы и трех тысяч пехоты.

Россия оплачивала услуги шведского войска по следующей росписи: Коннице – по 50 тысяч рублей в месяц.

Пехоте – по 35 тысяч рублей в месяц.

Главнокомандующему – 5 тысяч рублей.

Начальнику кавалерии – 4 тысячи рублей.

Начальнику пехоты – 4 тысячи рублей.

Офицерам на всех вместе – 5 тысяч рублей ежемесячно.

По договору наемники подчинялись только своему командованию, а оно, в свою очередь, Михаилу Скопину-Шуйскому.

За шведскую помощь царь Василий Шуйский отказался за себя и детей своих и наследников от прав на Ливонию.

В тот же день (23 февраля 1609 г.) в Выборге был подписан и секретный протокол к договору «Запись об отдаче Швеции в вечное владение российского города Карелы с уездом». Передача должна быть осуществлена только спустя три недели после того, как шведский вспомогательный корпус наемников под командованием Делагарди вступит в Россию и будет на пути к Москве или по крайней мере достигнет Новгорода. Согласие на передачу Карелы шведам будет лично подписано царем и главнокомандующим русскими войсками, то есть Василием Шуйским и М.В. Скопиным-Шуйским.

---

[68] 1 сентября 1608 г. население Пскова открыло ворота тушинскому воеводе Плещееву. Иван-город и Орешек также присягнули Лжедмитрию II. В Новгороде начались волнения черни, стоявшей за Тушинского вора.

Шведы разослали грамоты по пограничным русским городам с требованием быть верными царю Василию. Не могу удержаться и процитирую полностью грамоту каянбургского (улеаборгского) шведского воеводы Исаака Баема к игумену Соловецкого монастыря: «Вы так часто меняете великих князей, что литовские люди вам всем головы разобьют. Они хотят искоренить греческую веру, перебить всех русаков и покорить себе всю Русскую землю. Как вам не стыдно, что вы слушаете всякий бред и берете себе в государи всякого негодяя, какого вам приведут литовцы!»

Весной 1609 г. шведское войско подошло к Новгороду. Отряд шведов под командованием Горна и отряд русских под командованием Чоглокова 25 апреля наголову разбили большой отряд тушинского воеводы Кернозицкого, состоявший из запорожцев. В течение нескольких дней от тушинцев были очищены Торопец, Торжок, Порхов и Орешек. Скопин-Шуйский направил большой отряд под начальством Мещерского под Псков, но тот не смог взять город и отступил.

10 мая 1609 г. Скопин-Шуйский с русско-шведским войском двинулся из Новгорода к Москве. В Торжке Скопин соединился со смоленским ополчением.

Под Тверью произошла битва между войском Скопина и польско-тушинским войском пана Зборовского. В ходе сражения поляки на обоих флангах смяли русских, но центр польского войска обратился в бегство, и лишь «пробежавши несколько миль, возвратилось обратно». В центре боя шведская пехота не отступила ни на шаг до наступления темноты, а затем в полном порядке отошла к обозу. На рассвете следующего дня русские и шведы атаковали противника и нанесли ему сокрушительное поражение.

Скопин двинулся вперед, но вдруг в 130 верстах от Москвы шведские наемники отказались идти далее под предлогом, что вместо платы за четыре месяца им дали только за два, что русские не очищают Карелы, хотя уже прошло одиннадцать условных недель после вступления шведов в Россию. Скопин, послав уговаривать Далагарди вернуться, сам перешел Волгу под Городнею, чтобы соединиться с ополчениями северных городов, и по левому берегу достиг Калязина, где и остановился.

Соловецкий монастырь прислал царю 17 тысяч серебряных рублей, еще большую сумму прислали с Урала Строгановы, небольшие взносы поступили из Перми и других городов. Царь Василий вынужден был поспешить выполнить статьи Выборгского договора и послал в Карелу приказ очистить этот город для шведов.

Русские отряды из войска Скопина заняли Переславль-Залесский. Другие войска, верные Шуйскому, без боя вошли в Муром и штурмом взяли Касимов.

Вступление шведских войск в русские пределы дало повод Сигизмунду III начать войну против России. 19 сентября 1609 г. коронное войско Льва Сапеги подошло к Смоленску. Через несколько дней туда прибыл и сам король. Всего под Смоленском собралось регулярных польских войск: 5 тысяч пехоты и 12 тысяч конницы. Кроме того, было около 10 тысяч малороссийских казаков и неопределенное число литовских татар. Читатель помнит, что с 1605 г. русские воевали только с «частными» армиями польских феодалов.

Перейдя границу, Сигизмунд отправил в Москву складную грамоту, а в Смоленск – универсал, в котором говорилось, что Сигизмунд идет навести порядок в русском государстве по просьбе «многих из больших, маленьких и средних людей Московского государства», и что он, Сигизмунд, больше всех радеет о сохранении «православной русской веры». Разумеется, королю не поверили ни в Смоленске, ни в Москве.

К концу 1609 г. власть в Тушино окончательно перешла к клике польских панов под руководством некого Ружинского, объявившего себя гетманом. Тушинский царек и Марина Мнишек стали уже не марионетками, а пленниками. В Тушино из-под Смоленска король отправляет посольство во главе со Станиславом Станицким с предложением тушинским полякам присоединиться к королевскому войску. В конце декабря начинаются переговоры

Станицкого с Ружинским и Филаретом. Сам же Лжедмитрий II в это время сидит под караулом в своей избе, называемой дворцом. Наконец, 27 декабря самозванец упрашивает Ружинского рассказать, о чем идут переговоры с королевскими послами. Пьяный гетман ответил: «А тебе что за дело, зачем комиссары [послы] приехали ко мне? Черт знает, кто ты таков? Довольно мы пролили за тебя крови, а пользы не видим». Беседа закончилась, когда Ружинский пригрозил убить палкой Тушинского вора. В эту же ночь самозванец бежал, переодевшись в крестьянскую одежду и забравшись на дно телеги, груженной дровами.

Вскоре Тушинский вор объявился в Калуге. К нему стали стекаться отряды казаков, как из Тушина, так и из других районов. 11 февраля в Калугу к самозванцу бежала и его любимая супруга Марина в гусарском платье и с несколькими сотнями казаков.

Тушинский лагерь распадался, но тушинский «патриарх» и «бояре» по-прежнему изображали из себя правительство. 9 января 1610 г. они посылают под Смоленск своих послов к королю. Тушинцы предлагают Сигизмунду встречный план, по которому на русский престол садится не он сам, а его сын – 15-летний Владислав. Разумеется, ближайшими советниками царя Владислава должны стать Филарет и тушинские «бояре». Грамота тушинцев к королю впечатляла: «Мы, Филарет патриарх московский и всея Руси, и архиепископы, и епископы и весь освященный собор, слыша его королевского величества о святой нашей православной вере раденье и о христианском освобождении подвиг, бога молим и челом бьем. А мы, бояре, окольничие и т. д., его королевской милости челом бьем и на преславном Московском государстве его королевское величество и его потомство милостивыми государями видеть хотим…» Врать, так врать. Куда там Геббельсу против Филарета Никитича. Филарет – патриарх, в Тушино – «освященный собор», Сигизмунд – радетель православия.

Польский король еще до похода на Москву прославился свирепыми расправами над православными, жившими на территории Речи Посполитой. Польские пушки громили Смоленск. Сигизмунд твердо решил стать царем Руси сам и искоренить православие. Но из тактических соображений решил временно согласиться на передачу московского престола сыну. 4 февраля под Смоленском тушинцы подписали договор о передаче власти королевичу Владиславу. Однако король не послал помощь тушинцам. Поэтому в начале марта 1610 г. пан Ружинский поджег тушинский городок и двинулся к Волоколамску навстречу Сигизмунду. Немногие из русских тушинцев последовали за ним, большая же часть поехала с повинной в Москву или в Калугу.

А Скопин тем временем все торговался со шведами в Александровской слободе. Несмотря на сопротивление жителей, Карела была сдана шведам. Мало того, царь Василий должен был обязаться: «Наше царское величество вам, любительному государю Каролусу королю, за вашу любовь, дружбу, вспоможение и протори, которые вам учинились и вперед учинятся, полное воздаяние воздадим, чего вы у нашего царского величества по достоинству ни попросите: города, или земли, или уезда». Шведы утихомирились и двинулись со Скопиным вперед. 12 марта 1610 г. Скопин и Делагарди торжественно въехали в Москву.

23 апреля князь Скопин-Шуйский на крестинах у князя Ивана Михайловича Воротынского занемог кровотечением из носа и после двухнедельной болезни умер. Пошел общий слух об отраве. Современники подозревали в отравлении царского брата Дмитрия Шуйского. Царь Василий был стар и бездетен, его наследником считал себя его брат Дмитрий. Удачливый Михаил Скопин-Шуйский стал его конкурентом.

Смерть Скопина стала тяжелым ударом для царя Василия. Вдобавок царь совершил непростительную и последнюю глупость – назначил командовать войском вместо Скопина бездарного Дмитрия Шуйского. 40-тысячное русское войско вместе с 8-тысячным отрядом Делагарди двинулось на выручку Смоленска. В ночь с 23 на 24 июня 1610 г. польское войско под командованием гетмана Жолкевского атаковало рать Шуйского у деревни Клушино. Поначалу сражение шло с переменным успехом. Но в середине дня немцы, составлявшие

значительную часть шведского наемного войска, перешли на сторону поляков. Шведские военачальники Делагарди и Горн собрали меньшую часть наемников (этнических шведов) и ушли на север к своей границе. Русское войско бежало.

Дмитрий Шуйский возвратился в Москву «со срамом».

Измену наемников летописец приписывает также Дмитрию Шуйскому: «Немецкие люди просили денег, а он стал откладывать под предлогом, что денег нет, тогда как деньги были. Немецкие люди начали сердиться и послали под Царево-Займище сказать Жолкевскому, чтоб шел не мешкая, а они с ним биться не станут».

В самой Москве против царя Василия возникает заговор. Формально руководителями его становятся честолюбивый Гедеминович Василий Голицын, сам метивший в цари, пропольски настроенный боярин Иван Салтыков и неутомимый участник всех заговоров смутного времени рязанский дворянин Захар Ляпунов. На самом же деле все нити заговора тянутся к Филарету Романову. Не знаю, как его и назвать летом 1610 г. – вроде с патриархов его никто не снимал, царское наказание ему не назначалось, но с другой стороны, рядом с Романовским домом были Патриаршие палаты, где сидел патриарх Гермоген.

17 июля 1610 г. Василия Шуйского заговорщики согнали с престола. То есть ни революции, ни даже бунта не было. Просто толпа заговорщиков явилась в Кремль и выгнала Шуйского из царского дворца. Шуйскому пришлось перебраться в собственный дом. Однако патриарх Гермоген не поддержал заговорщиков, против выступила и часть стрельцов. Тогда, 19 июля тот же Захар Ляпунов с толпой заговорщиков ворвался в дом Шуйского, и над стариком совершили обряд пострижения в монахи. Причем монашеские обеты произносил заговорщик князь Тюфякин, а сам Шуйский орал, что отказывается, и отчаянно сопротивлялся. Кстати, патриарх Гермоген не признал такого насильственного пострижения и назвал монахом князя Тюфякина, а не Шуйского. Но, увы, мнение законного патриарха уже не имело значения. Василий Шуйский был заточен в Чудовом монастыре, а затем передан вместе с братьями полякам. По приказу короля Василия с братьями несколько месяцев содержали в тюрьме, а затем тайно убили.

После свержения Шуйского реальная, а точнее, хоть какая-то власть оказалась в руках нескольких московских бояр. Но эта власть распространялась в основном на Москву.

27 августа жители Москвы по наущению бояр целуют крест королевичу Владиславу. Ночью с 20 на 21 сентября польское войско по сговору с боярами тихо вошло в Москву.

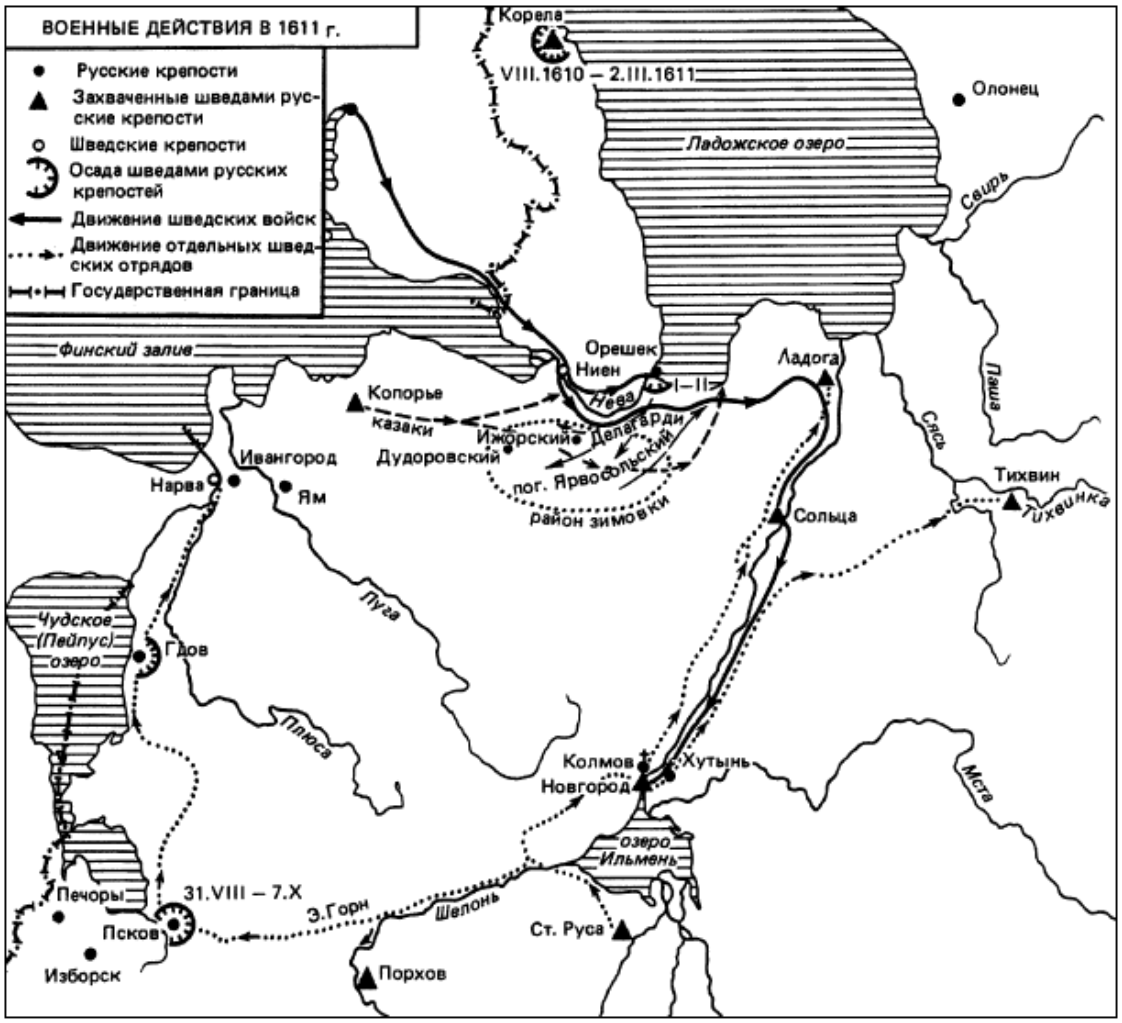
Так Москва оказалась во власти поляков, также поляки заняли Можайск, Верею и Борисов для обеспечения своих коммуникаций. В большинстве регионов царила анархия. Какие-то города целовали крест Владиславу, какие-то – Тушинскому вору, а большинство местностей жили сами по себе.

11 декабря 1610 г. на охоте татарская охрана убила Тушинского вора. Предполагают, что начальник татарской стражи Петр Урусов был подкуплен поляками. Через несколько дней после смерти Тушинского вора Марина Мнишек родила сына Ивана, но это уже не смогло предотвратить развал войска самозванца. Угроза Лжедмитрия II, из-за которой многие города целовали крест царевичу Владиславу, миновала. С другой стороны, король Сигизмунд и не думал присылать Владислава в Москву, а твердо заявил московским властям о намерении самому сесть на престол. А это, как говорится, две большие разницы. Одно дело иметь на престоле 15-летнего юношу, который по соглашению с Жолкевским должен был принять православие. И совсем другое дело – стать подданными католика Сигизмунда, который оставался бы и польским королем, то есть фактически произошло бы поглощение Польшей России.

Глава 4
Как шведы-союзники стали оккупантами

Между тем шведы, убежавшие из-под Клушина, и новые отряды, прибывшие из Выборга, попытались захватить северные русские крепости Ладогу и Орешек, но были отбиты их гарнизонами. Шведы контролировали только город Карелу. Кроме того, им удалось захватить участки побережья на Баренцевом и Белом морях, включая Колу. В марте 1611 г. войска Делагарди подошли к Новгороду и стали в семи верстах у Хутынского монастыря. Делагарди послал спросить у новгородцев, друзья они или враги шведам и хотят ли соблюдать Выборгский договор. Новгородцы ответили, что это не их дело, что все зависит от будущего государя московского.

Узнав, что земля встала против Владислава, Москва выжжена поляками, которые осаждены первым земским ополчением Ляпунова, шведский король отправил грамоту предводителям ополчения. В ней предписывалось не выбирать в цари представителей иностранных династий (он, естественно, имел в виду поляков), а выбрать кого-либо из своих. В ответ на это приехавший в Новгород от Ляпунова воевода Василий Иванович Бутурлин предложил Делагарди съезд, на котором объявил, что вся земля просит шведского короля дать на Московское государство одного из сыновей. Переговоры затянулись, так как шведы, подобно полякам, требовали прежде всего денег и городов. А между тем в Новгороде происходили явления, которые давали Делагарди надежду легко овладеть им. По шведским данным, сам Бутурлин, ненавидевший поляков и подружившийся с Делагарди еще в Москве, дал ему теперь совет занять Новгород. По русским данным, между Бутурлиным и воеводой князем Иваном Никитичем Одоевским Большим было несогласие, мешавшее последнему принять деятельные меры для безопасности города. Бутурлин общался со шведами, торговые люди возили к ним всякие товары, и когда Делагарди перешел Волхов и стал у Колмовского монастыря, то Бутурлин продолжал контачить с ним и здесь. В довершение всего, между ратными и посадскими людьми не было единогласия.



Боевые действия в 1611 г.

8 июля 1611 г. Делагарди попытался взять Новгород штурмом, но понес большие потери и вынужден был отступить. К шведам попал в плен Иван Шваль – холоп дворянина Лухотина. Шваль знал, что город плохо охраняется, и обещал провести туда шведов. И действительно, в ночь на 16 июля холоп провел шведов через Чудинцовские ворота так, что никто этого не заметил. О присутствии шведов в городе стало известно только тогда, когда они напали на сторожей. Первое сопротивление шведы встретили на площади, где находился Бутурлин со своим отрядом. Но сопротивление это было непродолжительным – вскоре Бутурлин отступил за стены города, а его казаки и стрельцы ограбили все встретившиеся им на пути лавки и дворы под тем предлогом, чтоб добро не досталось шведам. Было еще сильное, но бесполезное сопротивление в двух местах. Стрелецкий голова Василий Гаютин, дьяк Анфиноген Голенищев, Василий Орлов и казачий атаман Тимофей Шаров с отрядом из сорока казаков решились защищаться до последнего. Шведы уговаривали их сдаться, но они предпочли погибнуть за православную веру. Софийский протопоп Аммос заперся на своем дворе с несколькими новгородцами, они долго отбивались от шведов, перебив многих из них. Аммос был в это время под запрещением у митрополита Исидора. Митрополит служил молебен на городской стене, видел подвиг Аммоса, заочно простил и благословил его. Шведы, озлобленные сопротивлением, подожгли двор протопопа, и он погиб в пламени со своими товарищами: ни один не отдался живой в руки шведам.

Это были последние защитники Новгорода. Митрополит Исидор и князь Одоевский, видя, что ратных людей нет в городе, послали договариваться с Делагарди. Первым условием

была присяга новгородцев шведскому королевичу. Делагарди, со своей стороны, обязался не разорять Новгород и был пущен в кремль. До прибытия королевича новгородцы должны были повиноваться Делагарди.

В находившемся рядом Пскове царило безвластие. Но, как говорится, свято место пусто не бывает. 23 марта 1611 г. в Иван-городе появился вор Сидорка, назвавшийся царевичем Димитрием (Лжедмитрий III). Самозванец рассказал горожанам, что он якобы не был убит в Калуге, а «чудесно спасся» от смерти. В Иван-городе на радостях три дня звонили в колокола и палили из пушек.

Лжедмитрий III вступил в переговоры со шведским комендантом Нарвы Филиппом Шедингом. Когда шведский король узнал из донесения Шединга о явлении спасенного Димитрия, то направил в Ивангород своего посла Петрея, в свое время бывшего в Москве и видевшего Лжедмитрия I. Прибыв в Иван-город, Петрей увидел перед собой явного проходимца, после чего шведы прекратили всякие контакты с ним.

8 июля 1611 г. самозванец явился у стен Пскова. На выручку Пскову шведы направили отряд Горна. Лжедмитрий III испугался и отступил к Гдову. Горн отправил укрепившемуся в Гдове Лжедмитрию послание, где писал, что не считает его настоящим царем, но так как его «признают уже многие», то шведский король дает ему удел во владение, а за это пусть он откажется от своих притязаний в пользу шведского королевича, которого русские люди хотят видеть своим царем. Самозванец отказался, его войска сделали вылазку из Гдова и прорвались в Иван-город.

3 июня 1611 г. пал Смоленск. Теперь у короля были развязаны руки, но из-за нехватки денег и ряда других причин Сигизмунд не спешил к Москве.

Первое ополчение не сумело даже организовать полную блокаду Москвы. Отдельные польские отряды прорывались в Москву и из нее. Подвоз продовольствия осажденным полякам хоть и с перебоями, но все-таки шел. В Москве интервенты захватили огромное количество пороха и мощную артиллерию. В результате получилась не правильная осада, а скорее стоянка ополчения под Москвой. Ляпунов попытался организовать нечто вроде временного правительства в лагере ополчения. Управление регионами осуществлялось посредством рассылки грамот от имени «бояр и воевод, и думного дворянина Прокопия Ляпунова». Причем имена бояр не указывались. Самым «родовитым» из этого правительства был князь Трубецкой, получивший боярство в Тушине.

Однако и такое правительство не устраивало казаков. В соперничество с Ляпуновым вступает казачий атаман Иван Заруцкий.

30 июня казаки Заруцкого вызвали в свой круг Прокопия Ляпунова и предъявили ему поддельное письмо антиказачьего содержания. Ляпунов посмотрел на грамоту и сказал: «Рука похожа на мою, только не я писал». Но казакам был нужен лишь повод, и через секунду Ляпунов лежал мертвый под казачьими саблями.

Через несколько дней казаки устроили новую провокацию. В стан ополчения была доставлена икона Казанской Богоматери. Духовенство и все служилые люди пошли пешком навстречу иконе, а Заруцкий с казаками выехали верхом. Казакам не понравилось, зачем служилые люди захотели отличиться благочестием, и начали издеваться над ними. Дело кончилось убийством нескольких десятков человек, среди которых были дворяне и стольники. После всего этого большинство служилых людей покинуло лагерь ополчения. Под Москвой остались казаки и немногочисленные дворяне, в основном те, кто служил Лжедмитрию II в Тушине и Калуге.

Теперь первое ополчение фактически превратилось в банду разбойников. Чтобы придать ему хоть какую-то легитимность, вожди ополчения лихорадочно стали искать претендента на престол, за «справедливое» дело которого они-де воюют. Младенец Иван, сын Марины Мнишек, явно не проходил по возрасту. В итоге 2 марта 1612 г. казачий круг про-

возгласил государем псковского самозванца. Заруцкий и Трубецкой вместе со всем ополчением целовали крест «Псковскому вору».

Опять на Руси было безвластие, опять русские люди должны были выбирать между плохим и очень плохим, то есть между воровскими казаками Заруцкого и ненавистником православия Сигизмундом.

4 декабря 1611 г. Лжедмитрий III торжественно въехал в Псков, где немедленно был «оглашен» царем. Но, увы, его «царствование» продолжалось недолго. В Пскове возник заговор против самозванца. 18 мая 1612 г. Лжедмитрий III бежал из города, но через два дня был пойман и в цепях доставлен в Псков. 1 июля его повезли в Москву. По дороге на конвой напали казаки пана Лисовского. Псковичи убили «вора» и кинулись бежать.

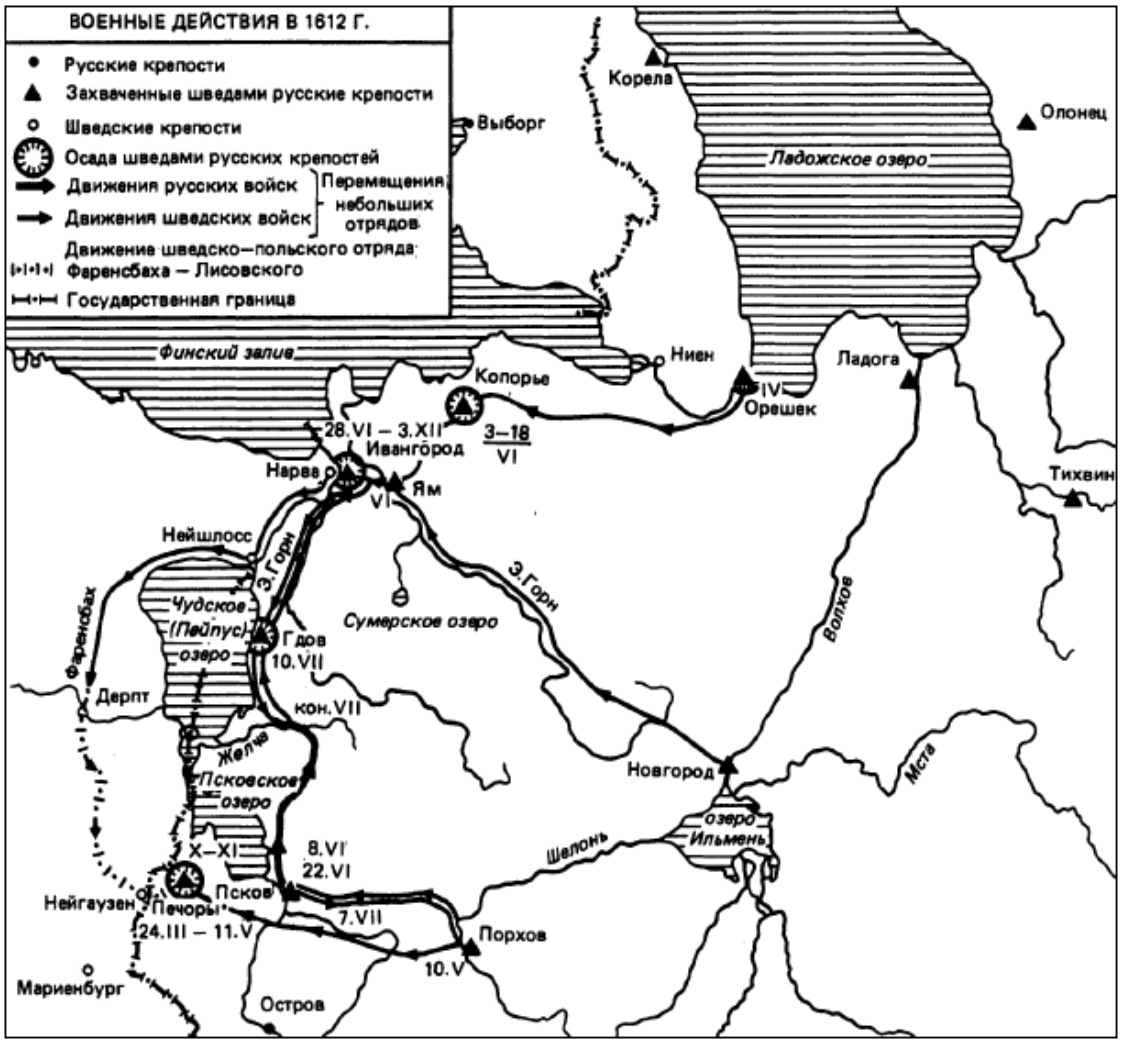
Но вернемся к событиям в Новгороде. 27 августа 1611 г. к шведскому королю Карлу из Новгорода были отправлены послы, но вручать грамоты им пришлось уже новому королю Густаву II Адольфу, так как 29 октября Карл IX умер.

В феврале 1612 г. на сейме в городе Нючёпинг Густав II Адольф заявил новгородским послам, что сам он только новгородским царем быть не желает, а хочет быть общерусским царем, а в случае невозможности этого предпочитает отторжение от России части ее территории и присоединение ее постоянно к Шведскому королевству. Что же касается кандидатуры принца Карла-Филиппа, то в случае прибытия за ним представительного новгородского посольства он отпустит его для занятия новгородского и, возможно, московского престола.

Между тем шведы, где силой, где посулами, к середине 1612 г. овладели городами Орешек, Ладога, Тихвин, а также Сумским острогом на Белом море.

В это время в Нижнем Новгороде Кузьма Минин и Дмитрий Пожарский сформировали второе ополчение. В отличие от первого ополчение это были не казацкие воровские отряды, а регулярное войско, состоявшее из дворян и служилых людей. Поход второго ополчения и взятие им Москвы хорошо известны каждому читателю. Автору же остается лишь обратить внимание на ряд неоспоримых фактов, которые тем не менее до сих пор замалчивались.

Дореволюционные и советские историки существенно исказили образ Дмитрия Михайловича Пожарского (1578–1642). Делалось это с разными целями, а результат получился один. Из Пожарского сделали незнатного дворянина, храброго и талантливого воеводу, но слабого политика, начисто лишенного честолюбия. Вообще этакого исправного служаку-бессеребренника – совершил подвиг, откланялся и отошел в сторону. Реальный же князь Пожарский ничего не имел общего с таким персонажем.



Боевые действия в 1612 г.

К началу XVI в. князья Пожарские по богатству существенно уступали Романовым, но по знатности рода ни Романовы, ни Годуновы не годились им в подметки.

Родословная Пожарских идет по мужской линии от великого князя Всеволода Большое Гнездо (1154–1212). И ни у одного историка не было и тени сомнения в истинности ее. В 1238 г. великий князь Ярослав Всеволодович дал в удел своему брату Ивану Всеволодовичу город Стародуб на Клязьме с областью. Стародубское княжество граничило с Нижегородским, Владимирским и Московским княжествами. Князья Пожарские держались на своем уделе до 1566 г., а затем попали в опалу и на 35 лет исчезли с политической арены.

Второе ополчение было готово к походу уже в январе 1612 г. А подошло к Москве лишь 18 августа. По Владимирскому тракту от Москвы до Нижнего Новгорода 400 км. Войско могло пройти их за две недели, ну, в крайнем случае, за месяц. Чем же объяснить восьмимесячный крутой путь второго ополчения?

Дело в том, что Пожарский и Минин меньше всего хотели соединения с казаками Трубецкого и Заруцкого. Заняв Ярославль, Пожарский и Минин думали создать там временную столицу Русского государства, собрать там Земской собор, на котором выбрать царя. А пока в Ярославле было создано «земское» правительство, которым фактически руководил князь Пожарский. В Ярославле появились приказы (нечто типа министерств) – Поместный приказ, Монастырский приказ и др. В Ярославле был устроен Денежный двор и началась чеканка монеты. Земское правительство вступило в переговоры с зарубежными странами. Ярослав-

ское правительство учредило и новый государственный герб, на котором был изображен лев. На большой дворцовой печати были изображены два льва, стоящие на задних лапах. При желании введение нового герба можно объяснить тем, что все самозванцы выступали под знаменами с двуглавым орлом, гербом русского государства еще со времен Ивана III. Но с другой стороны, новый государственный герб был уж очень похож на герб князя Пожарского, где были изображены два рыкающих льва. Да и сам Пожарский теперь именовался «Воевода и князь Дмитрий Михайлович Пожарсково-Стародубский». Надо ли гадать, кто бы был избран на Земском соборе в Ярославле?

Князь Пожарский был не только выдающимся полководцем, но и мудрым политиком. У него не хватало войска, чтобы воевать одновременно с поляками и шведами. Поэтому с последними он затеял сложную дипломатическую игру. В мае 1612 г. из Ярославля в Новгород был отправлен посол «земского» правительства Степан Татищев с грамотами к новгородскому митрополиту Исидору, князю Одоевскому и командующему шведскими войсками Делагарди. У митрополита и Одоевского правительство спрашивало, как у них положено со шведами. К Делагарди правительство писало, что если король шведский даст брата своего на государство и окрестит его в православную христианскую веру, то они рады быть с новгородцами в одном совете.

Одоевский и Делагарди отпустили Татищева с ответом, что вскоре пришлют в Ярославль своих послов. Вернувшись в Ярославль, Татищев объявил, что от «шведов добра ждать нечего». Переговоры со шведами о кандидате Карла-Филиппа в московские цари стали для Пожарского и Минина поводом к созыву Земского собора.

В июле приехали в Ярославль обещанные послы: игумен Вяжицкого монастыря Геннадий, князь Федор Оболенский и из всех пятин из дворян и из посадских людей – по человеку. 26 июля новгородцы предстали перед Пожарским. Они заявили, что «королевич теперь в дороге и скоро будет в Новгороде». Речь послов закончилась предложением «быть с нами в любви и соединении под рукою одного государя».

Лишь теперь Пожарский решил раскрыть свои карты. В суровой речи он напомнил послам, что такое Новгород и что такое Москва. Избирать же иностранных принцев в государи опасно. «Уже мы в этом искусились, чтоб и шведский король не сделал с нами также как польский», – сказал Пожарский. Тем не менее Пожарский пошел на явный разрыв со шведами и велел отправить в Новгород нового посла Перфилия Секерина. Надо отметить, что на переговорах «тянули резину» как Пожарский, так и Густав-Адольф. Обе стороны считали, что время работает на них.

Однако планы Пожарского и Минина в отношении Земского собора и избрания царя в Ярославле были сорваны походом польских войск во главе с гетманом Ходкевичем к Москве. Узнав о походе Ходкевича, многие казачьи атаманы из подмосковного лагеря писали слезные грамоты к Пожарскому с просьбой о помощи.

С аналогичной просьбой к Пожарскому обратились монахи Троице-Сергиева монастыря. В Ярославль срочно выехал келарь Авраамий Палицын, который долго уговаривал Пожарского и Минина.

Из двух зол пришлось выбирать меньшее, и рати Пожарского пошли на Москву. 24 октября поляки в Москве были вынуждены капитулировать. Вместе с поляками из Кремля вышли несколько десятков бояр, сидевших с ними в осаде. Среди них были Федор Иванович Мстиславский, Иван Михайлович Воротынский, Иван Никитич Романов и его племянник Михаил Федорович с матерью Марфой. Эти люди привели поляков в Москву и целовали крест королевичу Владиславу, но сейчас они не только не каялись, а наоборот, решили управлять государством.

В начале ноября 1612 г. Минин, Пожарский и Трубецкой разослали десятки грамот во все концы страны с известием о созыве Земского собора в Москве.

Боярин Федор Мстиславский начал агитировать за избрание на престол шведского королевича. Но иностранца уже никто не хотел: ни Пожарский с земцами, ни казаки, ни сторонники Романовых. В итоге «боярин Мстиславский со товарищи» был вынужден покинуть Москву.

Как дореволюционные, так и советские историки утверждают, что Дмитрий Пожарский стоял в стороне от избирательной кампании начала 1613 г. Тем не менее уже после воцарения Михаила Пожарского обвинили, что он истратил 20 тысяч рублей, «докупаясь государства». Справедливость обвинения сейчас уже нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть. Но трудно предположить, что лучший русский полководец и серьезный политик мог безразлично относиться к выдвижению шведского королевича или шестнадцатилетнего мальчишки, да еще из семейства, которое с 1600 г. участвовало во всех интригах и поддерживало всех самозванцев. Не нужно было иметь семи пядей во лбу, чтобы понять, что самым оптимальным выходом из смуты было бы избрание государем славного воеводы, освободившего Москву и вдобавок прямого Рюриковича. Мог ли с ним конкурировать шестнадцатилетний придурок, в жилах которого не было ни одной капли крови Рюриковичей или Гедеминовичей? А кого смущает слово «придурок», пусть почитает речи и грамоты Михаила за 1613 год.

Однако против Пожарского сплотились все – и московские бояре, отсиживавшиеся в Кремле с поляками, и Трубецкой, и казаки. Серьезной ошибкой Пожарского был фактический роспуск дворянских полков второго ополчения. Часть дворянской рати ушла на запад воевать с королем, а большая часть разъехалась по своим вотчинам. Причина – голод, царивший в Москве зимой 1612/13 г. Известны случаи даже смерти от голода дворян-ополченцев. Зато в Москве и Подмосковье остались толпы казаков, по разным сведениям их было от 10 до 40 тысяч. Причем казаков не донских, не запорожских, а местных – московских, костромских, брянских и т. д. Это были бывшие простые крестьяне, холопы, посадские люди. Возвращаться к прежним занятиям они не желали. Да за годы смуты они отвыкли работать, а жили разбоем и пожалованиями самозванцев. Пожарского и его дворянскую рать они люто ненавидели. Приход к власти Пожарского или даже шведского королевича для местных казаков был бы катастрофой. Например, донские казаки могли получить обильное царское жалование и с песнями уйти в свои станицы. А местным или, как их называли, воровским казакам куда идти? Да и наследили они изрядно – не было города или деревни, где бы воровские казаки не грабили бы, не насиловали, не убивали.

Могли ли воровские казаки остаться безучастными к избранию царя?

С установлением сильной власти уже не удастся грабить, а придется отвечать за содеянное. Поэтому пропаганда сторонников Романовых была для казаков поистине благой вестью. Ведь это свои люди, с которыми подавляющее большинство казаков неоднократно общались в Тушине. Как мог Михаил Романов укорить казаков за преступления на службе Тушинского вора? Да вместе же служили вору, и выполняли приказы твоего папаши – тушинского патриарха и твоих родственников – тушинских бояр.

Пятьсот вооруженных казаков, сломав двери, ворвались к Крутицкому митрополиту Ионе, исполнявшему в то время обязанности местоблюстителя патриарха, – «Дай нам, митрополит, царя!» Дворец Пожарского и Трубецкого был окружен сотнями казаков. Фактически в феврале 1613 г. произошел государственный переворот – воровские казаки силой поставили царем Михаила Романова. Разумеется, в последующие 300 лет правления Романовых любые документы о «февральской революции 1613 года» тщательно изымались и уничтожались, а взамен придумывались сусальные сказочки.

Русские самодержцы были вольны уничтожать свои архивы и насиловать своих историков. Но существуют и архивы других государств. Вот, к примеру, протоколы допроса стольника Ивана Чепчугова и дворян Н. Пушкина и Ф. Дурова, попавших в 1614 г. в плен к шведам. Пленников допрашивали каждого в отдельности, поочередно, и их рассказы о

казацком перевороте совпали между собой во всех деталях: «Казаки и чернь не отходили от Кремля, пока дума и земские чины в тот же день не присягнули Михаилу Романову».

Подобное говорили и дворяне, попавшие в плен к полякам. Польский канцлер Лев Сапега прямо заявил пленному Филарету Романову: «Посадили сына твоего на Московское государство одни казаки».

13 апреля 1613 г. шведский разведчик доносил из Москвы, что казаки избрали Михаила Романова против воли бояр, принудив Пожарского и Трубецкого дать согласие после осады их дворов. Французский капитан Жак Маржерот, служивший в России со времен Годунова, в 1613 г. в письме к английскому королю Якову I подчеркивал, что казаки выбрали «этого ребенка», чтобы манипулировать им.

Карл IX умер, а в июне 1613 г. преемник его Густав-Адольф прислал в Новгород грамоту, в которой извещал об отправке своего брата Карла-Филиппа в Выборг, куда должны явиться уполномоченные от Новгорода и от всего Российского государства. Действительно, 9 июля 1613 г. в Выборг приехал принц Карл-Филипп. Но к нему прибыло лишь худое новгородское посольство во главе с архимандритом Киприаном. Принц уяснил ситуацию и уехал обратно в Стокгольм. Тогда король Густав сменил тактику. Новый командующий шведским войском в Новгороде фельдмаршал Еверт Горн (Делагарди незадолго до этого уехал в Швецию) в январе 1614 г. предложил новгородцам присягнуть шведскому королю, так как королевич Филипп отказался от русского престола.

Между тем в сентябре 1613 г. из Москвы к Новгороду было отправлено войско под началом князя Д.Т. Трубецкого. Оно дошло лишь до Бронниц, где было остановлено шведами. Царь Михаил разрешил войску отступить. При отходе войско понесло большие потери.

Король Густав-Адольф сам явился в русских пределах и осенью 1614 г. после двух приступов овладел Гдовом. Но затем король возвратился в Швецию с намерением начать военные действия в будущем году с осады Пскова, если до тех пор русские не согласятся на выгодный для Швеции мир. И король действительно хотел этого мира, не видя никакой выгоды для Швеции делать новые завоевания в России и даже удерживать все прежние захваченные земли. Он не желал удерживать Новгород, нерасположение жителей которого к шведскому подданству он хорошо знал:

«Этот гордый народ, – писал он о русских, – питает закоренелую ненависть ко всем чуждым народам». Делагарди получил от короля Густава приказ: если русские будут осиливать, то бросить Новгород, разорив его.

«Я гораздо больше забочусь, – писал король, – о вас и о наших добрых солдатах, чем о новгородцах». Причины, побудившие шведское правительство к миру с Москвой, высказаны в письме канцлера Оксенштирна к Горну: «Король польский без крайней необходимости не откажется от прав своих на шведский престол, а наш государь не может заключить мира, прежде чем Сигизмунд признает его королем шведским: следовательно, с Польшею нечего надеяться крепкого мира или перемирия. Вести же войну в одно время и с Польшею и с Москвою не только неразумно, но и просто невозможно, во-первых, по причине могущества этих врагов, если они соединятся вместе, во-вторых, по причине датчанина, который постоянно на нашей шее. Итак, по моему мнению, надобно стараться всеми силами, чтоб заключить мир, дружбу и союз с Москвою на выгодных условиях».

30 июля 1615 г. Густав-Адольф осадил Псков, где воеводами были боярин Василий Петрович Морозов и Федор Бутурлин. У короля было 16-тысячное войско, в котором находились и русские казаки. Первая стычка с осажденными кончилась для шведов большой неудачей – они потеряли Еверта Горна в числе убитых. 15 августа шведы подошли к Варламским воротам и, совершив богослужение, начали копать рвы, ставить туры, плетни, дворы и малые городки, а подальше устроили большой деревянный город, где находилась ставка

самого короля. Всего городков шведы построили более десяти и навели два моста через Великую реку. Три дня с трех сторон шведы бомбардировали город. Только каленых ядер они пустили 700 штук, а простых чугунных – числа нет, но Псков не сдавался. 9 октября шведы пошли на приступ, но он не удался.

Шведы вынуждены были пойти на переговоры. Русские также были слишком слабы, чтобы вести наступательные действия. Переговоры затянулись – за годы Смутного времени накопилось много проблем и вопросов. Перемирие было подписано 6 декабря 1615 г., а мирный договор – лишь 27 февраля 1617 г. в селе Столбово на реке Сясь на 54-километре от ее впадения в Ладожское озеро.

Посредником в Столбовских переговорах выступил английский посол сэр Джон Уильям Меррик. Согласно условиям Столбовского мира, стороны должны:

– Все ссоры, происшедшие между двумя государствами от Тявзинского до Столбовского мира, предать вечному забвению.

– Новгород, Старую Руссу, Порхов, Ладогу, Гдов с уездами, а также Сумерскую волость (то есть район озера Самро, ныне Сланцевский район Ленинградской области) и все, что шведский король захватил во время Смутного времени, вернуть России.

– Бывшие русские владения в Ингрии (Ижорской земле), а именно Иван-город, Ям, Копорье, а также все Поневье и Орешек с уездом, переходят в шведское обладание. Шведско-русская граница проходит у Ладоги. Всем желающим выехать из этих районов в Россию дается две недели.

– Северо-западное Приладожье с городом Карела (Кексгольм) с уездом остается навечно в шведском владении.

– Россия выплачивает Швеции контрибуцию: 20 тысяч рублей серебряной монетой. (Деньги заняты московским правительством в Лондонском банке и переведены в Стокгольм.)

Очищая занятые русские земли, шведы увозили все, что «плохо лежало». И это не авторское преувеличение. В конце XX века у финского острова Мулан было найдено шведское транспортное судно этого периода. На нем аквалангисты обнаружили русские церковные колокола, различную утварь и даже… большое количество кирпичей. Видимо, хозяйственные шведы разобрали монастырские постройки[69].

Столбовский мир, бесспорно, был тяжек для России. Но, по мнению автора, недопустимо ставить на одну доску Швецию и Польшу, как это делали советские историки, говоря о «польско-шведской интервенции». Можно ли равнять бандита с большой дороги, поджегшего дом с целью грабежа, и недобросовестного пожарного, не сумевшего затушить пламя и позаимствовавшего кой-чего на пожаре? (Кстати, говорят, что у наших пожарных под защитной одеждой для известных целей пришиты большие карманы.) Со времен Ореховецкого мира шведы были не прочь завладеть тем, что плохо лежит, но даже не строили планов по захвату больших русских территорий. Совсем иное дело была Польша. Западный сосед был опасен не столько своей агрессивностью, сколько непредсказуемостью королевской власти, а особенно магнатов с их «частными армиями».

[69] Смирнов А. Рассказы затонувших кораблей. С. 85.

Глава 5
Как царь Алексей хотел украсть лавры у своего сына и что из этого вышло

В 1618 г., то есть через год с небольшим после заключения Столбовского мира, в центре Европы началась тридцатилетняя война. На одной стороне воевали германский император, католические князья Германии и Италии, с другой на различных этапах войны воевали Чехия, Дания, Франция, Швеция, Англия, Голландия и другие государства. В первый, так называемый датский период войны (1618–1629) Швеция не вела особо активных действий, но в 1621–1625 гг. сумела выкинуть поляков из Лифляндии. Особенно ценным было приобретение города и порта Риги.

В 1631 г. шведская армия под командованием короля Густава-Адольфа высадилась в Померании и одержала ряд побед над войсками германского императора. В годы тридцатилетней войны Россия фактически кормила Швецию дешевым зерном, что неоднократно вызывало возмущение в северных городах России.

В 1648 г. был подписан Вестфальский мир, положивший конец тридцатилетней войне. По этому миру Швеция получила Западную Померанию и город Штеттин с частью Восточной Померании, а также остров Рюген, город Сисмар, архиепископство Бремен и епископство Форден. Таким образом, почти все устья судоходных рек в Северной Германии оказались под ее контролем. Балтийское море фактически превратилось в шведское озеро.

Воссоединение Московской Руси и Малой Руси в 1653 г. привело к войне с Польшей. Русские войска заняли Минск, Гродно, Вильно (с 1939 г. – Вильнюс) и вышли к Бресту.

В конце 1655 г. шведские войска вторглись в пределы Речи Посполитой и заняли Познань, Краков и Варшаву. Польский король Ян-Казимир бежал в Силезию. Литовский гетман Януш Радзивилл перешел на сторону шведского короля Карла X Густава. Кстати, Радзивилл был протестант. Принимая под свою руку Радзивилла и других литовских панов, Карл обещал возвратить им все владения, занятые русскими. Русские и шведские войска вскоре вошли в соприкосновение, и начались споры за обладание различными населенными пунктами (Друей, Дрисой, Ковно и др.).

Царь Алексей Михайлович, которого отечественные историки почему-то именуют Тишайшим, на самом деле был очень тщеславным человеком. К тому же в то время царь был под жесткой опекой фантастически честолюбивого и властного патриарха Никона. Царь Алексей уже считал себя властителем Волыни, Подолии, всей Белой Руси и всего Великого княжества Литовского. Мало того, царь и патриарх всерьез думали о присоединении и остальных земель Речи Посполитой.

Карл X Густав предложил царю поделить Речь Посполитую. Это было почти идеальное предложение для России, даже если бы большая часть бывших польских земель досталась шведам. В любом случае, России потребовалось не менее 20–40 лет, чтобы переварить даже небольшие территории, побывавшие под властью Речи Посполитой. А вот шведы бы гарантированно подавились польским пирогом, благо, польское панство – еще та публика!

Увы, рассудок покинул царя, и он предъявил шведам заведомо невыполнимые требования.

17 мая 1656 г. под звон московских колоколов царь Алексей Михайлович объявил войну шведскому королю Карлу X Густаву. Русский корпус под началом стольника Петра Ивановича Потемкина двинулся для занятия берегов Финского залива. На помощь Потемкину был направлен отряд донских казаков. При отправке казаков патриарха Никона занесло – он благословил казаков не более не менее, как идти морем к Стокгольму и захватить его.

Всего у Потемкина было 1000 ратников и 570 донских казаков. В начале июня 1656 г. гребные суда Потемкина подошли к Орешку, но взять его не смогли. Тогда воевода двинулся вниз по Неве и захватил крепость Ниен.

«В продолжение лета Потемкин с частью своего отряда успел сделать и морской поиск: 22 июля ходил он "с ратными людьми, судами на море, и у Котлина острова с немецкими [шведскими] людьми был бой, и милостию Божиею… у Котлина полукорабль [галеру] взял и немецких людей побил, и языка поймал начального человека, капитана Ирека Далсфира, 8 человек солдат и наряд [пушки] и знамена поимели, а на Котлинском острове латышане деревни высекли и выжгли"»[70].

Около тысячи олонецких ратников и 170 новгородских стрельцов двинулись вдоль северного берега Ладожского озера к шведской крепости Кексгольму (Кареле). Командовал ими олонецкий воевода Петр Михайлович Пушкин, предок Александра Сергеевича.

3 июля 1656 г. Пушкин подошел к Кексгольму и потребовал его сдачи. Но комендант Олоф Бенгтсон, надеявшийся на приход подкреплений из Выборга, отказался сдать крепость. Тогда в тот же вечер русское войско попыталось взять крепость штурмом, но шведский гарнизон орудийным и ружейным огнем отбил атаку.

Шведский воевода Христофор Бурмейстер с 350 конниками и 9 батальонами пехоты попытался деблокировать Кексгольм. 18 (29) июля 1656 г. на подходе к крепости в густом тумане Бурмейстер был атакован русскими.

Бурмейстер донес о полной победе над русскими, но дело обстояло явно иначе, поскольку Пушкин снял осаду только в ночь на 26 сентября и отступил в русские пределы.

Сам царь Алексей торжественно въехал в Полоцк и 15 июля выступил с полками против шведов в Ливонию. В ночь на 31 июля 3400 русских ратников пошли на штурм крепости Динабург (с 1893 г. Двинск, с 1917 г. Даугавпилс). К утру крепость и цитадель оказались в руках русских. Гарнизон крепости был почти полностью истреблен. Царь немедленно велел построить в Динабурге церковь Св. Бориса и Глеба и город назвать Борисоглебовом.

Затем русские войска взяли Кокенгаузен. Этот старинный русский город Кукейнос был переименован в «Царевичев Дмитриев город». О нем царь писал сестрам: «Крепок безмерно, ров глубокий, меньшой брат нашему кремлевскому рву, а крепостию сын Смоленску граду; ей, чрез меру крепок. А побито наших 67 да ранено 430».

23 августа русское войско под началом самого царя Алексея осадило Ригу. 1 сентября шесть мощных осадных батарей открыли по городу стрельбу, которая не прекращалась даже по ночам.

2 октября рижский губернатор граф Магнус Делагарди сделал вылазку и нанес большой урон осаждающим. Эта вылазка, шайки крестьян, нападавшие на русских фуражиров, и слухи о подходе большого шведского войска с самим Карлом X Густавом во главе заставили царя снять осаду Риги и отступить в Полоцк. Дерпт сдался русским, но этим и кончились приобретения в Ливонии.

Любопытный факт: в 1656 г. шведский король Карл X Густав вступил в переписку с … Богданом Хмельницким. К этому времени король потерял надежду овладеть всей Польшей и теперь намеревался отхватить от нее небольшой кусок, а русских не пускать за Березину. За труды Хмельницкий должен был стать независимым правителем Украины. Богдан Хмельницкий с большой охотой вступил в переговоры со шведами, но не делал никаких враждебных движений по отношению к русским войскам. Одновременно в письмах к царю он называл себя «верным подданным». Неизвестно, чем мог бы закончиться флирт Богдана и Карла, но 27 июля 1657 г. знаменитого гетмана не стало. Итак, Богдан вовремя помер и обеспечил себе славу борца за единение русского и украинского народов, а о переписке с

[70] Шарымов А.М. Предыстория Санкт-Петербурга. 1703 год. С. 184.

Карлом царские и советские историки забыли, разумеется, по рассеянности. Немедленно в казацкой верхушке началась борьба за гетманскую булаву, и им стало не до шведов.

В кампанию 1657 г. шведские войска отбросили русских от Риги до Динабурга. Русские потеряли свыше 8 тысяч человек убитыми и до 6 тысяч пленными. Была потеряна вся осадная артиллерия. Пришлось бросить и около 800 транспортных судов на Северной Двине. Царь Алексей приказал вывести все войска из Прибалтики.

21 июля 1658 г. в Москве было подписано предварительное перемирие со Швецией. 21 октября 1658 г. в деревне Валиесари севернее истока реки Наровы стороны подписали трехлетнее перемирие. По условиям перемирия за Россией временно, до заключения мирного договора, оставались завоеванные в последней войне следующие города Лифляндии: Кокенгаузен, Нейгаузен (Вастеселинна), Юрьев (Тарту), Мариенбор (Алуксне), Анзль (Антела), Сыренск (Васкинарва), деревня Яма на левом берегу реки Наровы, Динабург (Даугавпилс), Режица (Резекне), Лютин (Лудзу) и Марнауз (Улех). Русские не должны были пытаться возвращать себе уступленные ранее шведам города Ижорской земли: Ивангород, Ям, Копорье, Ниеншанц, Орешек, Карелу.

Тем временем русские войска буквально увязли в войне в Малороссии. А шведы грозили начать новую войну в союзе с Польшей и Австрийской империей. В такой ситуации Алексей Михайлович был вынужден пойти на серьезные уступки.

21 июня 1661 г. на мызе Кярун (в русских источника – Кардис) был заключен Кардисский мирный договор, по которому Россия уступала Швеции все свои завоевания в Прибалтике. Граница между Россией и Швецией была установлена по Чудскому озеру и реке Нарове. Россия по-прежнему оставалась отрезанной от Балтийского моря.

Глава 6
Приневье под властью шведов

В середине XV в. устье Невы принадлежало богатому новгородцу Тимофею Грузову, а деревни выше по течению Невы, в том числе и устье реки Охты, – Олферию Ивановичу Офанасову. Оба являлись дальними родственниками – их общим предком был новгородский посадник Федор Тимофеевич (1385–1421).

Любопытна грамота, отправленная магистром Нарвы Ревельскому магистрату, от 2 июля 1426 г. Там упомянуто об иске «русского Савы с Васильева острова, живущего на Неве», к ливонцу Курту Баренховету. Ливонец взял у Савы серебро, но не отдал ему оговоренного количества соли, а бежал из Нарвы[71].

Это первое упоминание о Васильевском острове на территории нынешнего Санкт-Петербурга. Кто был Василием, в честь которого назвали остров, неизвестно, но, в любом случае, он был русским.

Иван III отнял владения у большинства богатых новгородцев и уже к 1489 г. «волость на реке Неве у моря» была пожалована какому-то «Одинцу со товарищи», а две деревни Олферия переданы какому-то служилому князю Андрею Александровичу.

К 1500 г. сельцо недалеко от впадения Охты в Неву состояло из 18 дворов. Как писал П.Е. Сорокин: «Только четыре двора в нем населяли пашенные люди, занимавшиеся земледелием. Это были: “Сменко, да Федко Офонасовы, Ивашко да Родионко Демеховы, Федко Дмитров, сын его Ондреянко, Семен Васильев…” Они сеяли “ржи двенадцать коробей”.

[71] Там же. С. 127.

План-схема расположения поселений XV–XVI вв. на Кулзенском мысу по берегам рек Невы и Охты

Сенокосы жителей сельца находились на значительном удалении – "на море на острову на Сундую", где на четырех обжах земли[72] скашивали "двесте копен" сена. Но основную часть жителей сельца составляли поземщики – непашенные люди, занимавшие 14 дворов. Все они также носили русские имена: Бориско Палкин, Петрок Лукьянов, Степанко Юркин, Федка Микулин, Ивашко Обросимов, Палка Плешаков, Грихно Филипов, Матвейко Петров, Михаил Белава, Дмитров сын, Грихно Кузьмин, Ивашко Лукин, да Ивашко Фомин, Оверкейко Родивонов, Васюк Нестеров, Федко Костков. Жители сельца платили земельный налог – "позем", составлявший три гривны, и еще одну гривну ключнику»[73].

Прошу прощения за длинную цитату, но из нее более чем очевидно, люди какой национальности проживали в то время «на брегах Невы». Что же касается ижоры и других соседей русских, то они к середине XV века почти поголовно приняли православие и сильно обрусели.

К началу 20-х гг. XVI в. в устье Охты уже находился какой-то русский торговый городок. В донесении Выборгского губернатора Ролова Матсона тогдашнему шведско-датскому королю Христиану II от 21 января 1521 г. имеются сведения о нападении морских разбойников на русский торговый город Ниен.

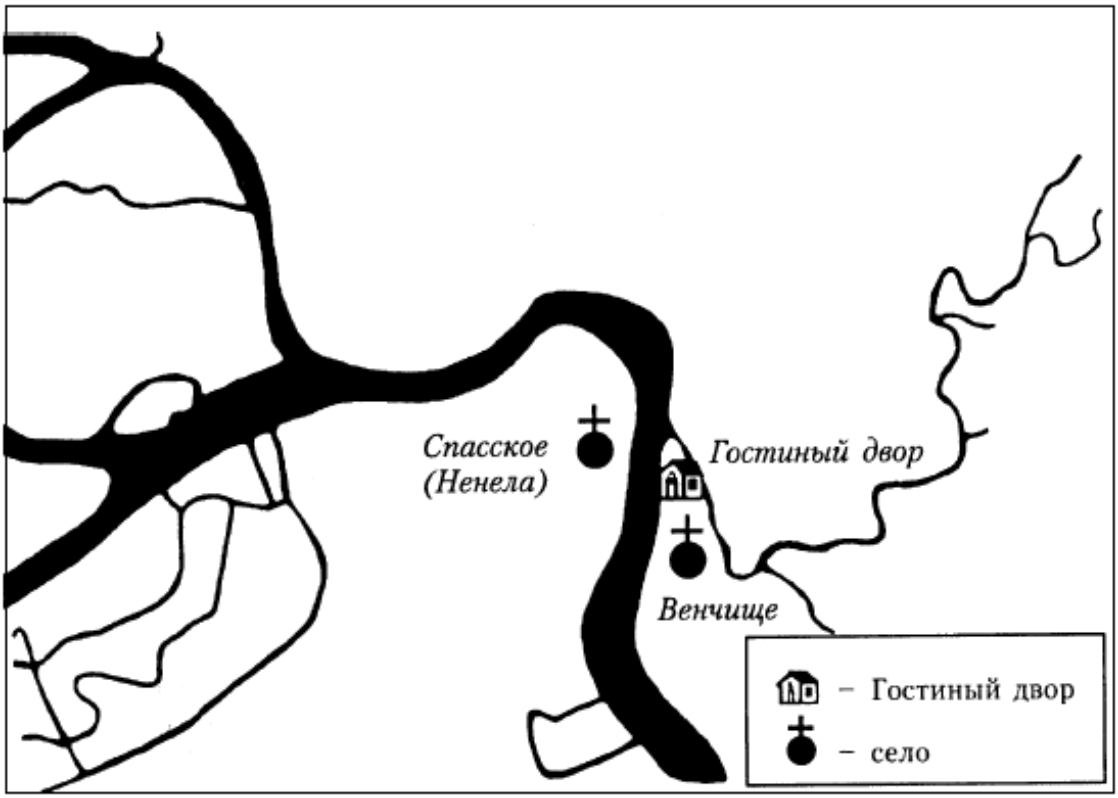
В нем сообщалось следующее: «…вблизи России явился корабль с несколькими яхтами к одному городу, называемому Ниэном, который они (морские разбойники) ограбили

[72] Обжа – участок земли, вспахиваемый одним человеком на лошади за один день.

[73] Сорокин П.Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб.: Литера, 2001. С. 25.

и сожгли; и взяли у русских все, что им попалось под руку. И прибыло несколько человек, подданных Вашего Величества, живущих в Выборгской губернии, в море на островах, и жаловались мне, что они взяли и разграбили у них суда и имущество, которое эти бедные люди имели при себе, когда плыли в Ниэн и из Ниэна за припасами; и выбросили несколько человек за борт, а потом пустили по ветру суда этих бедняков. Узнав об этом, снарядил я свои яхты, и посадил на них людей Вашего Величества. Они вступили в бой с двумя лодками, отнятыми у русских и у других купцов. На судах было найдено много добра, имущество, захваченное ими у подданных Вашего Величества, рожь, соль и прочее, купленное ими для своего продовольствия. На судах было 14 человек, которые и производили этот разбой. Они теперь содержатся здесь у меня с судами и с имуществом. Кроме того здесь находится посол Великого князя (Василия Ивановича) и требует, чтобы я возвратил русским их собственность, найденную на судах и похищенную у них неприятелем. Люди же Вашей милости шли на смерть, чтобы отбить у неприятелей упомянутое имущество…»[74]

Возможно, этот город назывался Венчище. В этом названии отразилось воспоминание о разрушенной шведской крепости Ландскорона (Венец края). Сто лет, с 1500 г. по 1600 г., основными землевладельцами этой территории были четыре поколения московских помещиков – детей боярских Хорошевых. Имя землевладельцев запечатлено в финском названии охтенского мыса – Хорованиеми.



Низовья Невы на рубеже XVI–XVII вв. Реконструкция А.А. Селина

Во второй половине XVI в. началось запустение приневских земель, ставшее следствием войн, опричных грабежей, наводнений, неурожаев и непомерных податей, что было засвидетельствовано в специальных Обыскных книгах. В книге, составленной в 1573 г., говорилось, что во владениях («боярщине») Ивана Хорошева в устье Охты многие земли

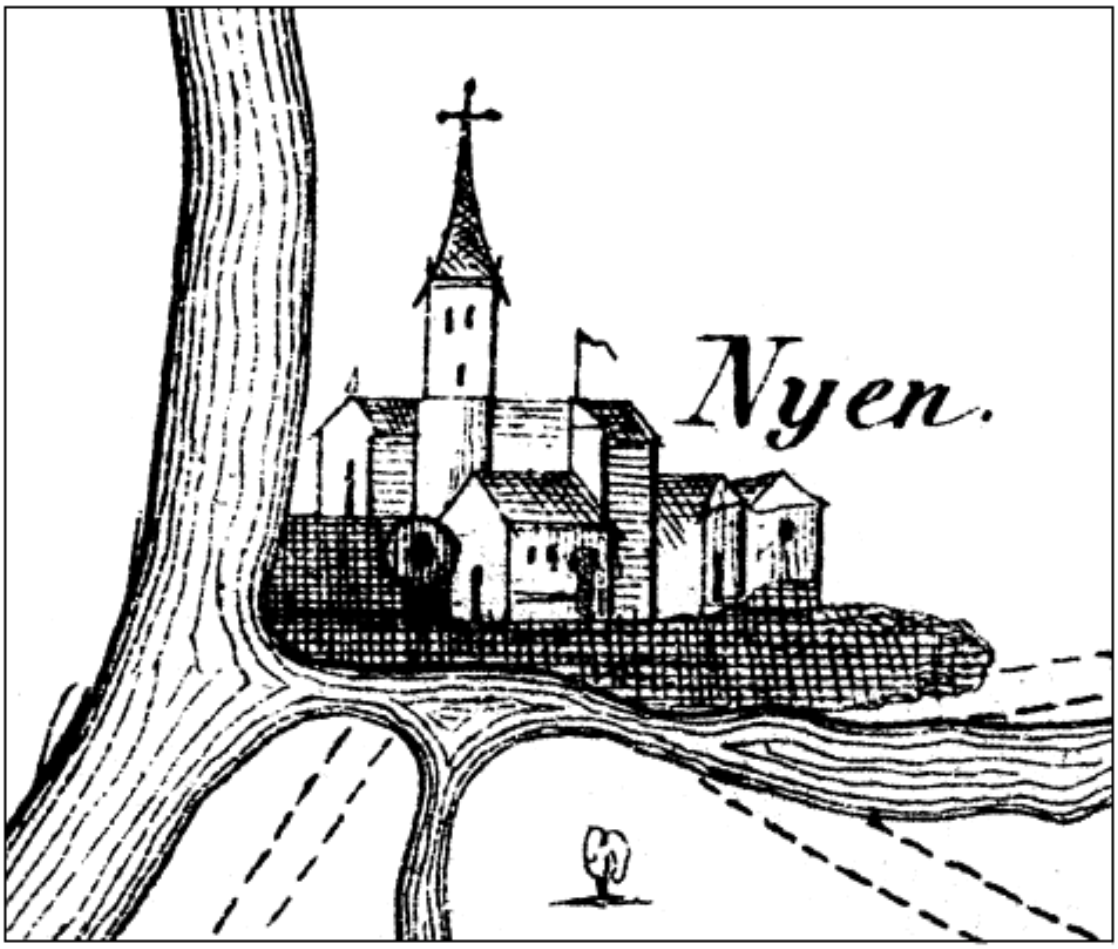
[74] Там же. С. 28–29.

запустели, и причин тому было много: в 1566 г. – «от государевых податей», в 1567–1568 гг. – «от свейских немец от войны», в 1570 г. – «от опричного правежу Темеша Бастанова».

Согласно Столбовскому миру, в русских землях, отходящих к шведам, монахи, дворяне, дети боярские и горожане могли в течение 14 дней уехать в Россию, взяв с собой челядь и имущество. А вот крестьянам и приходским священникам категорически запрещалось уезжать. Они теперь должны были жить под властью шведской короны.

Выступая в шведском риксдаге, король Густав II Адольф популярно выразил суть Столбовского мира: «Теперь без нашего позволения русские не могут выслать ни одной лодки в Балтийское море, большие озера Ладожское и Пейпус, Нарвская поляна, болота в 30 верст ширины и модные крепости отделяют нас от них. Теперь у русских отнят доступ к Балтийскому морю и, надеюсь, не так-то легко будет перешагнуть им через этот ручеек»[75].

В 1611 г. шведы начинают строить замок в устье Охты на месте разрушенного русского городка и еще ранее разрушенной Ландскроны. 12 октября 1617 г. в шведском риксдаге было впервые упомянуто и название этого города – Ниэн[76].



Ниен на карте начала XVII в.

Вскоре выборгское купечество почувствовало в Ниене опасного конкурента и добилось принятия постановления от 22 ноября 1622 г., запрещавшего всем иностранным купе-

[75] Тимченко-Рубан Г.И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 13–14.

[76] В разных источниках г. Ниэн (Ниен) именуют Ниеншанц, Канцы и Нюесканц. Некоторые авторы отделяют крепость Ниеншанц от Ниена.

ческим судам выгружать в Ниене какие-либо товары под угрозой конфискации судов и товаров.

17 июня 1632 г. король Густав Адольф подписал привилегии Ниену, юридические ставившие его в ряд с самыми крупными городами королевства. А 28 сентября 1638 г. был издан указ королевы Христины, разрешающий иностранным купцам торговать в Ниене. Город стал крупным портом. Так, с 1640 г. по 1645 г. его ежегодно посещали от 92 до 112 купеческих кораблей. Причем около 20 % из них прибывали из Северной Германии, Голландии и Англии.

В 1642 г. Ниен получил городской герб – «лев, стоящий между двумя реками и держащий в правой лапе меч».

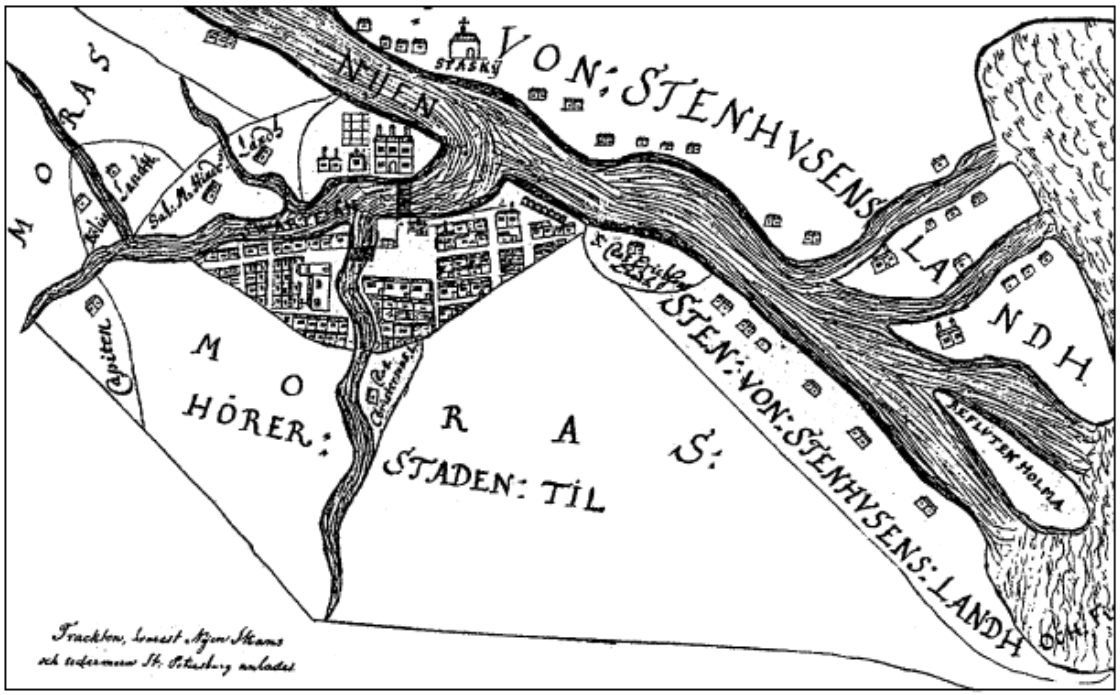
К середине XVII в. в Ниене стала уже традиционной трехнедельная августовская ярмарка, на которую съезжались иноземные купцы. Из русских северо-западных городов – Новгорода, Олонца, Тихвина, Ладоги – на ярмарку привозили продукты земледелия и животноводства, сырье и ремесленные изделия. Русские купцы везли рожь, ячмень, овес, горох, свинину, говядину, сало, масло, соленый лосось, деготь, смолу, пеньку, лен и лес. Большим спросом у иностранных купцов пользовались шкуры, кожи, меха и холсты. Привозили русские купцы и экзотические товары, очень популярные в Европе, в том числе восточные ткани – тафту, дамаск, плюш и шелк.

Русских же купцов на ярмарке особенно интересовали привозившиеся из Северной Европы металлы (железо, медь, свинец) и изделия из них (якоря, замки, ножи, булавки, иглы, зеркала). В цене были и английские, голландские, немецкие сукна, бархат и шляпы. Всегда пользовалась спросом соль. Также на ярмарке можно было приобрести экзотические напитки и продукты – французские и испанские вина, североморскую сельдь и др.

В июне 1656 г. русский отряд стольника Петра Потемкина двинулся вниз по Неве. Узнав о подходе русских, генерал-губернатор Густав Горн, находившийся в Ниене, и комендант крепости Томас Киннемокд бежали на судах в Нарву. За ними последовали войска и большинство обывателей. Шведы успели поджечь огромные запасы ржи (около 70 тыс. тонн).

30 июня русское вошли в Ниен. В нем насчитали около 500 дворов. На укреплениях было захвачено 8 пушек, а остальные шведы сбросили в реку Охту или увезли. Потемкин приказал сжечь город и по возможности уничтожить его укрепления.

Любопытна судьба утопленных орудий. Где-то между 1899 и 1903 гг. местные жители нашли и подняли из Охты 6 шведских чугунных пушек. Длина одной короткой пушки составляла 2,42 м, а остальные были от 2,6 м до 2,78 м (без винградов). Калибр – 11,5–13 см, то есть примерно 12 фунтов. Сейчас эти пушки установлены на бетонном постаменте – памятном знаке «Крепость Ниеншанц».



Ниен на карте середины XVII в.

В начале осени 1656 г. шведы вновь овладели Ниешанцем. В 1659–1666 гг. шведы восстановили укрепления Ниена. Населения города было космополитично. Согласно городской переписи 1640 г., среди 67 бюргеров, имевших полные гражданские права, было 11 немцев, 3 шведа, 39 выходцев из Финляндии и 4 с русскими фамилиями. Бюргером мог стать лишь достаточно богатый человек.

В 1675 г. вышел королевский указ, подтверждавший, что русским разрешалось селиться в городе и пользоваться одинаковыми правами с его гражданами, но с условием принятия лютеранства, строительства каменных домов и уплаты городских податей. В это время в Ниеншанце существовали русские лавки и даже торговая контора.

Замечу, что большинство русских дворян в 1617 г. покинули приневские земли, но несколько семей остались, приняли лютеранскую веру и были причислены к шведскому дворянству. В шведской дворянской метрике упоминаются Нассакин (Нащокин?), Аминов, Бутурлин, Рубцов, Пересветов, Аполлов и другие[77]. Так, Григорий Аполлов получил шведское дворянство в 1635 г. Его сын Василий стал комендантом Копорской крепости, а сын Иван (Иоганн) – комендантом Ниеншанца. Причем Иван Аполлов был комендантом с 1689 г. до 1703 г., то есть до взятия города Петром Великим.

[77] Гиппинг А.И. Нева и Ниеншанц. С. 196.

Раздел III
Реконкиста Петра Великого

Глава 1
Предыстория Северной войны

Весной 1697 г. датский король Кристиан V отправил в Россию посла Пауля Гейнса с предложением заключить военный союз против Швеции. Гейнс прибыл в Москву 18 июля 1697 г., но в это время Петр находился за границей, и послу пришлось ограничиться беседами с боярином Л.К. Нарышкиным, ведавшим Посольским приказом. Естественно, что решение вопроса было отложено до возвращения царя в Москву 25 августа 1698 г.

Первое знакомство Петра с Гейнсом состоялось 4 сентября 1698 г. во время торжественного обеда у Лефорта. Обед начался со ссоры между Гейнсом и послом Речи Посполитой Яном Бокием из-за места за столом, на что Петр отреагировал быстро, громко и коротко: «Дураки!»

Первая деловая встреча Петра с Гейнсом состоялась в ночь с 21 на 22 октября. Она была тайной, происходила без официальных церемоний в доме датского поверенного Бутенанта. 2 февраля 1699 г. там же произошло второе свидание Петра с Гейнсом. Гейнс доносил об этой встрече в Копенгаген: «Царь сделал мне знак следовать за ним в отдельную комнату, приказал запереть двери и спросил, что я могу ему предложить». 19 февраля царь выехал из Москвы в Воронеж, а три дня спустя туда же отправился и Гейнс. Здесь переговоры были продолжены, причем Ф.А. Головин был привлечен к ним только на самом последнем этапе. В очередном донесении Гейнс сообщил, что Петр «не желает, чтобы я к кому-либо обращался по этому делу, кроме него самого, и в случае, если бы он, вопреки ожиданию, не вернулся к тому времени, когда я буду иметь ответ от двора, мне будет позволено приехать к нему в Воронеж». 21 апреля договор с Данией был согласован. Он состоял из одиннадцати открытых и двух тайных, сепаратных статей. В открытых статьях стороны обязались по истечении трехмесячного срока со времени акта агрессии оказывать помощь в отражении «нападателя и оскорбителя». Две сепаратные статьи уточняли некоторые детали. Поскольку у союзников не было общих границ, то каждый и них должен был открыть военные действия против «нападателя и оскорбителя» вблизи своих границ. Вторая сепаратная статья конкретизировала условия вступления в войну России: оно могло состояться только после заключения мира с Османской империей.

Ратификация договора царем происходила 23 ноября 1699 г. в доме А.Д. Меншикова в селе Преображенском. Так описывал церемонию ее в своей депеше Гейнс: «…я в прошлый четверг был приглашен за два часа до рассвета в дом первого фаворита царя Александра Даниловича Меншикова, где его величество провел эту ночь. Царь, вставши, пригласил меня в свой кабинет вместе с его превосходительством Головиным и тайным переводчиком, и в моем присутствии он, прочитавши все, сам подписал как трактат, так и сепаратные статьи и велел приложить свою кабинетную печать…»

Помимо датского короля к войне со Швецией стремился и польский король Август II, который по совместительству был и саксонским курфюрстом. Как Саксония, так и Речь Посполитая имели территориальные претензии к Шведскому королевству.

Польские магнаты мечтали о возвращении Речи Посполитой Лифляндии, отошедшей к Швеции по Оливскому миру 1660 г. Кстати, и в самой Лифляндии среди дворянства были сильны сепаратистские настроения. Дело в том, что король Карл XI продолжил политику

своих предшественников, ограничивавших роль аристократии. Карл XI ввел редукцию имений – проверку документов на право владения землей и возвращение в казну казенных земель, ранее захваченных как аристократией, так и дворянством. Редукция распространилась и на Лифляндию, где ко времени ее проведения существовали две категории землевладельцев: рыцари, столетиями владевшие имениями, и шведское дворянство, получившее земли после присоединения Лифляндии к Швеции. Несмотря на различия во времени приобретения имений, обе категории землевладельцев находились примерно в равном положении по наличию у них документов на право собственности: шведские бароны и графы не имели оправдательных документов потому, что овладели имениями незаконно; подавляющее большинство рыцарей не могли предъявить документов, так как за многовековую давность утратили их. Редукция сначала распространилась на шведских землевладельцев, но затем охватила и рыцарей, вызвав их острое недовольство. Жалобы рыцарей, отправленные ими депутацией в Стокгольм, остались без последствий. Вскоре из пяти тысяч имений у лифляндского дворянства осталась лишь тысяча. В 1697 г. Карл XI умер, но его сын Карл XII продолжал политику редукций.

Главой недовольных лифляндских дворян стал капитан Иоган Рейнгольд фон Паткуль. Даровитый, энергичный, неразборчивый в средствах, пылкий до бешенства, мстительный, жестокий, Паткуль в Лифляндии и Стокгольме говорил громче всех и лучше всех против обид и притеснений, волновал рыцарство, заставлял его объединяться для отпора беде, писал от имени рыцарства просьбы к королю. В 1694 г. Паткуль был вызван в Стокгольм и обвинен в государственной измене. Видя, что дело должно кончиться для него плохо, Паткуль бежал в Курляндию, а в Стокгольме его заочно приговорили к смертной казни. Из Курляндии Паткуль бежал в Брандернбург, оттуда в Швейцарию, во Францию и Италию. В 1698 г. Паткуль приехал в Варшаву, где нашел гостеприимство у Августа II.

В двух мемориалах, поданных Августу II в июне 1698 г. и в апреле 1699 г., Паткуль предложил план организации союза для борьбы со Швецией. Он писал: «Легче и выгодней склонить к тому два кабинета – московский и датский, равно готовые исторгнуть у Швеции силою оружия то, что она отняла у них при прежних благоприятных обстоятельствах и чем до сих пор незаконно владеет».

В своих мемориалах Паткуль отводил России роль пушечного мяса и заранее предполагал ограничить ее территориальные приобретения.

«Надобно опасаться, – писал Паткуль, – чтоб этот могущественный союзник не выхватил у нас из-под носа жаркое, которое мы воткнем на вертел; надобно ему доказать историей и географией, что он должен ограничиться одной Ингерманландией и Карелией. Надобно договориться с царем, чтоб он не шел дальше Наровы и Пейпуса; если он захватит Нарву, то ему легко будет потом овладеть Эстляндией и Лифляндией. Надобно также уговориться с царем, чтоб при завоевании Ингерманландии и Карелии, Московитяне не придавались своей обычной жестокости, не били, не жгли и не грабили. Надобно выговорить у царя деньги и войско, особенно пехоту, которая очень способна работать на траншеях под неприятельскими выстрелами».

По мнению Паткуля, объектом нападения Августа II должна была стать Рига, «которая по своему положению, слабому укреплению и малолюдному гарнизону более всякой другой крепости подвержена опасности нечаянного нападения». Здесь Паткуль выступает уже не как прожектер, а как военный специалист, служивший капитаном в одном из полков рижского гарнизона и поэтому осведомленный об укреплении Риги и обороноспособности ее гарнизона. Главным условием успешной операции против Риги Паткуль считал подготовку ее в глубокой тайне и нападение врасплох.

Чтобы усыпить бдительность Швеции, Август II снарядил в Стокгольм сенатора Галецкого с заверениями в дружбе. Одновременно он в конце июля 1699 г. поручил поль-

скому Тайному совету рассмотреть предложения Паткуля и выработать конкретные меры по их реализации. Совет постановил отправить в Москву генерал-майора Карловича для заключения наступательного союза против Швеции, с тем чтобы царь в конце 1699 г. вторгся в Ижорскую землю и Карелию. Вместе с Карловичем Тайный совет решил отправить в Москву сведущего в военном деле лифляндца. Таковым, разумеется, оказался Паткуль, поехавший в Россию под именем Киндлера.

16 сентября 1699 г. генерал Карлович вместе с Паткулем прибыл в Москву в качестве неофициального посланника и доверенного лица саксонского курфюрста. 5 октября генерал подал царю мемориал, в котором подробно живописал процветание торговли России с Западом и Востоком после ее утверждения на побережье. Самым благоприятным временем нападения на Швецию Карлович считал декабрь 1699 г.

Ознакомившись с мемориалом, Петр решил посоветоваться с Гейнсом. Это было необходимо царю по двум причинам. Во-первых, датский король Кристиан V уже ратифицировал договор с Россией, и царю надо было знать отношение датского двора к включению нового союзника. Во-вторых, Кристиан V, ратифицировав договор, вскоре умер, и царя интересовало отношение нового короля Фредерика IV к русско-датскому союзу – откажется он от договора, подписанного его отцом, или подтвердит. Гейнс заверил царя, что его опасения относительно позиции Фредерика IV неосновательны, что сын будет продолжать дело отца. Петр, в свою очередь, заверил датского посла в своей верности союзу.

Заверения Гейнса позволили Петру ускорить оформление договора с Августом II. 11 ноября 1699 г. в селе Преображенском Петр ратифицировал договор с саксонским курфюрстом, составленный на бланке, заранее подписанном Августом II. Договор признавал исторические права России на земли, «которые корона Свейская при начале сего столетнего времени, при случае тогда на Москве учинившегося внутреннего несогласия, из-под царской области и повелительства отвлекла и после того времени через вредительные договоры за собою содержати трудилась». Стороны обязались друг другу помогать в войне против общих неприятелей и не заключать мира до удовлетворения требований, ради которых она началась: «…и никому из обоих сих высоких союзников никаких мирных предложений не слушать и не принимать без соизволения другого». Русские войска должны были вести военные действия в Ижорской земле и Карелии, а саксонские – в Лифляндии и Эстляндии. Царь обязался повелеть своим послам в Стамбуле постараться как можно быстрее заключить мир или длительное перемирие с османами, «хотя бы и с убытками», с тем чтобы договор был заключен не позднее апреля 1700 г. Вслед за этим Россия немедленно объявит войну Швеции.

Любопытно, что параллельно в Москве шли переговоры со шведскими послами. Еще Карл XI пытался установить доброжелательные отношения с Петром. Так, в 1696 г. Карл XI подарил Петру, ведшему войну с турками, 300 пушек, которые прибыли в Россию летом 1697 г. Среди них было 150 – 3-фунтовых пушек весом 25–28 пудов и 150 – 3,5-фунтовых пушек весом 36–41 пуд. Через новгородского воеводу Ф.М. Апраксина был сделан заказ на 280 чугунных пушек лучшему стокгольмскому литейщику Эренкрейцу, из которых не менее 100 были доставлены в 1699 г. в Новгород.

В конце июля 1699 г. в Москву прибыло шведское посольство, целью которого было подтверждение Кардисского мирного договора 1661 г. Однако послам отвечали, что царь на несколько недель выехал в Воронеж и Азов, и переговоры пришлось вести с Л.К. Нарышкиным. Хитрые московские бояре утопили суть переговоров в процедурных вопросах типа: кому вручать королевские грамоты, должен ли царь клясться на Евангелие, кто будет соблюдать ранее заключенные договора и т. п. Впервые царь принял шведских послов лишь 13 октября.

20 ноября шведы получили прощальную аудиенцию у Петра. Они получили подарки мехами, им была вручена царская грамота, содержавшая, в частности, такую фразу: «По

Кардисскому вечному договору, плюсскому совершению и Московскому постановлению в соседственной дружбе и любви мы с вашим королевским величеством быти изволяем».

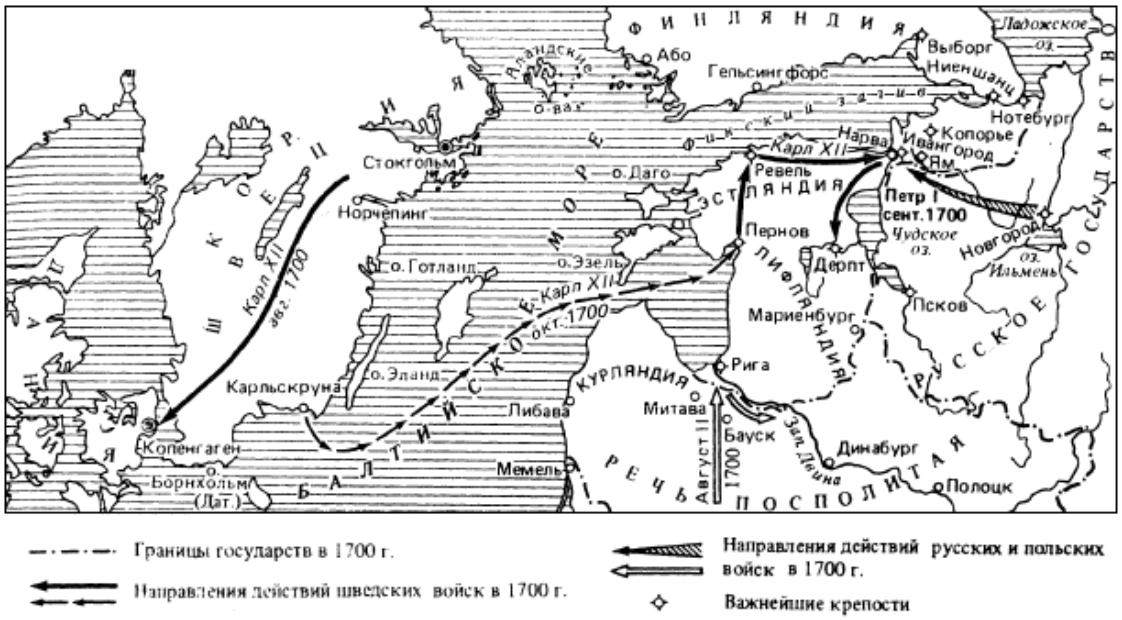
Уезжая, послы были уверены, что выполнили возложенную на них миссию – Петр еще раз подтвердил условия Кардисского договора.

А между тем Петр уже принял решение о начале войны. По его мнению, скорая победа была гарантирована. Против Швеции образовалась мощная коалиция – Россия, Польша, Саксония и Дания. Вероятность вступления в войну на стороне Швеции какого-либо государства была ничтожно мала. Наконец, руководство Дании и Польши было уверено само и уверяло царя, что в Швеции сильный голод и страна на пороге мятежа, а семнадцатилетний Карл XII сумасброден и неспособен к управлению страной.

Глава 2
Нарвская конфузия

Первыми начали войну войска Саксонии. В феврале 1700 г. семитысячная армия саксонского курфюрста, а по совместительству и польского короля Августа II вошла в Лифляндию и с ходу овладела крепостью Динамюнде (с 1893 г. Даугавгрива, до 1917 г. Усть-Двинск, с 1959 г. в черте г. Риги). Однако с ходу взять Ригу саксонцам не удалось, и пришлось перейти к правильной осаде.

16-тысячная датская армия во главе с королем Фредериком IV вторглась в Голштинию. Датчане взяли крепость Гузум и осадили Тоннинген. После взятия Тоннингена датчане планировали захват шведской Померании.



Карта военных действий начала Северной войны

К большому удивлению противников Швеции, ее поддержали Англия и Голландия. Шведская, голландская и английская эскадры подошли к Копенгагену. Карл XII пригрозил полностью разрушить город, если датчане откажутся подписать мир на его условиях.

Датчане приняли это требование. 7 августа 1700 г. в Травендале между Швецией и Данией был подписан договор, по которому последняя отказалась от союза с Россией, Саксонией и Польшей, признала независимость Голштинии и обязалась уплатить Швеции военные издержки. 15 сентября 1700 г. Август II снял осаду Риги. Таким образом, у Карла XII руки были развязаны и он мог заняться Россией.

Между тем Петр не спешил начинать боевые действия, поскольку Россия еще формально находилась в войне с Турцией. 8 августа 1700 г. в Москве было получено известие о том, что русский посол Е.И. Украинцев подписал в Константинополе перемирие сроком на 30 лет. На следующий же день, 9 августа, Россия объявила войну Швеции.

21 августа Петр отправил князю А.Я. Хилкову, русскому послу в Стокгольме, депешу, в которой ему поручалось объявить войну и изложить причины открытия военных действий: «…за многие их свейские неправды и нашим, царского величества, подданным за учиненные обиды, наипаче за самое главное бесчестье нашим, царского величества, великим и полно-

мочным послам в Риге в прошлом 1697 г., которое касалось самой нашей, царского величества, персоны». Из этого бестолкового текста следует, что де война началась из-за инцидента, происшедшего в Риге 1 апреля 1697 г., когда Петр, путешествовавший инкогнито в составе русского посольства, начал в подзорную трубу рассматривать крепостные укрепления. Рижский караул потребовал убрать трубу и пригрозил применить оружие. Об этом эпизоде царь поднял вопрос еще в ноябре 1699 г. со шведскими послами, и тогда договорились, что Карл XII строго укажет рижскому губернатору Дальбергу «за то утеснение и за их посольское бесчестье оборонь, чтоб впредь иным таким чинить было неповадно». Естественно, шведы полагали, что тем рижский инцидент был окончательно исчерпан.

С точки зрения буквы международного права повод для войны был анекдотичен, но с точки зрения здравого смысла Петр был тысячу раз прав. Швеция воспользовалась слабостью русского государства и грубо ущемляла его интересы. Россия выздоровела, окрепла, и все договоры, ущемляющие ее интересы, стали бумажками, годными для употребления лишь в отхожем месте. Так было, так и будет.

22 августа 1700 г. Петр выступил из Москвы к Нарве с пятью полками «нового строя», всего восемь тысяч человек. Через два дня туда двинулись и основные силы русских войск. 23 сентября русские осадили Нарву. По разным сведениям, число осаждавших было между 35 и 40 тысячами человек. Многочисленная осадная артиллерия состояла в основном, из разнотипных старых орудий. Так, крупнейшие осадные пушки (40-фунтовые пищали) «Лев» и «Медведь» отлили еще в 1590 г. при царе Федоре Иоанновиче. Орудия были самых разнообразных систем и калибров. Пушки (пищали) были в 40, 29, 24, 20, 18, 17, 15, 10 фунтов и т. д., гаубицы 1-пудовые, мортиры 2и 3-пудовые. Тяжелые пищали были штучного изготовления и имели имена собственные: «Свиток» – 40-фунтовая, «Скоропея» – 28-фунтовая, «Барс» – 17-фунтовая; было два «Соловья» в 20 и 15 фунтов. Собранные к этим орудия 44 тысячи снарядов даже невозможно было подогнать под все эти калибры. Бомбы для мортир быстро закончились, поэтому из мортир по крепости стали стрелять камнями. Лафеты многих орудий были ветхими и разрушались после 3–4-х выстрелов. «Понеже все было старо и неисправно», – писал Петр в своем дневнике.

Полковая артиллерия, в отличие от осадной, была вполне современной. Под Нарву прибыло 50 (по другим сведениям – 64) полковых пушек калибра около 3 фунтов.

Гарнизон крепости Нарва был невелик – 300 пехотинцев и 150 кавалеристов, к которым присоединилось 800 вооруженных ополченцев (крестьян и горожан). По журналу же Петра Великого гарнизон состоял их 1300 пехотинцев, 200 кавалеристов и 400 мещан, то есть ополченцев. Дореволюционные русские историки не имели сведений об артиллерии Нарвы, и лишь отмечали, что при взятии Нарвы в 1704 г. в крепости было найдено свыше 600 орудий. Советский историк Л.Г. Бескровный говорит о 400 орудиях, но не указывает источника информации[78]. Комендантом Нарвы был решительный и энергичный полковник Горн.

Передовой отряд русских, в составе которого был сам царь, подошел к Нарве 22 сентября. Интересно, что формально Петр не был командующим армией, а всего лишь капитаном бомбардирской роты. Войска, и особенно осадная артиллерия, подходили к Нарве крайне медленно. Первый выстрел по крепости был сделан лишь 18 октября, а массированная бомбардировка началась 20 октября.

Осада Нарвы велась по всем правилам западноевропейского военно-инженерного искусства. Генерал Людвиг Алларт, на которого возлагалась инженерная подготовка штурма, приказал соорудить две линии укреплений (циркумвалационную и контрвалационную) длиной в 6–7 км, фланги этих линий упирались в реку Нарову. Расстояние между линиями не превышало 1000 м. Здесь располагались войска, склады боеприпасов, бараки. Главную роль

[78] Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. С. 184.

играла внутренняя линия, на которой была сосредоточена почти вся русская артиллерия, обстреливающая Нарву.

Войска располагались так: на правом фланге (по отношению к Нарве) стояли дворянская конница Шереметева и дивизия Вейде, в центре – дивизия Трубецкого, на левом фланге – дивизия Головина и гвардия. Сообщение с восточным берегом Наровы обеспечивалось только одним мостом, сооруженным ниже крепости. Главная квартира находилась на острове Хампергольм.

На противоположном берегу реки Наровы два стрелецких полка осадили крепость Иван-город.

Узнав об осаде Нарвы, Карл XII с 32-тысячной армией морем прибыл в Пернов (Пярну). 26 октября Петр послал навстречу войскам Карла XII боярина Бориса Петровича Шереметева с пятью тысячами иррегулярной конницы (то есть боярское ополчение и казаков). 17 ноября царь получил от Шереметева донесение о приближении шведской армии. В ночь с 17 на 18 ноября царь «покинул армию». Так говорили в дореволюционных учебниках истории. В «Истории Северной войны» говорится, что, «оценив обстановку, Петр I решил отъехать из-под Нарвы в Новгород с тем, чтобы подготовить к обороне располагавшиеся там войска и одновременно ускорить присылку под Нарву подкреплений и боеприпасов»[79]. На самом же деле Петр трусливо бежал, бросив войско. Наши историки привыкли давать характеристики по принципу: хороший – плохой, смелый – трусливый. Увы, личность Петра Великого не вписывается в рамки привычных схем. Петр неоднократно проявлял смелость и даже рисковал жизнью без нужды, как, например, в шторм на яхте в Белом море. Но у него периодически случались приступы панического страха. Классический пример тому – ночь с 7 на 8 августа 1689 г., когда Петр, услышав, что де сторонники Софьи идут на село Преображенское, буквально без штанов бежал в Троице-Сергиев монастырь, бросив на произвол судьбы мать, молодую жену и потешные войска. Между прочим, стрельцы не только не собирались нападать, а наоборот, испугались атаки потешных и заперли ворота Москвы. Позже мы узнаем о приступе страха у Петра и во время Прутского похода.

Петру не обязательно было кидаться в передовые шеренги солдат, стоявшие у Нарвы, он мог спокойно переехать реку и командовать боем, находясь в полнейшей безопасности среди войск, осаждавших Ивангород. В этом случае русские войска все равно потерпели бы неудачу, но зато удалось бы избежать катастрофы.

Вместо себя Петр назначил командующим австрийского герцога де Кроа, поступившего на русскую службу лишь два месяца назад (в сентябре 1700 г.). Сразу же после отъезда царя у герцога возник конфликт со своим заместителем князем Я.Ф. Долгоруковым. Утром 18 ноября герцог де Кроа созвал военный совет для обсуждения вопроса о способе действий против шведской армии. Почти все участники его высказались за то, чтобы обороняться на занимаемой позиции. Лишь один Б.П. Шереметев предложил выйти из укреплений и атаковать шведов, но это предложение было отвергнуто. Инициатива действий оставлялась противнику.

К этому времени Карл XII стоял уже на ревельской дороге в деревне Лагены, в 10 км от русского лагеря. В его распоряжении находились 21 батальон пехоты, 46 эскадронов конницы (всего 12 тысяч человек) при 38 пушках.

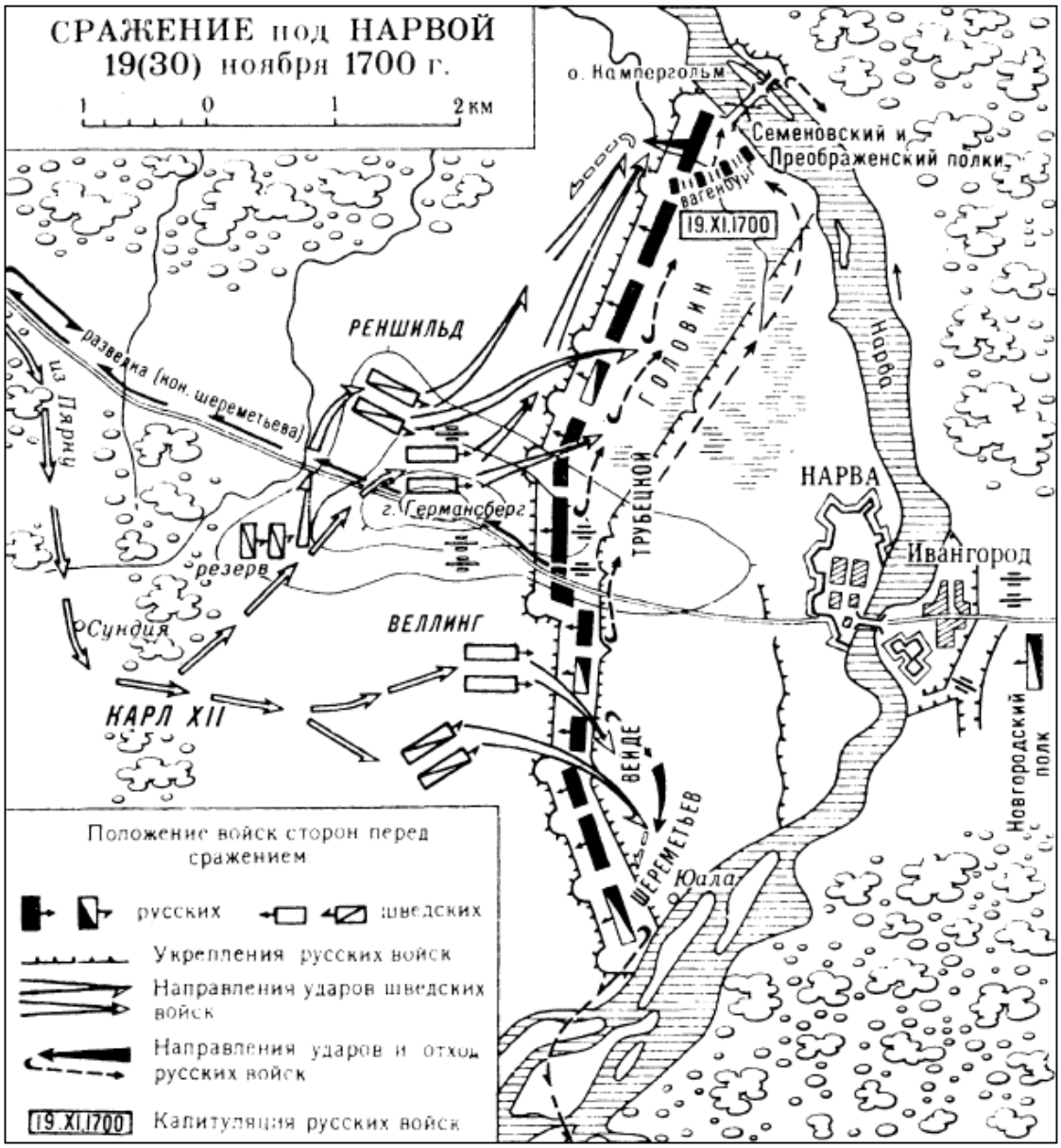
Рано утром 19 ноября Карл XII выступил из Лаген, но не пошел по большой дороге, а двинулся южнее, через лес, по едва проходимым тропинкам. Шведы скрытно подошли к русскому лагерю, и когда, около 11 часов утра, они показались из леса, то герцог де Кроа принял их немногочисленную армию за авангард главных сил, не предполагая, что король рискнет атаковать такими слабыми силами. Между тем Карл XII, захватив беспрепятственно

[79] История Северной войны. 1700–1721 гг. С. 46.

возвышенность Германсберг, приказал строить боевой порядок. Оценив обстановку и выяснив растянутость русской армии, король решил, не увлекаясь действиями на правом фланге противника (путь отступления), прорвать его центр и, разделив его на две группы, бить их по частям.

Шведская армия развернулась по обе стороны горы Германсберг. 11 батальонов и 24 эскадрона генерала Виллинга были направлены южнее Германсберга для атаки дивизии князя Трубецкого, а 10 батальонов и 12 эскадронов при 21 орудии генерала Реншильда должны были наступать севернее этой горы на полки Головина. Артиллерия майора Аппельмана должна была поддержать атаку правого крыла и служить связью между обеими колоннами. 12 эскадронов составляли резерв и были направлены за войсками Реншильда.

Бой начался канонадой с обеих сторон, продолжавшейся до 2 часов дня. Карл XII медлил бросаться в рукопашный бой, надеясь вызвать русских в открытое поле и тем избежать штурма укреплений лагеря, но, видя, что противник не покидает своих позиций, он приказал идти в атаку. Шведам удалось достичь внезапности, скрыто подведя войска под прикрытием интенсивного артиллерийского огня. Русские же ничего не предпринимали и только отстреливались. Момент атаки был выбран очень удачно. Небо покрылось тучами, поднялась метель при сильном холодном ветре, бившая прямо в глаза русским. Забросав ров фашинами, шведы ворвались в укрепление и атаковали с обоих флангов войска князя Трубецкого. Центр был прорван, опрокинутые части Трубецкого побежали, увлекая и левый фланг Головина. «Немцы нам изменили», – раздались крики среди обезумевших солдат, начавших избивать своих офицеров. Герцог де Кроа, генерал Алларт, саксонский посланник Ланген и командир Преображенского полка Блюмберг предпочли для собственной безопасности сдаться в плен.



Сражение под Нарвой 19 (30) ноября 1700 г.

Наступление шведов вызвало панику в поместной коннице Шереметева. Даже не будучи атакованной, она бросилась в реку Нарову близ порогов и, потеряв до тысячи человек утонувшими, перебралась на другой берег.

Между тем шведы, покончив с центром, двинулись левой колонной к мосту у острова Хампергольм, а правой – к деревне Юала. И, несмотря на критическое положение русской армии, шведы встретили на обоих флангах упорное сопротивление. На левом фланге центром сопротивления стала дивизия генерала Вейде, который успел привести войска в порядок. На правом же фланге успешно сопротивлялись Преображенский и Семеновский полки. Тем не менее тысячи солдат в панике устремились к единственному понтонному мосту через реку Нарову. Естественно, мост не выдержал и разошелся.

Ночью князь Я.Ф. Долгоруков, посовещавшись с боярами А.М. Головиным и И.И. Бутурлиным, а также с начальником артиллерии (генерал-фельдцейхмейстером) имеретинским царевичем Александром Арчиловичем, решил капитулировать. К шведам немедленно были посланы парламентеры.

Карл и его генералы понимали, что силы русских войск далеко не исчерпаны, и согласились на почетную капитуляцию согласно ее условиям: всем русским генералам, офицерам и войску с шестью полевыми пушками свободно отступить; с обеих сторон обменять пленных и похоронить тела; всю тяжелую артиллерию и всю остальную полевую артиллерию оставить шведам, все же прочее, багаж полковой и офицерский, свободно с войском отвести.

Русские бояре не доверяли шведским генералам и потребовали подтверждения условий капитуляции самим королем. Карл согласился, и в знак согласия король подал руку князю Долгорукову.

Еще ночью шведы начали чинить русский понтонный мост, и к рассвету он был готов. Утром, около 10 часов, Преображенский и Семеновский полки, а также дивизия Головина с оружием, распущенными знаменами и барабанным боем перешли через мост. Вместе с ними на тот берег Наровы была перевезена и казна русской армии, что вызвало ярость шведов. В условиях капитуляции о казне ничего не говорилось, тем не менее шведы потребовали «деньги на бочку», русские отказали. Тогда шведы окружили дивизии Трубецкого и Вейде, которые еще не успели переправиться через мост. Началась перестрелка, несколько десятков, а может быть, и сотен русских солдат было убито. Остальные были обезоружены, ограблены и лишь после этого отпущены за реку. Обоз, знамена и шесть полевых пушек, оговоренные условиями капитуляции, были захвачены шведами. Кроме того, были задержаны несколько русских военнопленных, включая Я.Ф. Долгорукова, А.М. Головина, Адама Вейде, царевича Имеретинского, И.Ю. Трубецкого и И.И. Бутурлина.

21 ноября Карл XII торжественно вступил в деблокированную Нарву.

По улицам города провели 79 знатных русских пленников.

Под Нарвой русские потеряли убитыми и утонувшими свыше шести тысяч человек. Шведам досталась вся русская артиллерия. Шведы, по русским сведениям, потеряли около двух тысяч человек.

После победы перед Карлом XII встал вопрос: а что делать дальше? До сих пор его действия были лишь реакцией на нападения стран антишведской коалиции. Позже шведский генерал Шлиппенбах вспоминал, что король, будучи в Нарве, отвел его «в свою спальню, где большой ландкарт был прибит, на котором он мне марш в Москву показывал, который бы, конечно, и учинился», если бы короля не отговорили генералы, рассчитывавшие «с Польши большие взятки взять, нежели с России».

3 декабря 1700 г. в Нарве Карл XII издал манифест, где призывал население России к бунту против царя, описывал его жестокости, обещал русскому народу свою королевскую волю, а в случае ослушания грозил истребить все огнем и мечем.

В самой Швеции поэты слагали оды в честь восемнадцатилетнего полководца. Была отлита целая серия медалей, прославляющих короля. На одной король был изображен с надписью «Истина превосходит вероятие (Superant superata fidem)»; на другой Карл низлагает троих неприятелей, и надпись: «Наконец правое дело торжествует!» Кроме медалей в честь Карла была медаль, выбитая в насмешку над Петром, с кощунственным изображением из истории апостола Петра. На одной стороне медали был изображен царь Петр, греющийся при огне своих пушек, из которых летят бомбы на Нарву; надпись: «Бе же Петр стоя и греяся». На другой стороне изображены были русские, бегущие от Нарвы, во главе их Петр, царская шапка валится с его головы, шпага брошена, он утирает слезы платком, и надпись: «Изшед вон, плакася горько».

В это время Карл оставил Нарву и ушел с войском к мощному замку Ланс в 50 верстах от Дерпта, где оставался до весны 1701 г.

Глава 3
Контрнаступление русских

Вопреки представлениям шведов, Петр не бросил шпагу. Наоборот, царь развил бурную деятельность, как после первого (неудачного) похода под Азов.

Князь Никита Репнин получает указание привести в исправность полки, шедшие от Нарвы «в конфузии». Закипела работа над строительством укреплений в Новгороде, Пскове и Печерском монастыре. По приказу царя повсеместно вешали взяточников и казнокрадов. Так, некий Леонтий Кокошкин был повешен за вымогательство пяти рублей.

Князь Репнин довольно быстро собрал уцелевшие войска. Всего из-под Нарвы вернулось 22 967 человек. Продолжался начатый еще в ноябре 1699 г. рекрутский набор, по которому служившие в армии дворяне должны были поставить по одному пешему рекруту с 50 дворов и по одному конному со 100 дворов. С дворян, находившихся на гражданской службе в приказах и в воеводствах, а также с отставных, со вдов, недорослей и девок было определено взять по одному даточному с 30 дворов. С церковных служителей и монастырей – по одному даточному с 25 дворов. Если же у владельцев поместий не было достаточного числа дворов, то с таких предлагалось взыскивать за каждого даточного по 11 рублей деньгами.

Всех пожелавших добровольно записаться в солдаты велено было принимать на съезжих ворах «без всякой задержки и взяток». В 1700 г. Петром был подтвержден указ 1697 г. об освобождении семей, добровольно записавшихся в солдаты от крепостной зависимости. Однако позже царь был вынужден отменить этот указ из-за серьезного недовольства дворян. Петр повелел казанскому и астраханскому губернатору боярину князю Борису Алексеевичу Голицыну в низовых городах набрать десять драгунских полков, выучить и к весне доставить в Псков Шереметеву. В добровольно-принудительном порядке Голицыну удалось сформировать десять полков по тысяче человек в каждом. Основной контингент состоял из казаков и «гулящих людей».

Особое внимание Петр придавал воссозданию артиллерии. Чтобы добыть медь, Петр издает свой знаменитый указ «со всего государства, с знатных городов от церквей и монастырей, собрать часть колоколов на пушки и мортиры». Тут следует заметить, что сей указ был в значительной мере следствием спешки – «нарвского синдрома». С особым рвением стал снимать колокола думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, который заведовал Сибирским приказом, а после Нарвы еще получил звание «Надзирателя артиллерии». Виниус предложил Петру даже снять медную кровлю с царских дворцов, а их покрыть «добрым луженым железом, будет красиво и прочно». За первую половину 1701 г. в Москву навезли около 90 тысяч пудов колокольной меди, а за весть 1701 г. израсходовали всего 8 тысяч пудов. Дело было не только в нерадении – из колокольной меди лить пушки без добавок нельзя, а добавок-то и не хватало (здесь, как и в документах того времени, пушки именуются медными, фактически же в петровские времена пушки лились из артиллерийского металла: 100 частей меди и 12 частей олова). Впрочем, и нерадения хватало. Виниус писал Петру: «Пущая остановка, Государь, от пьянства мастеров, которых ни лаской, ни битьем от той страсти отучить невозможно».

Тем не менее зимой 1700/01 г. в Москве было отлито 243 пушки, 13 гаубиц[80] и 12 мортир. Как и в предшествовавшие годы, проходила закупка западноевропейских орудий, поступавших в Россию через Польшу.

---

[80] В XVIII в. в русской армии и флоте гаубицы не могли вести навесной стрельбы, так как угол их возвышения был ограничен 15–20°, а в редких случаях – 25°. Они предназначались для настильной стрельбы бомбами и картечью.

Отдавая много времени перевооружению армии, Петр не забывал и о дипломатии. 31 января 1701 г. Петр покидает Москву и едет на переговоры с польским королем Августом II в город Бирта в Лифляндии. Его сопровождали адмирал Федор Алексеевич Головин, родной дядя Лев Кириллович Нарышкин, постельничий Гавриил Иванович Головкин, бомбардир поручик Александр Данилович Меншиков, переводчик Петр Павлович Шафиров и 24 солдата Преображенского полка. С польской стороны особую активность в переговорах проявил литовский подканцлер Щука.

Царь предлагал полякам и саксонцам совместными усилиями разгромить Карла XII и вернуть Польше Лифляндию. Щука же заявил Петру, что Польша истощена только что оконченными войнами, и гораздо выгоднее для нее пользоваться миром, чем искать новых приобретений, что, разумеется, ее можно побудить к войне, но для этого нужно посулить ей выгоды посущественнее. «Что такое, что такое?», – стал спрашивать царь. «Все дело в руках вашего величества», – отвечал подканцлер. Петр стал настаивать, чтобы Щука объяснился, и тот сказал: «По последнему договору с Россией Польша лишилась своих прежних границ. Так не угодно ли будет вашему величеству возвратить ей хотя половину уступленного, например, Киев с округом». Царь объявил, что это невозможно, что для Польши довольно и Лифляндии. Переговоры продолжил Ф.А. Головин. Он сказал, что уступка Киева невозможна без согласия Думы и казацкого гетмана, что она может произвести внутренние волнения в России. «Если это трудно для России, то еще труднее побудить к войне Речь Посполитую, – отвечал Щука. – Возвратите, по крайней мере, нам заднепровские городки Терехтемиров, Стайки, Триполье, также некоторые села от Стародубского полка, и не запрещайте населять Чигирин и другие окрестные места». «Ничего этого нельзя уступить без совета с гетманом, потому что царское величество ничего силою от Украйны не отнимет», – отвечал Головин.

Разговоры с Щукой этим и кончились, но с Августом II был заключен новый договор. Союзники обязались продолжать войну всеми силами и не оканчивать ее без взаимного согласия. Царь обещал королю прислать от 15 до 20 тысяч человек хорошо вооруженной пехоты в полное его распоряжение, с обязательством: выдать деньги на учреждение провиантских магазинов, поставить в Витебск 10 тысяч фунтов пороху и выплачивать в продолжение трех лет по 100 тысяч рублей. Король будет применять свои войска против шведов в Лифляндии и в Эстляндии, дабы, отвлекая общего неприятеля, обезопасить Россию и дать царю возможность с успехом действовать в Ижорской и Карельской землях. А Лифляндию и Эстляндию царь оставляет королю Августу II и Речи Посполитой без всяких претензий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.